

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ 6 (15)

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **6** (15)

ISSN 2255-9035

Rīga 2017

Православие в Балтии, № 6 (15)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2017, 174 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dr. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dr. theol. (США)

Миронович Антони, Dr. hab. hist. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Крумения-Конькова Солвейга, Dr. phil. (Латвия)

Протоиерей Александр Берташ, канд. богословия (Германия, Россия)

Богоявленская Светлана, Dr. hist. (Германия)

Секретарь редакционного совета:

Гусаченко Андрей (Латвия)

Редактор-корректор: Житарева Марина

Компьютерная верстка: Кулис Марис

Publicēts saskaņā ar LU Filozofijas un socioloģijas
institūta Zinātniskas Padomes 2016. gada 3. marta lēmumu.

Все присланные материалы проходят процедуру анонимного
рецензирования и утверждения редакционным советом.

Редакция не отвечает за точку зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются. Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке:

Пречистенский кафедральный собор в Вильнюсе. 14, 16, начало 19 в., 1860-е годы. Фото 2014 г.

Pravoslavie v Baltii, Nr 6 (15)

Scientific-analytical journal

Riga, University of Latvia, Institute of Philosophy and Sociology, 2017, xyz p.

General Editor:

Alexander Gavrilin, Dr. hist., Associate Professor (Latvia)

Editorial Board:

Evgeniya Nazarova, Dr. hist. (Russia)

Tatiana Shor, Dr. phil. (Estonia)

Permyakov Vitaly, Dr. theol. (U.S.A.)

Antoni Mironowicz, Dr. hab. hist. (Poland)

John (Berzins) Bishop of Caracass and South America (Argentina)

Solveiga Krumina-Konkova, Dr. phil. (Latvia)

Alexander Bertash, priest, Dr. theol. (Germany, Russia)

Svetlana Bogoyavlenskaya (Germany)

Editorial Board Secretary:

Andrejs Gusachenko (Latvia)

Literary editor: Marina Zhitareva

Layout: Maris Kulis

Pravoslavie v Baltii is a double-blind peer reviewed periodical with international editorial board. The aim of the magazine is to reflect the history of the church in the Baltic region in an objective manner. The publication does not have denominational restrictions, and it is not controlled by spiritual or secular censorship. It is published at least once a year in Russian and English.

Published materials cannot be reproduced without permission from the editor or editorial board.

Содержание / Contents

Предисловие / Introduction	7
--------------------------------------	---

Научные статьи / Scientific articles

Шкаровский Михаил (Россия)

Mikhail Shkarovsky (Russia)

Последний год существования Прибалтийского эксархата в период Второй мировой войны	11
---	----

Summary. Last year of the Baltic exarchate in the Second world war	21
--	----

Константин Обозный (Россия)

Konstantin Obozny (Russia)

Претерпевший до конца... О жизни и служении пресвитера Гордия Ольшевского	23
--	----

Summary. Life and service of priest Gordiy Olshevsky	40
--	----

Александр Гаврилин (Латвия)

Alexander Gavrilin (Latvia)

Епископ Константин (Ессенский)	43
--	----

Summary. Bishop Constantine (Essenskii)	54
---	----

Антони Миронович (Польша)

Antoni Mironowicz (Poland)

Православная Церковь в Польше в 1945–1948 гг.	57
---	----

Summary. The Orthodox Church in Poland in 1945–1948	74
---	----

Регина Лаукайтите (Литва)

Regina Laukaityte (Lithuania)

Православные монастыри в Литве: советский период истории	77
--	----

Summary. Orthodox Monasteries in Lithuania during the Soviet Period (1944–1990)	90
---	----

Сергей Мянник (Эстония) <i>Sergey Mannik (Estonia)</i>	
Епископ Исидор (Богоявленский)	95
Summary. Bishop Isidor (Bogoyavlensky)	107

Наталия Большакова-Минченко (Латвия) <i>Natalia Bolshakova-Minchenko (Latvia)</i>	
Жизнь, сокрытая в Боге: Архимандрит Виктор (Мамонтов)	109
Summary. A life hidden in God: Archimandrite Victor (Mamontov)	119

Мемуары / Memoirs

Воспоминания Анны Гарклавы	123
Summary. Memoirs of Anna Garklava	136

Публикация документов / Document publications

Наследство Платона, епископа Ревельского (К столетию принятия им кафедры Рижской епархии)	139
Summary. Heritage of Platon, the bishop of Tallinn (Dedicated to the 100-th anniversary since his ordination)	150

Письма игуменьи Сергии (Мансуровой) епископу Ревельскому, викарию Рижскому Платону летом 1918 г. (Материалы к истории эвакуации Рижского Св.Троице-Сергиева женского монастыря в годы Первой мировой войны)	151
Summary. The Letters of Mother Superior Sergyia (Mansurova) to the Bishop of Tallinn and Vicar of Riga Platon in summer 1918 (History materials of Riga St. Troitse-Sergiy nunnery monastery evacuation during the First World War)	156

Письмо митрополита Елевферия (Богоявленского) бывшему главному секретарю Карловацкого Синода Е. И. Махароблидзе от 05.10.1932 года	159
Summary. Letter of Metropolitan Elefery (Bogoyavlensky) to the former head secretary of the Synod of Karlovci, E. I. Makharoblidze from October 5, 1932	172

Предисловие

В силу своей занятости материал для каждого готовящегося номера журнала он всегда сдавал последним. Я звонил ему, писал напоминания, но это не помогало. Можно было бы, конечно, заменить его материал другим, но найти равноценный по глубине и значимости не представлялось возможным. Незадолго до его операции мы разговаривали по телефону, и он сказал мне: «Ну, в этот раз я все сделаю вовремя, все равно после операции никто меня на работу не пустит». Однако после операции времени уже не было... И не будет... Ушел Эйженс (Евгений) Упманис (14.04.1956-28.09.2016), православный латыш, архитектор в четвертом поколении.

Кого только не было в его роду: поляки, пруссаки, прибалтийские немцы, русские, латыши. Его предки оставили след в культуре и истории Латвии. Так, в нескольких журналах мы публиковали воспоминания деда Эйжена – Владимира Шервинского. Все окружающие считали его русским, русский язык был языком его семьи, однако в В. Шервинском не было ни капли русской крови. Несколько лет назад Эйжен открыл в рижском музее архитектуры выставку, посвященную своему прадеду – Макс Шервинскому. Мы со студентами исторического факультета ЛУ посетили её, считая, что посещение выставки (всего одна комната) займет не более получаса. Но провели мы

там два часа и были готовы слушать Эйжена ещё и ещё. Оказалось, что имя Макса Шервинского было для Эйжена только предлогом, чтобы показать совершенно незнакомый нам мир прибалтийско-немецкой интеллигенции. «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Евгения, и прости ему вся согрешения вольные и невольные, и даруй ему Царствие Небесное».

Нам осталось опубликовать последний фрагмент воспоминаний Владимира Шервинского. Не удалось...

Шестой номер журнала «Православие в Балтии» состоит из трех разделов: научные статьи, мемуары, публикация документов.

В первом разделе опубликованы семь научных статей. Несомненно, ведущим специалистом по истории Русской Православной Церкви в XX веке является проф. Михаил Витальевич Шкарковский. Его статья посвящена заключительному периоду деятельности Прибалтийского экзархата, который автор датирует 28 апреля 1944 года (убийством митрополита Сергия) – октябрём 1944 года (отъездом епископа Рижского Иоанна (Гарклавса) с группой священников из Латвии). Следует отметить, что *de-jure* экзархат прекратил своё существование в мае 1945 года, когда Заместитель экзарха архиепископ Ковенский Даниил (Юзвюк) подал рапорт Патриарху Московскому и всея Руси Алексию

(Симанскому) о деятельности экзархата и её прекращении.

Статья российского историка Константина Обозного рассказывает о земной жизни и мученической кончине латгальского священника Гордия Ольшевского. Особое внимание автор уделяет служению о. Гордия во время Второй мировой войны.

Латвийский историк Александр Гаврилин продолжает рубрику «Неизвестные латвийские священнослужители», начатую ещё в сборниках статей «Православие в Латвии». К сожалению, сегодня мы очень мало знаем о тех уроженцах балтийских стран, которые служили в РПЦЗ. Автор рассказывает об одном из них – епископе Константине (Эммануиле Ессенском).

В статье польского историка, профессора Антони Мироновича, анализируется положение Православной Церкви в Польше после окончания Второй мировой войны, её взаимоотношения с государственной властью, польским подпольем, Римско-католической Церковью, Московским Патриархатом.

Статья литовской исследовательницы Регины Лаукайтите посвящена положению православных монастырей в Литве в советский период. Коммунистическая власть, разумеется, отрицательно относилась к религии и Церкви, планировала закрыть все монастыри. Однако исследование Р. Лаукайтите показало, что эта политика имела и региональные особенности.

Эстонский исследователь Сергей Мянник продолжает серию статей, посвящённых архиереям Таллиннской и Эстонской кафедры после Второй мировой войны. В этом журнале публикуется статья, рассказывающая о жизни и деятельности управляющего Таллиннской епархией в 1947-1949 гг. епископа Исидора (Богоявленского).

В 2016 году упокоился архимандрит Виктор (Мамонтов). Светлой его памяти посвящена статья Натальи Большако-

вой-Минченко. Вокруг яркой личности о. Виктора всегда было много легенд и домыслов. Это не удивительно. Все, кто встречался с ним, понимали, что перед ними неординарная личность. Именно поэтому у каждого, посетившего Карсавский храм, есть свой рассказ об о. Викторе. Автор статьи, проанализировав исторические источники, попыталась объективно реконструировать биографию о. Виктора, оценить его духовное наследие.

Во втором разделе журнала публикуются воспоминания Анны Гарклавы, подготовленные к публикации Татьяной Питерс. Родители Анны были сторожами Лимбажской Преображенской церкви, в тесной сторожке которой родилась Анна и прожила всю жизнь. После кончины родителей Анна сама стала сторожем храма. Менялись политические системы в государстве, городская власть, настоятели прихода и прихожане, неизменным и непоколебимым, как само православие, оставалось только одно – верность Анны Гарклавы Лимбажскому православному храму. Благодаря её стойкости в храме всегда звучала и будет звучать молитва. Многая лета, Анна!

В третьем разделе журнала публикуется список вещей, оставшихся после трагической кончины священномученика епископа Ревельского Платона (Кульбуша), а также письма игуменьи Сергии (Мансуровой) о Рижском Св. Троице-Сергиевом монастыре в эвакуации. Эти документы нашла в Национальном Историческом архиве Эстонии и подготовила к публикации Татьяна Шор.

Хранитель архива Германской епархии Анатолий Кинстлер подготовил к публикации интересное письмо митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского), адресованное руководству РПЦЗ.

Все публикуемые источники впервые вводятся в научный оборот.

Научные статьи

Scientific articles

Шкаровский Михаил (Россия)
Mikhail Shkarovsky (Russia)

Последний год существования Прибалтийского экзархата в период Второй мировой войны

Last year of the Baltic exarchate in the Second world war

Статья посвящена истории последнего периода Прибалтийского экзархата Русской Православной Церкви в годы Второй мировой войны. Убийство 28 апреля 1944 экзарха митрополита Сергия (Воскресенского) германские власти пытались использовать в анти-советских целях. Однако в конечном итоге они не имели успеха. Между тем духовенство экзархата в 1944 провело большую работу по душепопечению насильственно вывезенных немцами при их отступлении на территорию Прибалтики или угнанных туда на принудительные работы сотен тысяч русских беженцев. В Латвии особенно активно в этом плане действовала воссозданная 27 декабря 1943 г. специальная Внутренняя Православная Миссия. В этой работе активно участвовали многие эвакуированные миссионеры Псковской Духовной Миссии. К началу 1945 Прибалтийский экзархат фактически прекратил свое существование. Сыгранная им в годы Второй мировой войны роль, несомненно, была очень значительной и, в первую очередь, стала базой для развития интенсивного процесса церковного возрождения на Северо-Западе России.

Религиозная ситуация в различных регионах оккупированной части СССР, как и германская церковная политика в них, при наличии основных общих черт все же отличалась определенным своеобразием. По-своему уникальной являлась ситуация в Прибалтике (Литве, Латвии, Эстонии) и на Северо-Западе России. Это был един-

ственный регион, где сохранился и даже вырос экзархат Московской Патриархии во главе с митрополитом Сергием (Воскресенским).

28 апреля 1944 г. экзарх, его спутники и шофер, ехавшие по пустынной дороге из Вильнюса в Каунас, были убиты выстрелами из обогнавшей их машины. Нападав-

шие были в немецкой форме, но оккупационные власти заявили, что это сделали советские партизаны. До сих пор до конца не ясно, кто организовал убийство. В советской послевоенной литературе в нем обвинялись нацисты.¹

Об этом же свидетельствует и подавляющее большинство известных источников. Согласно сообщению И. Л. Глазенапа, убийство совершил ложный партизанский отряд из русских агентов СД под командованием майора В. В. Позднякова. Впрочем, к этому свидетельству надо подходить осторожно, так как оно было опубликовано в советской тенденциозной газете «Голос Родины».²

В Бахметьевском русском эмигрантском архиве (Нью-Йорк) хранится письмо журналиста из Латвии М. Бачманова. В нем говорится о том, что спаслась из машины одна гимназистка, которая спряталась во рву. Она свидетельствовала, что это были немецкие СД, опознала одного из них по шраму на лице и запомнила номер машины, принадлежавшей каунасскому СД.³ Начальник полиции «Остланда» обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн после ареста, на допросе 31 декабря 1945 г. показал: «Митрополит Сергей находился давно под наблюдением СД и гестапо... Фукс дал мне прочитать приказ о ликвидации митрополита Сергея за подписью Кальтенбруннера, из которого следовало, что Сергей должен быть убит таким способом, чтобы путем провокации его убийство можно было свалить на советских партизан. Так и было сделано фактически».⁴ Переводчик при допросе П. Я. Крупников, проживавший в Латвии, сообщил, что на Еккельна в этом случае не оказывалось никакого давления, его допрашивали на другую тему, и обергруппенфюрер СС вдруг сам по своей инициативе рассказал об убийстве владыки Сергея.

Служивший в период войны в Прибалтике немецкий историк Е. Тройлиб писал, что офицер «соседней службы», который

негативно относился к связи экзарха с Московской Патриархией, «с удовлетворением» сообщил через несколько часов после убийства о случившемся. Тройлиб считал наиболее вероятным, что митрополита убили люди немецкой национальности на службе СД: «Как позже стало известно, незадолго до или после убийства на расположенном вблизи места покушения заправочном пункте вермахта заправлялся немецкий служебный автомобиль. Сидевшие в нем три человека в германской униформе показали действительный пропуск, говорили на ломаном немецком и демонстрировали вызывающе уверенное поведение».⁵

Интересные показания дал на допросе 11 сентября 1944 г. начальник Псковской Православной Духовной Миссии протопресвитер Кирилл Зайц: «Мне известен случай, когда в Риге лютеране-латыши по поводу занятия немецкими войсками Риги потребовали открыть кафедральный собор и совершить благодарственный молебен. Митрополит Сергей Воскресенский на это разрешения не дал, и молебен не был отслужен. Из этого я могу судить, что митрополит Сергей к немцам имел отношение отрицательное... Митрополит Сергей Воскресенский был убит, как прошел среди населения слух, немцами, такого же мнения был я и мои коллеги... Я полагаю, что причиной убийства послужило то, что немцы перестали доверять митрополиту Сергию. Правда, хотя у меня веских доказательств нет, но должен сказать, что СД, начиная с конца 1943 г., перестало давать пропуск на проезд митрополиту Сергию на территорию РСФСР, оккупированную немцами. С другой же стороны, убийство митрополита Сергея было совершено с целью создания среди населения отрицательного отношения к советской власти и большевикам. Кроме того, митрополит предвидел неизбежную свою смерть от немцев».⁶

Наконец, указания на убийство экзарха нацистами встречаются и в целом ряде секретных документов Совета по делам Русской православной церкви и Совета Министров СССР второй половины 1940-х гг.⁷ Относительно же совершения этой акции партизанами существует свидетельство рижского священника Н. Трубецкого, отсидевшего в лагере 10 лет за причастность к деятельности Псковской Миссии. О. Николай утверждал, что встретил в заключении бывшего партизана, который сообщил ему о своем участии в убийстве экзарха, совершенном по приказу советской разведки.⁸ Однако это субъективное свидетельство не подтверждается никакими архивными документами. Еще одну версию высказал в своих недавних воспоминаниях диакон В. Червяковский. Он предполагает, что митр. Сергей мог быть «убит дружинниками латвийского диктатора Ульманиса за то, что не хотел отказаться от церковного послушания Московской Патриархии».⁹ Но подобное вряд ли могло произойти без санкции оккупационных властей.

В западноевропейской историографии, как и в современной российской, утвердилась точка зрения, что экзарха расстреляли нацисты. Так в фундаментальном труде «История Христианства» говорится: «Эксперты считают, что Сергей был убит по приказу Берлина. После поворота войны под Сталинградом эта неудобная личность, которая так упрямо ссылалась на Московский патриархат, уже являлась не помощью, а помехой для немцев».¹⁰

Экзарху были устроены пышные похороны в Риге, но расследовать обстоятельства его убийства германские власти не стали. Зато сразу же, как по команде, была развернута пропагандистская кампания в связи с «террористическим актом большевиков». Целый ряд соответствующих статей появился в немецких газетах.¹¹ 11 мая МИД переслал текст Пасхального

послания митрополита Сергия в различные посольства с просьбой о максимально широком распространении: «Необходимо сделать все, чтобы через это сообщение и подобные публикации неослабно запечатлеть в сознаниях Сергия как мученика и первую жертву «ставшего благочестивым Сталина». При этом сверху рекомендовано религиозное акцентирование, не предназначенное для распространения через служебные германские каналы» и т.д.¹²

Органы управления экзархата прокомментировали смерть митрополита двусмысленным утверждением, что он пал «жертвой своей преданности Церкви и своей безграничной любви к Отечеству», в чем многие усмотрели намек на вину немцев.¹³

После убийства экзарха остро встал вопрос о преемнике. В его решении приняли активное участие важнейшие ведомства III рейха – Партийная канцелярия, Главное управление имперской безопасности (РСХА), МИД и Рейхсминистерство занятых восточных территорий (РМО). Борьба по этому поводу продолжалась несколько месяцев. Между тем у митрополита Сергия был законный «наследник». Еще Архирейское совещание в Пскове – Печерском монастыре 29-30 августа 1943 г. вынесло определение об обеспечении преемства в управлении экзархатом. По аналогии с принятым в свое время решением Патриарха Тихона совещание постановило, что после освобождения экзаршего престола он не может быть занят как таковой до восстановления связи с высшими церковными органами власти в Москве; руководство экзархата может перейти лишь к местоблюстителю экзаршего престола, и его должен назвать в своем духовном завещании митрополит Сергей. Это завещание последовало 29 октября 1943 г. В нем называлось три кандидата: первый – епископ Ковенский Даниил, второй – епископ Рижский

Иоанн и третий – архиепископ Нарвский Павел. Будущему заместителю вменялось в обязанность, как только представится беспрепятственная возможность, передать в Московскую Патриархию доклад о делах и всей жизни экзархата.¹⁴

В соответствии с завещанием владыка Даниил (Юзвюк) в сане архиепископа Ковенского 29 апреля вступил в должность заместителя экзарха (и поручил епископу Рижскому Иоанну управление хозяйственным отделом экзархата). Он был назначен митрополитом Сергием своим преемником не случайно: в 1930-е гг. иеромонах Даниил служил секретарем митрополита Литовского и Виленского Елевферия, отличался особой преданностью Московской Патриархии и был глубоко чужд всякой политической деятельности. Видимо, митрополит полагал, что использовать Владыку Даниила нацистам будет не легче, чем его самого. В докладной записке руководителя комитета русского населения Литвы А. Ставровского рейхскомиссару «Остланда» от 14 мая 1944 г. давалась следующая характеристика Ковенского архиепископа: «Еще большая опасность заключается в том, что епископ Даниил фанатичный и при этом духовно неполноценный приверженец унижительной покорности патриаршему престолу в Москве. Для него даже вопрос непоминания титула «патриарха» был большим ударом. Даниил принципиально против активной деятельности церкви в борьбе против большевизма. При нем православная церковь в Остланде будет находиться в полной стагнации и потеряет всякое влияние на население в смысле поощрения борьбы.» В телеграмме представителя МИДа при рейхскомиссариате «Остланд» (РКО) Г. Раутенфельда своему начальству от 17 мая 1944 г. также отмечалось, что архиепископ Даниил стар и политически (для немцев) очень не интересен.¹⁵

8 мая Ковенский архиепископ написал в отдел политики РКО о том, что он уже принял на себя обязанности местоблюстителя и известил об этом подчиненные ему церковные организации. При этом всякое общение со «схизматиками, эксмитрополитами» Александром (Паулуsom) и Августином (Петерсоном) отвергалось. 10 мая ландесдиректор Трампедах телеграммой сообщил об этом в Восточное министерство и высказал свои предложения: «Я прошу также и после смерти экзарха Сергия разрешить дальнейшее существование православного экзархата в Остланде... Так как в настоящее время имеется только 50000 православных латышей и вместе с эвакуированными в Остланд около 800000 русских, явно преобладает русский характер, задуманное воздействие на латышей с целью их отказа от принадлежности к православной церкви приносит первые успехи. Собственная же Латвийская православная церковь будет, как и Эстонская, проявлять тенденцию к подчинению Константинопольскому патриарху... После смерти экзарха на повестке дня встала возможность отделения от Московского патриархата и объединения под руководством представителя русского народа всех русских православных церквей в сфере германского господства».¹⁶

В ответной телеграмме от 19 мая Милве-Шрёден сообщал, что у него нет возражений против кандидатуры архиепископа Даниила, согласен он был и с сохранением экзархата, но относительно последнего предложения Трампедах категорически возражал: «Объединение православных церквей Остланда и Украины было бы возможно только под русским знаком и поэтому неприемлемо».¹⁷

В это время многие русские общественные деятели в оккупированных областях высказывали идею создания единой централизованной влиятельной Русской

Церкви, увидев в смерти экзарха повод для пересмотра церковного вопроса на всей территории, контролируемой III рейхом. В частности, в уже упоминавшейся записке Ставровского предлагалось созвать Собор всех канонических архиереев занятых восточных территорий (т.е. экзархата, автономной Украинской и Белорусской Церквей), который бы принял решение о включении в свой состав епископов Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ), создал временное (до восстановления Московского Патриархата) верховное управление Русской Церковью и назначил 6 митрополитов – для «Остланда», Белоруссии, Украины, Средней Европы, Южной Европы и Западной Европы.¹⁸

Сходные идеи выражал в своем докладе от 11 июня 1944 г. руководитель экзаршей канцелярии профессор И. Гримм. Именно он подсказал Трампедеху идею объединить экзархат и Украинскую автономную Церковь. При этом Гримм считал, что глава последней, архиепископ Пантелеимон, не может руководить экзархатом по каноническим правилам. Руководящий центр мог бы быть создан на общем Соборе православных архиереев Украины и «Остланда». В число задач этого центра входило бы также религиозное окормление Русской освободительной армии и русских колоний беженцев и оstarбайтеров в различных странах. Предусматривалось и дальнейшее привлечение для совместной работы священнослужителей РПЦЗ и даже Русского Западно-Европейского экзархата митрополита Евлогия. Заканчивал профессор свой поступивший в МИД доклад указанием на необходимость новой германской церковной политики на Востоке: «Кампания 1941 года не в последнюю очередь потерпела неудачу потому, что русский народ с самого начала имел подозрение о ведении войны в меньшей степени против большевизма, чем против России. Это недоверие

не только возбуждалось советским правительством, но и было очевидно для всякого вследствие направленной на раздробление [церкви] германской церковной политики. Эта ошибка не должна снова повториться. Поэтому при втором вступлении в Россию необходима организация православной церкви, полностью свободной в своих внутренних делах, крепко соединенной внешне...».¹⁹

Подобные планы были абсолютно неприемлемы для Восточного министерства, Партийной канцелярии и СД, не желавших менять своей генеральной линии относительно Русской Церкви, что подтвердилось на переговорах в мае-июне 1944 г. Причем, все большую роль в данном вопросе играло Главное управление имперской безопасности. Понимая это, МИД обратился 9 мая к ведавшему в этой организации церковными делами Нейгаусу по поводу преемника экзарха. Соглашаясь с тем, что разработка дела находится исключительно в ведении полиции безопасности и СД, МИД рекомендовал чрезвычайную осторожность, так как если выборы наследника Сергия будут неканоничными, «то этим вражеская пропаганда получит в руки новый материал для травли рейха и одновременно станет иллюзорной общегерманская зарубежная пропаганда на православные территории».²⁰

Но для Главного управления имперской безопасности канонические правила значили немного. Оно приняло решение назначить главой экзархата бывшего управляющего Киевской епархией архиепископа Пантелеимона, убедив в необходимости этого шага и другие германские ведомства. При этом объединение двух православных церковных образований категорически исключалось. Владыка Пантелеимон, который уже к тому времени проживал на положении беженца в Варшаве, при переезде в Прибалтику должен был оставить свой пост

главы автономной Украинской Церкви. На этом настаивали Партийная канцелярия и РМО. При выборе кандидатуры архиепископа Пантелеимона, видимо, учли то, что он осудил избрание Патриарха Сергия. На переговорах, состоявшихся 16 июня в Берлине, архиепископ выразил свое согласие. Собравшиеся 30 июня – 1 июля на конференцию в Риге прибалтийские архиереи постановили передать ему все права митрополита и экзарха. Но приехавший в Ригу архиепископ Пантелеимон неожиданно для всех поставил три условия своего согласия: «1. Передача ему кафедрального собора в Риге, 2. Предоставление права вынесения впереди креста при богослужениях, 3. Право носить две панагии». Второе и третье условия указывали на особые планы Владыки, так как подобные права мог иметь лишь верховный глава автокефальной Церкви. Согласно отчету начальника «церковной группы» Рейхсминистерства занятых восточных территорий К. Розенфельдера, лично выезжавшего для разбирательства инцидента 15-19 июля в Ригу, профессор Grimm считал, «что Пантелеимон хочет добиться при возможном создании Всероссийского Синода своего избрания главой русской церкви, поскольку он обладал бы высшими званиями и знаками отличия».²¹

Прибалтийские архиереи увидели в предъявленных условиях шантаж, потеряли к архиепископу всякое доверие и на своем совещании решили ответить ему отказом. После этого он вернулся в Варшаву. Приехавший «по горячим следам» Розенфельдер уже не смог изменить ситуацию. В докладе Раутенфельдера в МИД от 24 июля говорилось, что хотя компетентные германские органы о таком исходе и сожалели, «но ни на епископов, ни на Пантелеимона какого-нибудь давления не оказывали». Рейхскомиссар же решил дожидаться спокойного времени, чтобы найти другого подходящего преемника экзарха.²²

«Спокойное время» так и не наступило, наоборот, вскоре советские войска стали занимать одну часть «Остланда» за другой. Архиепископ Даниил так и остался последним главой экзархата. Ему пришлось возглавить большую работу по душепопечению насильственно вывезенных немцами при их отступлении на территорию Прибалтики или угнанных туда на принудительные работы сотен тысяч русских беженцев. В Латвии особенно активно в этом плане действовала воссозданная 27 декабря 1943 г. по распоряжению и под руководством епископа Рижского Иоанна специальная Внутренняя Православная Миссия. Она устраивала духовные беседы, чтения, преподавание Закона Божия детям, распространяла духовную литературу, крестики, иконы и т.д.

Во втором номере «Распоряжений и сообщений Высокопреосвященнейшего Сергия...» отмечалось: «Миссия развивает широкоохватывающую деятельность среди все растущего потока православных русских беженцев. Миссия открыла ряд новых богослужебных пунктов там, где раньше были лишь отдельные православные верующие или же таковых вовсе не имелось. С любезного разрешения лютеранского архиепископа Гринберга во многих местах православные богослужения совершаются в лютеранских церквях, куда собираются многочисленные молящиеся. В самом гор. Рига в центре жительства русских беженцев Миссия организовала во Всехсвятском храме цикл духовных бесед, следующих за молебном с акафистом, в которых принимают участие все православные пастыри Риги... При кафедральном Рижском соборе организован Центральный Дамский комитет, заботящийся с христианским рвением о самых насущных нуждах русских беженцев и их пастырей. Материальные средства для таковой насущной помощи поступают довольно хорошо, как от отдельных жерт-

вователей, так и от приходских церквей Латвийской епархии. Не забыты Комитетом и те госпитали и лазареты, где есть православные люди, жаждущие Христового утешения и духовного окормления».²³

«Благодаря заботам владыки [Иоанна], – сообщила 2 февраля 1944 г. газета «За Родину», – часть беженцев, в особенности в Курляндии, уже может совершать богослужения нормальным порядком и даже имеет двух священников из среды самих беженцев». Так, 18 и 19 января 1944 г. была отслужена литургия и затем водосвятный молебен в Народном доме Сеяской волости при участии хора, составленного из самих эвакуированных. 23 января 1944 г. состоялось богослужение в Балдоне, в связи с чем туда приезжали священники Псковской Миссии. В Риге в доме № 118 по ул. А. Гитлера нашла себе приют группа русских беженцев из 36 человек. Там на Рождество состоялся праздничный вечер с елкой, на котором присутствовал священник и т.д.

После эвакуации Православной Миссии из Пскова уже многие миссионеры включились в работу Внутренней Миссии на территории Латвии. При Епархиальном совете в Риге была создана комиссия по делам Внутренней Миссии, в которую вошли протоиерей Сергей Ефимов (первый начальник Псковской Миссии), протоиерей Николай Смирнов и священник Николай Кравченко. Члены Миссии устраивали специальные богослужения для находившихся на принудительных работах беженцев и даже в отдельных случаях для военнопленных. Известны примеры, когда стараниями православных священников улучшались условия содержания, медицинского обслуживания в лагерях русских беженцев и военнопленных. Особенно много в этом плане было сделано уполномоченным по делам Внутренней Миссии о. Владимиром Толстоуховым, посещав-

шим лагеря Курземе и Земгале, а также священниками Виктором Першиным и Иаковом Начисом, окормлявшими лагерь близ Шкиротавы. Из письма угнанной на принудительные работы девушки-псковитянки также видно, что их общежитие в Риге посещали православные священники из Пскова.²⁴

Архимандрит Кирилл (Начис) вспоминал, что с марта по осень 1944 г. он был псаломщиком в Свято-Троицком соборе г. Либава (Лиепая), где также служил священником его брат Иаков. В городе жило много русских беженцев, «целые кварталы в центре, где они помещались, были отгорожены и обнесены колючей проволокой»; так местные власти под предлогом санитарных норм изолировали эвакуированных. Члены причта собора окормляли беженцев, особенно много последних посещали храм, когда в начале осени 1944 г. в нем находилась чудотворная Тихвинская икона Божией Матери.²⁵ В Латвию были вывезены и другие святыни: из Пушкина – Знаменская икона Божией Матери, а из Пскова – мощи св. князя Довмонта (в крещении Тимофея), св. Всеволода (в крещении Гавриила), преподобного Иоасафа, игумена Снетогорского, блаженного Николая Садосы и несколько чтимых икон – в Рижский Свято-Троицкий собор. Многие из этих святынь использовались Внутренней Миссией и, таким образом, были спасены от вывоза в Германию.

В сообщении командира полиции безопасности и СД Латвии Кирсте своему руководству в Берлин от 17 мая 1944 г. говорилось о 156000 русских беженцах в генерал-бецирке, не учитывая Риги. Эвакуированные в религиозном плане рассматривались как гости Православной Церкви в Латвии и входили в существующие общины, там же где их не было, создавались новые. Кирсте считал, что необходимо строго указать на необязательность посещения

церквей для беженцев, но с сожалением констатировал малое количество убежденных атеистов среди них.²⁶

В Восточном министерстве выразили полное согласие с позицией полиции безопасности и 14 июня отправили Трампедаху телеграмму о том, что не в германских интересах производить на эвакуированную молодежь впечатление, «что мы желаем их включения в религиозные общества». Напротив, через сохранение непричастности к религии части русского народа, полагали чиновники, можно создать равновесие мировоззренческих сил, «что нам могло бы быть только желательно».²⁷

Вслед за Внутренней Миссией в Латвии митрополит Сергей в конце февраля 1944 г. учредил «Внутреннюю Православную Миссию в Литве». Она должна была окормлять только русских беженцев и насильственно эвакуированных и состояла почти исключительно из духовенства, ранее служившего на оккупированной территории Ленинградской области. По предложению местного благочинного протоиерея Николая Савицкого Управление Миссии было размещено в г. Шауляе. В конце февраля экзарх назначил временным начальником Миссии эвакуированного из-под Новгорода протоиерея Димитрия Флоринского, тогда же было намечено пять округов: Виленский, Ковенский, Поневежский, Алитский и Шауляйский. После же завершения эвакуации Псковской Миссии 10 марта 1944 г. митрополит Сергей заменил о. Димитрия протопресвитером Кириллом Зайцем. Вручив ему 12 марта соответствующий указ, Владыка сказал, «что беженцев нельзя оставить без поддержки в чужом крае, среди чужого народа». Отец Кирилл также был назначен благочинным Шауляйского округа и настоятелем городской церкви свв. апп. Петра и Павла, 15 марта он приехал в Шауляй и энергично приступил к исполнению своих новых обязанностей.²⁸

Протоиерей Димитрий Флоринский стал помощником начальника Миссии, бывший Островский благочинный протоиерей Николай Миронович – начальником канцелярии, А. Я. Перминов – делопроизводителем Управления, а В. Ю. Радвил – заведующим хозяйственной частью. Уже в марте было образовано семь округов, каждый из которых возглавил окружной миссионер: в Вильно (Вильнюсе) – прот. Николай Шенрок, в Ковно (Каунасе) и Алите (Алитусе) – священ. Николай Попов, в Шауляе – прот. Николай Миронович, в Поневеже (Паневежисе) – священ. Георгий Сперанский, в Кельме – прот. Евгений Троицкий, в Турогене (Тауреге) – прот. Димитрий Флоренский и в Жагорах – священ. Сергей Карчай. Кроме того, на приходах и во временных богослужебных пунктах служили еще несколько десятков миссионеров: в Поневеже – прот. Владимир Бируля и Анатолий Кушников, в Куршанах (Куршенае) – священ. Иоанн Гаврилов, в Кретинге – священ. Иоанн Иванов и др. Первоначально особенно остро стоял вопрос о материальной стороне существования Миссии, так как доходы от душепопечительной деятельности среди бедствовавших русских беженцев в Литве были ничтожны. Однако о. К. Зайц сумел встретиться с генералкомиссаром в Ковно и добиться выделения им на работу Миссии по разным сведениям от 1 до 2 млн. рублей. Внутренняя Православная Миссия в Литве действовала вплоть до освобождения советскими войсками Шауляя 27 июля 1944 г., и почти никто из входивших в ее состав священнослужителей не ушел на Запад с отступавшими немцами.²⁹

Как и в Латвию, в Литву были вывезены некоторые святыни из храмов Северо-Запада России. Самыми чтимыми из них являлись раки с мощами новгородских святых: святителя и чудотворца Никиты Новгородского, св. кн. Феодора, св. кн.

Владимира, св. кн. Анны, св. кн. Мстислава, святителя Иоанна Новгородского и св. Антония Римлянина. Осенью 1943 г. немцы эвакуировали свыше 3 тыс. новгородцев в литовский город Векшни, и 26 ноября туда же по железной дороге по инициативе протоиерея Василия Николаевского (желавшего спасти их при возможных боевых действиях в Новгороде) были привезены раки с мощами, до сентября 1943 г. находившимися в Софийском соборе города. Обнаружив их на станции, настоятель местной православной церкви прп. Сергия Радонежского протоиерей Александр Чернай тут же по телефону связался с экзархом и получил распоряжение немедленно перенести мощи крестным ходом в храм. Весть о прибытии святых мощей быстро распространилась по городу, и тысячи людей со слезами радости встретили великие святыни. С благословения митрополита Сергия отцу Александру было поручено открыть раки, чтобы поправить одеяния находящихся в них святых.

В клире Сергиевской церкви тогда служили кроме о. Александра свящ. Иоанн Харченко, бывший Новгородский благочинный прот. Василий Николаевский и иеродиакон Иларион – благочестивый старец с Афона. По словам настоятеля «через некоторое время после прибытия св. угодников о. Иларион видел сон, повторившийся дважды. Он видел Святителя Никиту, стоявшего в храме, облаченного в мантию и читающего покаянный канон. Войдя в храм и, увидав Святителя, о. Иларион пал ему в ноги, прося у него благословения. Благословив его, Святитель сказал: «Молитесь все об избавлении от бедствий, грядущих на родину нашу и народ. Враг лукавый ополчается. Должно вам всем, перед службой Божией, принимать благословение». Поклонился земно о. Иларион и поцеловал стопы Святителя, после чего Святитель Никита стал невидим». Отец

Иларион рассказал о видении настоятелю, и тот в свою очередь доложил митрополиту Сергию. Экзарх лично приехал в Векшни, расспросил о. Илариона и распорядился перед началом каждой службы при открытии раки свт. Никиты священнослужителям выходить из алтаря и прикладываться к деснице святого. По обе стороны раки во время службы стояли рипидоносцы, за часами был установлен возглас священника: «Молитвами Святителя Никиты нашего, Господи Иисусе, помилуй нас!». С тех пор храм во время богослужения всегда был переполнен народом. Вплоть до 24 ноября 1944 г. находились мощи святых в Векшнях, а затем при содействии советского командования были возвращены о. Василием Николаевским (возвращавшимся вместе с группой новгородцев в родной город) в Софийский собор Новгорода.³⁰

В Эстонии в 1944 г. также проводилась душепопечительная работа среди военнопленных и беженцев. Например, эвакуированный из Гдова священник Ливерий Воронов по благословию архиепископа Нарвского Павла, «стремясь облегчить страдания находящихся в плену советских людей», в Пасху 1944 г. совершил богослужение в лагере военнопленных близ Таллинна, а в городе Вильянди вместе с участниками благотворительного общества «Русская помощь» организовал православный приход, доходы от проведения служб и треб в котором составили фонд помощи особо нуждающимся в поддержке русским беженцам. Служивший в 1941–43 гг. в молитвенном доме на ст. Антропшино под Ленинградом прот. Иоанн Успенский после эвакуации в Эстонию, будучи приписан к Никольской церкви Таллинна, обслуживал беженцев и т.д.³¹

В воспоминаниях известного петербургского протоиерея Василия Ермакова рассказывается о помощи православного духовенства угнанным на территорию Эстонии

в лагеря русским людям (в числе которых был и подросток Василий): «В лагере Палдиский в Эстонии, куда нас пригнали 1 сентября, было около ста тысяч человек. Там было наших орловских около десяти или двадцати тысяч, были и красносельские, петергофские, пушкинские, их привезли раньше. Смертность была высокая от голода и болезней. Мы прекрасно знали, что нас ожидает, что будет. Но нас поддерживало таллинское православное духовенство: в лагерь приезжали священники, привозили приставной Престол, совершались богослужения. К нам приезжал в лагерь приснопоминаемый мною протоиерей отец Михаил Ридигер, отец Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Служил он с сегодняшним митрополитом Таллинским и всея Эстонии Корнилием. Я хорошо помню, как они совершали литургии в военно-морском клубе, хор был из лагерных. Люди причащались, была торжественная служба. И я здесь ощутил еще более, и понял, что не только у нас в краях орловских так молились. Посмотрел и увидел, что все приехавшие из Красного Села, Пушкина, Петергофа, все они молились, пели, и явственно ощущалась благодать Божия. У меня была икона Спасителя (она до сих пор цела), которой успел благословить меня с сестрой моей Лидией отец. И я в лагере ставил ее на камень и молился, как Серафим Саровский».³²

Известие о смерти Московского Патриарха Сергия (Страгородского) германские власти встретили предупреждением, чтобы оно не было ничем отмечено. Под их давлением архиепископ Даниил 9 июня издал распоряжение о запрещении общественного поминания усопшего. Как и ноябрьское постановление, это указание встретило массовое сопротивление духовенства не только в Ленинградской епархии, но и в Прибалтике. Так, Нарвский Епархиальный совет 23 мая 1944 г. признал неканоничным

прекращение поминания имени Первосвященителя и решил продолжать возносить его, а 22 июня вынес свое суждение о распоряжении экзаршего наместника от 9 июня, что оно «не согласно с духом Православной Церкви».³³

38 приходов, окормляемых архиепископом Нарвским Павлом, поминали Патриарха и в 1944 г., вполне лояльно встретив советские войска. Митрополит же Александр (Паулус) с группой из 22 эстонских клириков из Таллинна уехал в Германию, а позже в Швецию. В Литве архиепископ Ковенский Даниил в июле 1944 г. издал циркуляр об эвакуации духовенства в индивидуальном порядке без семей и имущества, но его выполнили немногие. Сам Владыка вместе с настоятелем Ковенского собора прот. Герасимом Шорцем и еще несколькими клириками в июле эвакуировался в чешский город Верниград. Позднее – 30 декабря 1945 г. он восстановил общение с Московской Патриархией и был назначен архиепископом Пинским и Брестским.

С отъездом архиеп. Даниила из Литвы экзаршим наместником автоматически стал епископ Рижский Иоанн. В Латвии значительная часть православных священнослужителей была эвакуирована в Германию. Еще 31 марта 1944 г. Восточное Министерство в телеграмме указало руководству РКО: «В случае, если эвакуация Остланда станет необходимой, вы должны в любом случае позаботиться о том, чтобы не оставлять православное духовенство и особенно высших сановников с целью исключения возможности их пропагандистского использования Советами».³⁴

В октябре 1944 г. по приказу немецкого командования в окружении автоматчиков «Остланд» покинули епископ Иоанн (Гарклавс) и с ним около 25 священников.³⁵ Архимандрит Кирилл (Начис) так писал об обстоятельствах отъезда епископа Иоанна из Либавы: «Как позже мне рассказывал

диакон Михаил Яковлев, также бывший в это время с Владыкой и сопровождавший позже Тихвинскую икону вместе с ним в Германии и Чехословакии, уезжать с родины Владыка Иоанн не хотел, говоря: «Зачем я поеду туда, где и кем я там буду», высказывая желание остаться в Латвии, каким-нибудь образом избежав эвакуации. Владыка хотел спрятать икону и никуда не ехать, тем более, что Курляндия к тому

времени была полностью окружена советскими войсками. Однако обстоятельства, судьба святыни и сопровождавших ее сложились иначе». ³⁶ Таким образом, экзархат фактически прекратил свое существование. Сыгранная им в годы войны роль, несомненно, была очень значительной и, в первую очередь, стала основой для развития интенсивного процесса церковного возрождения на Северо-Западе России.

Summary

The Article is sanctified to history of the last period of history of the Baltic exarchate of Russian Orthodoxy Church in the years of Second world war. After murder of April, 28 1944 exarchs of metropolitan Sergiy (Voskresenskiy) German authorities tried to carry out different political plans with the purpose of his use in anti-soviet aims. However in the end they fell flat. Meantime the clergy of exarchate in 1944 conducted large work on care violently taken out by Germans at their retreat on territory of the Baltic States or driven away there on force works of hundreds of thousands of

the Russian refugees. In Latvia especially actively in this plan action of billow recreated on December, 27 1943 the special Internal Orthodox Mission. In this work many evacuated missionaries of Pskov Spiritual Mission participated actively. To beginning 1945 the Baltic exarchate of ceased to exist. Played to them in the years of Second world war a role, undoubtedly, was very considerable and first of all as a base for development of intensive process of church revival on North-west of Russia.

Reference list

- 1 Vevers Ja.Ja. Pravoslavnaja duhovnaja missija – agentura fashistskoj razvedki. Riga, 1973. S. 21; Gerodnik G. Pravda o Pskovo-Pecherskom monastyre. M., 1963. S. 100.
- 2 Hmyrov (Dolgorukij) Ju.P. Strashnoe zlodejanie // Golos Rodiny. 1972. # 27. S. 4.
- 3 Pospelovskij D. V. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v XX veke. M., 1995. S. 209.
- 4 Sudebnyj process po delu o zlodejanijah nemeckofashistskih zahvatnikov na territorii Latvijskoj, Litovskoj i Jestonskoj SSR. Riga, 1946. S. 131.
- 5 Treulieb E. Metropolitan Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission in Pleskau», in: Kirche im Osten. Studien zur osteuropaischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Band 8, Göttingen 1965. S. 63.
- 6 Arhiv Upravljenija Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii po Pskovskoj obl. (AUFBS Pskovskoj obl.). F. arhivno-sledstvennyh del. D. A-10676. T. I. L. 47-48.
- 7 Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 17. Op. 132. D. 111. L. 28; Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 6991. Op. 1. D. 6. L. 25.
- 8 Shemetov N. Edinstvennaja vstrecha. Pamjati o. Nikolaja Trubeckogo // Vestnik russkogo hristianskogo dvizenija. 1978. # 128. S. 250.
- 9 Cher V. Vozvrashhenie. SPb., 2002. S. 97.
- 10 J.-M. Mayeur [Hrsg.], Die Geschichte des Christentums. Band 12, Freiburg-Basel-Wien 1992. S. 979.
- 11 Die Zeit vom 2.05 und 6.05.1944; Prussische Zeitung vom 2.05.1944; Deutsche allgemeine Zeitung vom 14.05.1944 и др.
- 12 Bundesarchiv Berlin (BA), R 901/vorl. Nr. 398. Bl. 14-15.
- 13 Treulieb E., a.a.O., S. 64.

- 14 Politisches Archiv des Auswaertigen Amts Bonn (AA), Inland I-D, 4757.
- 15 Ibidem; BA, R6/179, Bl. 46.
- 16 Ibidem; Bl. 42.
- 17 Ibidem; Bl. 95.
- 18 Ibidem; Bl. 44-48.
- 19 AA, Inland I-D, 4757.
- 20 Ibidem.
- 21 BA, R 6/179, Bl. 136.
- 22 AA, Inland I-D, 4757.
- 23 Iz Pribaltiki // Pravoslavnaia Rus'. 1944. # 13-14. S. 16.
- 24 Oboznyj K. Pskovskaja Pravoslavnaia missija v 1941-1944 gg. (missionerskij aspekt dejatel'nosti) // Pravoslavnaia obshhina. 2000. # 2 (56). S. 83-84; Kornilov A. A. Preobrazhenie Rossii. O pravoslavnom vozrozhdenii na okkupirovannyh territorijah SSSR (1941-1944 gg.). Nizhnij Novgorod, 2000. S. 67.
- 25 Kirill (Nachis), arhim. Narod zhazhdal molit'sja, zhazhdal pokajaniia... // S.-Peterburgskie eparhial'nye vedomosti. Vyp. 26-27. SPb., 2002. S. 201-202.
- 26 BA, R 6/179, Bl. 32-33.
- 27 Ibidem, Bl. 122.
- 28 AUFSB Pskovskoj obl. F. arhivno-sledstvennyh del. D. A-10676. T. 1. L. 159.
- 29 Ibidem. L. 161-165.
- 30 Arhiv S.-Peterburgskoj eparhii. F. 1. Op. 4. D. 4. L. 13-16; Aleksij (Chernaj), arhim. Pastyr' v gody vojny // S.-Peterburgskie eparhial'nye vedomosti. 2002. Vyp. 26-27. S. 219-221. .
- 31 Arhiv S.-Peterburgskoj eparhii. F. 1. Op. 27. D. 2..
- 32 Ermakov V., prot.; Mitrofanov G., prot.; Gusev B. S Bogom v okkupacii. SPb., 2002. S. 89.
- 33 Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb). F. 9324. Op. 1. D. 7. L. 112-113.
- 34 BA, R 6/178. Bl. 181.
- 35 Tajlov G. Pravoslavnaia cerkov' Latvii v gody kommunisticheskogo rezhima // Vera i zhizn'. 1995. # 1. S. 19.
- 36 Kirill (Nachis), arhim. Ukaz. soch. S. 202.

Константин Обозный (Россия)
Konstantin Obozny (Russia)

Претерпевший до конца...
О жизни и служении
пресвитера Гордия Ольшевского

Life and service of priest Gordiy Olshevsky

Стотридцатилетию со дня рождения отца Гордия посвящается

Перед вами биографический очерк, посвященный Гордию Игнатьевичу Ольшевскому, православному священнику, служившему в Латгалии вплоть до своего ареста и безвременной кончины в узах. Идея написания этого очерка появилась благодаря знакомству, которое вскоре переросло в настоящую дружбу, с дочерью отца Гордия – Надеждой Гордеевной Погодиной, сохранившей христианскую веру, несмотря на многие скорби и жизненные испытания. Ее яркое свидетельство о жизни и служении отца не могло оставить равнодушным, а если добавить, что никаких материалов об о. Гордии не было до сих пор издано, стала очевидной необходимость сохранить рассказ Надежды Гордеевны для потомков и исследователей церковной жизни в Латвии. В архивных фондах сохранилось не так много документов, которые могли бы стать основой биографической статьи. К слову сказать, подобная специфика характерна и для исследований по церковной истории в СССР в 1920-30-е гг. Подчас единственным источником для таких работ становятся судебно-следственные дела из архивов ФСБ. Это приводит к серьезным недостаткам и субъективным, подчас противоречивым, выводам, основанным на откровенных фальсификациях следствия. В таком случае своеобразным «противоядием» становятся источники личного происхождения – мемуары, переписка, свидетельства близких, соратников и современников. Именно этот пласт документов, также не лишенных субъективного начала, может, по сути, передать образ исповедника веры или новомученика. Основой предлагаемого вашему вниманию очерка послужило свидетельство Надежды Гордеевны, которое она сохранила как семейное предание. Однако это предание почти всегда подтверждается авторитетом документов из фонда Синода Латвийской Православной Церкви, судебных и исполнительных органов власти СССР. Несмотря на это вполне возможно, что фактология может страдать определенной неточностью, хронологическими нестыковками и фрагментарностью, что, надеюсь, не исказит подлинного образа

исповедника Христовой веры пресвитера Гордия Ольшевского. Приношу искреннюю благодарность Надежде Гордеевне Погодиной за сохранение семейного предания, предоставленные копии документов и фотографии.

История христианской Церкви XX века наполнена событиями, которые свидетельствуют о «последних временах», наступивших с воплощением Сына Божьего и заключением последнего, Нового Завета. Чем дальше человеческая цивилизация продвигается по историческому пути, тем откровеннее выступают очертания «последних времен». Военные слухи и смута, разрушение традиций и упадок культуры, расцвет лжепророчеств и ослабление подлинной веры, оскудение любви и умножение беззакония, ненависть и предательство стали постоянными спутниками жизни многих и многих людей (Мф. 24: 7-12). Все это стало визитной карточкой минувшего столетия и продолжает нарастать в веке настоящем.

Одной из основных черт «последних времен» XX века стали беспрецедентные гонения на христиан, особенно активные и яростные в Советском Союзе. Сонм новомучеников и исповедников Православной Церкви – это урожай жатвы верных учеников Христовых, претерпевших страдания до конца и сохранивших верность Истине.

Одним из таких избранных верных последователей Христовых был православный священник Гордий Ольшевский, скромный служитель Церкви, жизнь которого может стать образцом для современных христиан, преодолевающих свое поприще земного пути в преодолении зла и стяжании Духа.*

Гордий Игнатьевич Ольшевский родился 15 января 1897 года в Риге на Малой Замковой улице, недалеко от здания Синода. Его родители – Игнатий Кузьмич и Пелагея Родионовна Ольшевские – были образованными, верующими людьми. Гордий был седьмым, младшим ребенком в семье Ольшевских: Даниил, Василий, Наталья, Семен, Варвара, Мария, Гордий. Его мать,

Пелагея Родионовна, была из дворянского рода Полянских, выпускница Смольного института благородных девиц. Его дедушка, Родион Полянский, обучался в Пажеском Его Императорского Величества корпусе, который размещался во дворце графа М. И. Воронцова в Петербурге. Он был блестящим офицером российской армии, имел боевые награды, в том числе Георгиевский крест I степени. Благодаря хорошему домашнему воспитанию и усилиям матери, Гордий Игнатьевич знал семь иностранных языков, в том числе свободно владел немецким и французским языками, будучи музыкально одаренным, умел играть на нескольких музыкальных инструментах. Вместе с сестрой Натальей он брал уроки музыки, однако начавшаяся в 1914 году Первая мировая война не позволила завершить обучение.

Наталья Игнатьевна Ольшевская продолжила занятия пением, проходила стажировку в Италии и стала профессиональной оперной певицей. По семейному преданию, Наталья Ольшевская стала исполнительницей с мировым именем в театре Ла Скала. Ее жизнь трагически оборвалась в годы Второй мировой войны. Старший брат, Даниил Игнатьевич, стал военным врачом, дослужившись до высоких чинов. Связь с ним была утрачена еще

* При написании статьи автор опирался в основном на воспоминания Надежды Гордеевны Погодиной (урожд. Ольшешской, род. 30.07.1926), т.е. на субъективный источник, поэтому многие факты, упоминаемые в статье, требуют самой тщательной проверки. Прим. редактора.

в годы Первой мировой войны. После октябрьского переворота 1917 года Даниил Игнатьевич оказался в Одессе на советской территории. Отец Гордий узнал адрес старшего брата только после присоединения балтийских республик к СССР в 1940 году. Однако тот не стал поддерживать переписку с братом, когда узнал, что он избрал священническое служение.

Другой брат, Семен Игнатьевич Ольшевский, был контужен в боях Первой мировой войны и стал инвалидом. После смерти родителей в 1934 году Гордий Игнатьевич взял увечного брата Семена к себе. Семен жил с семьей о. Гордия, в том числе и в Латгалии на приходе в Зобках. Отец Гордий искренне заботился о брате, регулярно привозил на дом врача для его лечения.

Сестра Варвара после 1920 года уехала в СССР, и следы ее потерялись. Другая сестра, – Мария, проживала в Риге с мужем Алексеем Пузановым. Мария Игнатьевна была церковным человеком, активной прихожанкой Рижского Александро-Невского храма. В годы немецкой оккупации митрополит-экзарх Сергей (Воскресенский), глава Православной Церкви в Прибалтике, неоднократно посещал дом Пузановых. В 1944 году Мария Игнатьевна с супругом эвакуировались на Запад. Там Алексей Пузанов был рукоположен в священный сан и назначен настоятелем православного храма в Висбадене.*

В 1909 году Гордий Игнатьевич закончил в Риге Благовещенскую приходскую школу. Обладая хорошим голосом, с детства

* Алексей Пузанов окончил курс Рижской Духовной семинарии, но продолжал трудиться на светской работе, пока не выехал за рубеж.

Пресвитер Гордий Ольшевский (1897–1945)

участвовал в богослужении. Осенью 1914 года муж старшей сестры Марии, Алексей Пузанов, служивший начальником железнодорожной станции, вывез свою семью в Новгород подальше от приближающейся линии фронта. Вместе с ними покинул Ригу и будущий о. Гордий. В Новгороде, чтобы не быть обузой для сестры, он обратился с прошением в местное епархиальное управление о назначении на церковный приход и получил положительный ответ. Новгородский архиепископ Арсений (Стадницкий) 4 декабря 1915 года назначил Гордия Ольшевского исполняющим обязанности псаломщика прихода Спасо-Преображенского храма села Кунино в 4 км от Новгорода.

Именно здесь Гордий Игнатьевич познакомился со своей матушкой, Ольгой Тимофеевной, урожденной Ильиной (род. 8

Свято-Никольский храм с. Зобки Линавской волости Абренского уезда (начало 1930-х гг.)

июля 1894 г.). Таинство венчания совершил 20 мая 1918 года настоятель Спасо-Преображенской церкви в Кунино священник Владимир Быстровский. До этого Гордий Ольшевский учился в 3-х классной Новгородской Духовной семинарии. Не закончив обучение, он 1 февраля 1916 года ушел добровольцем на фронт.*

В конце 1920 года семья Ольшевских приняла решение переехать из Советской России в Латвию. Ольга Тимофеевна со старшей дочерью Ниной (совсем еще маленькой) в товарном вагоне поехали в Ригу, но их довезли лишь до Якобштадта (Екабпилс), где высадили всех пассажиров. Жизнь после военных событий была крайне трудной – разруха, голод, неустро-

* Эти сведения из послужного списка, хранящегося в архивных фондах ЛГИА. В памяти дочери отца Гордия – Надежды Гордеевны Погодиной, этот факт не сохранился.

енность, безработица. Гордий Игнатьевич вновь обратился за помощью к Церкви.

Указ о назначении его на должность псаломщика в Покровский храм города Екабпилса был подписан 7 января 1921 года. Поскольку заработок был слишком скудный, Гордий Ольшевский подрабатывал тем, что вместе с другими бедствующими резал проволоку из фронтовых ограждений, скручивал ее и сдавал в пункты вторсырья, получая за это немного денег. Ольга Тимофеевна устроились работать на кухню, на которой готовили благотворительные обеды для нищих. На работу с собой приходилось брать и маленькую дочь. За свой нелегкий труд она получала плату в виде двух порций еды – для себя и для мужа.

В конце 1921 года (4 декабря) Гордий Ольшевский был посвящен в диаконский сан и назначен в собор святых Симеона и Анны в городе Елгава. Здесь семья Ольшевских прожила 9 лет. За это время в семье родились дочь Надежда (30.07.1926 г.) и сын Евгений (26.12.1927 г.). После переезда Ольшевских в село Зобки родилась младшая дочь Валентина (30.01.1936 г.).

Лето семья Ольшевских обычно проводила в Преображенской пустыньке, где проживала в маленьком уютном домике. Там Ольга Тимофеевна училась выпекать просфоры. Это ей очень пригодилось в будущем служении, как приходской матушке. Нередко всей семьей выезжали на несколько дней в Пюхтицкий монастырь. Гордий Игнатьевич был талантливым регентом, поэтому и в Пюхтицком монастыре ему всегда были рады, а он с удовольствием отдавался церковному пению. Диакон Гордий регулярно ездил в Ригу в Духовную семинарию. Он поступил в РДС в 1928 г. как слушатель, а закончил учебу в 1930 г.

В том же году, 2 ноября, архиепископом Рижским и Вселатвийским Иоанном (Поммером) был рукоположен в священника¹. После рукоположения о. Гордий был на-

Народный хор Русского общества в Елгаве, в центре среднего ряда
 диакон Гордий Ольшевский – дирижер хора (около 1927–29 гг.)

значен священником в Свято-Ильинский храм села Даличино. Одновременно с этим 25 ноября 1930 года отец Гордий был назначен преподавателем Закона Божьего Юшковской начальной школы. Прошло немногим более года, и последовало новое назначение – 8 февраля 1932 года о Гордия перевели в Линавскую Свято-Никольскую церковь.*

История Линавского прихода начинается в период, когда часть территории Островского уезда после 1920 года отошла к Латвийской Республике. Первоначально богослужения совершались во временном помещении протоиереем Григорием Пономаревым.

Позднее стараниями прихожан и при поддержке Синода была выстроена новая деревянная церковь. Она была освящена 14 июля 1931 года во имя святителя Николая

архиепископом Иоанном (Поммером). Как писал в свое время известный исследователь церковной жизни в Латвии в межвоенный период С. П. Сахаров, «отцу Григорию Пономареву пришлось много вложить труда и энергии в дело созидания храма и развитие приходской жизни». В борьбе за нравственность своей паствы о. Григорий в 1923 году учредил общество трезвости². Священник Григорий Пономарев был переведен в столичный Свято-Покровский приход, на котором он прослужил до последних дней жизни.

Практически одновременно с назначением на приход в Зобки о. Гордий Ольшевский в феврале 1933 года был утвержден преподавателем Закона Божьего в Плужскую, Козловскую, Барковскую, Бурляевскую начальные школы. 18 декабря 1934 года он получил ценз как преподаватель Закона Божьего. 8 января 1936 года последовало его назначение председателем Ревизионной комиссии Линавской воло-

* По сведениям С. П. Сахарова это назначение последовало 6 февраля 1933 года.

Отец Гордий Ольшевский с матушкой Ольгой и детьми в Спасо-Преображенской пустыньке под Елгавой (около 1929 г.)

сти. 28 декабря 1937 года отец Гордий был зачислен в штаты в качестве преподавателя Закона Божьего в Линавскую 6-классную и Тераудскую 4-классную русские начальные школы. Позже он был переведен из Тераудской в Саулесскую 4-классную латышскую начальную школу. Последнее назначение о. Гордия последовало 29 декабря 1937 года, когда он стал служить в Попечительском комитете Линавской волости. Это свидетельствовало об авторитете, который снискал православный священник среди местного населения.

Численность прихожан в Линавском приходе на 1 января 1938 года составляла 3391 человек. Церковным старостой в это время состоял Василий Тихомиров³.

После того, как в 1934 году псаломщик Иоанн Гонестов уехал в Ригу для служения в Свято-Покровском храме вместе с протоиереем Григорием Пономаревым, неизмен-

ным помощником на богослужениях о. Гордия был псаломщик Михаил Калистратович Синицкий.

1 мая 1932 года о. Гордий был награжден набедренником, 15 декабря 1936 года – скуфьей, а ко дню Рождества Христова 1941 года награжден камилавкой.

По свидетельству его дочери, Надежды Гордеевны, на попечении о. Гордия было шесть школ, в которых он преподавал Закон Божий. Пешком обойти все школы было трудно, поэтому прихожане подарили своему пастырю лошадь с повозкой.

Отец Гордий был человеком щедро одаренным талантами, но вместе с тем он не чурался простого физического труда. В селе Зобки он принял ремонт и благоустройство дома священника, куда переехала его семья вместе с немощным братом Семеном. Своими руками Гор-

дий Игнатьевич выполнял все ремонтные работы. Так, например, в небольшом доме в Даличино пришлось проделать отверстие в стене из комнаты на кухню, чтобы мог поместиться роаяль.

Отец Гордий начал также ремонт Свято-Никольского храма в Зобках – красил, золотил, обновлял надписи. Как вспоминает Надежда Гордеевна, не было такого, чего он не смог бы сделать своими руками. Средства на ремонт церкви поступали благодаря доходам от аренды церковно-причтового надела земли в размере 58 га.

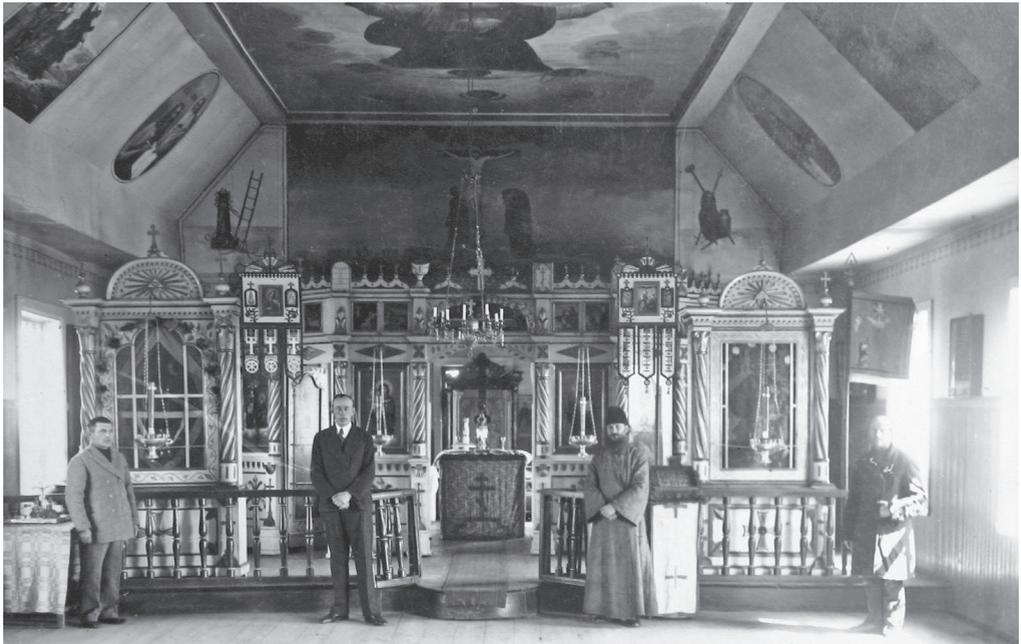
Приход был небогатый, поэтому нужно было заботиться о пропитании и постоянно трудиться на земельном участке. Отец Гордий и эти задачи решал с терпением и творческим подходом – из Риги он привез лучшие сорта смородины, крыжовника и клубники. Посадила прекрасный сад из сортовых деревьев яблонь, груш, слив. Остат-

Свято-Ильинский храм в Даличино (около 1930 г.)

Преподаватели и студенты Рижской Духовной семинарии 1929 г. Гордий Игнатьевич Ольшевский – третий ряд четвертый слева

Внутреннее убранство (интерьер) храма в Зобках (около 1932 г.). В центре храма – слева псаломщик Иоанн Гонестов, справа пресвитер Гордий Ольшевский

Визит митрополита Рижского Августина (Петерсона) в Зобки (конец 1930 –х гг)

ки этого замечательного сада можно видеть у священнического дома на погосте Зобки и сегодня .

К портрету о. Гордия следует добавить и то, что он был чрезвычайно открытым, добрым и приветливым человеком. Этим он запомнился своим детям и матушке, а также духовенству соседних приходов. Неоднократно в Зобки приезжали знакомые священники – о. Адам Витол, о. Николай Приймаги, о. Павел Панфилов. Навещал приход в Зобках и его бывший настоятель о. Григорий Пономарев (настоятель Свято-Покровского храма в Риге). Особенно сдружился о. Гордий со своим собратом по служению из погоста Лавры (близ границы с Эстонией) о. Владимиром Быстрым.

Отец Гордий дружил с протодиаконом Василием Мельниковым (они вместе учились в Рижской Духовной семинарии). У протодиакона был чудесный бас, а у о. Гордия баритон. На большие праздники о. Василий приезжал в Зобки и они вместе служили, в результате чего церковное пение в эти дни было особенно красивым и торжественным.

В 1936 году на 9 пятницу после праздника Святой Пасхи (хотя это был Никольский храм) в Зобки приезжал митрополит Августин (Петерсон), возглавивший после трагической гибели архиепископа Иоанна Латвийскую Православную Церковь. В этой местности издревле особо почиталась св. великомученица Параскева, чья память чествовалась именно в 9 пятницу после Пасхи. По воспоминаниям очевидцев, церковное торжество собирало множество молящихся и духовенства не только из соседних приходов, но даже из Эстонии.

Митрополит Августин остался доволен приходом о. Гордия, особенно он отметил пение местного хора, спевками которого занимался лично сам настоятель. Митрополит, высоко оценивая достоинства цер-

ковного хора, высказывал желание пригласить его в Ригу для участия в архиерейских богослужениях.

Летом 1940 года Латвия была присоединена к СССР и приходы лишились прав юридического лица, собственности и причтовой земли, из школьного образования были изъяты уроки Закона Божьего, упразднены религиозные печатные издания, из фондов библиотек изымалась духовная литература, начались аресты верующих, в том числе православных священников. За небольшой период советской власти в Латвии была репрессирована примерно восьмая часть православных клириков. Но это было только начало. Органы НКВД готовились провести в июле 1941 года широкомасштабную депортацию латвийского духовенства⁴. Как известно, этим планам помешала начавшаяся война с Германией. Однако и довоенный период оставил о себе тяжелую память. Пострадали друзья о. Гордия, не обошла чаша испытаний и самого Ольшевского. Незадолго до начала войны с Германией – в ночь с 12 на 13 июня 1941 года был арестован диакон Иоанн Гонестов со всей семьей. На момент ареста он служил в Риге в Свято-Покровском храме, а до того был псаломщиком в Зобках.

По воспоминаниям Надежды Гордевы, за Гонестовыми, как это было тогда принято, пришли под покровом ночи, на сборы дали 3 часа. Именно в тот день младшей дочери о. Иоанна исполнилось 14 лет. На железнодорожной станции их погрузили в товарные вагоны, при этом матушка с двумя дочерьми была отправлена в Сибирь, а о. Иоанна увезли в Соликамск. Меньше чем через год (14.03.1942) диакон Иоанн Гонестов был расстрелян. Основным обвинением стало участие Гонестова в молодые годы в организации «Айзсарги» и церковно-приходская деятельность последних лет.⁵

Начавшаяся война спровоцировала новый виток репрессий в СССР, в том числе в Прибалтике. Перед своим отступлением советская власть как будто желала нанести как можно больше страданий и боли гражданам, которые в своем большинстве так и не стали для нее «своими». На второй день войны в Абрене (ныне Пыталово) было арестовано несколько человек, среди которых были трое православных священников, служивших в этом районе – протоиерей Сергей Ефимов, священник Иаков Легкий и священник Гордий Ольшевский. Следователи НКВД допрашивали священников, используя все возможные методы воздействия, добиваясь нужных показаний для вынесения приговора.

Об этом аресте в конце декабря 1941 года в своем письме к митрополиту Александру (Паулусу) в Таллинн упоминает и бывший Рижский митрополит Августин (Петерсон). Он описал испытания, выпавшие на долю христиан после советизации Латвии, и рассказал об аресте о. Гордия: «... троих иереев увезли до Острова, но героическая Велико-Германская армия освободила...» заключенных.⁶

Об этих страшных днях на краю смерти написал протоиерей Сергей Ефимов, настоятель Свято-Никольского храма г. Абрене. Свое свидетельство отец Сергей завершает словами: «...вместе с другими узниками Островской тюрьмы, получив свободу, сквозь огонь горевшего города был выведен храбрыми германскими солдатами на безопасное место и смог повести сидевшим доселе во тьме большевизма о милосердии к ним нашего Спасителя».⁷

По словам Надежды Гордеевны, сразу же после ареста о. Гордия избили, серьезно повредив легкие. Полуживого привезли в Островскую тюрьму умирать. Стремительное наступление немецких войск вынудило охрану тюрьмы спешно покинуть город, но перед этим здание тюрьмы было обито

керосином и подожжено. Заключенные, задыхаясь от дыма, начали ломать окна, пытаясь выбраться наружу. Отец Гордий, услышав немецкую речь, начал что было сил кричать по-немецки: «Помогите! Здесь люди!». Немецкие солдаты без промедления танком разворотили край тюремной стены и томившиеся там узники смогли спастись из дыма и огня. Поначалу немцы их не отпускали, и только после проверки на следующий день бывшим заключенным позволили вернуться к своим семьям.

Матушка Ольга Тимофеевна, как только Зобки были заняты немецким отрядом, пошла в Остров искать мужа (до Острова было 22 км). Соседи отговаривали – «не ходи! Опасно!»! Но матушка была непреклонна. Она прошла более 15 км. По дороге шли мотострелковые части немецкой армии – тяжелая техника, автомобили, мотоциклы, немецкие солдаты. Вскоре Ольга Тимофеевна встретила своего мужа, с большим трудом передвигающегося к своему селу.

После возвращения о. Гордий тяжело болел, целый месяц он находился на лечении в Риге. Затем он продолжил свое церковное служение в Зобках, не прерывая его весь период немецкой оккупации.

Как и его соузник протоиерей Сергей Ефимов, вскоре возглавивший деятельность Псковской Православной Миссии, о. Гордий Ольшевский после заключения еще больше занимается церковным служением, как бы предчувствуя скоротечность отпущенного свыше времени.

Хотя о. Гордий формально не входил в число участников Псковской Миссии, однако и он смог потрудиться для русского народа, волею советской власти надолго отлученного от Бога и Церкви. Документальное свидетельство этому сохранилось в фонде Синода Латвийской Православной Церкви в виде рапорта о. Гордия в адрес Экзаршего управления православными приходами в Риге от 3 сентября 1941 года. С

Отец Гордий в окружении друзей и родных (около 1937 год). Верхний ряд слева направо – прот. Павел Панфилов (погост Качаново), прот. Владимир Быстров (погост Лавры), пресвитер Гордий Ольшевский (погост Зобки). Второй ряд слева направо матушки – Панфилова, Быстрова, Ольшевская

началом немецкой оккупации к о. Гордию начали поступать просьбы от населения, проживавшего до лета 1940 года на территории СССР, о богослужении в их селах. Отец Гордий не мог отказать духовно алчущему народу и одно из таких служений совершил в городе Острове, еще до того, как там начал проводить активную миссионерскую деятельность протоиерей Алексей Ионов. По сути дела, именно о. Гордий и о. Сергей Ефимов начали дело церковного возрождения в Островском районе. В субботу 23 августа 1941 года в отремонтированном местными жителями кладбищенском храме святых Жен Мироносиц города Острова о. Гордий Ольшевский совершил водосвятный молебен, окропив святой водой храм Божий, затем отслужил Всенощное бдение, после чего исповедовал верующих. В воскресенье 24 августа с 7 часов утра пастырь принимал исповедь,

а в 10 часов начал служение Божественной литургии, за которой были удостоены таинства Евхаристии 278 детей и более 600 взрослых христиан. По окончании литургии, выйдя на паперть храма, отец Гордий совершил молебен и произнес проповедь. После этого священник не спешил возвращаться в родное село, но совершил панихиды и отпевание, а также крестил 56 детей в возрасте от двух недель до восьми лет.

По-видимому, в храм св.Жен Мироносиц в этот день пришли на богослужение не только жители города Острова, но и крестьяне из близлежащих деревень. Храм, рассчитанный на 250-300 человек, не мог вместить всего молящегося в тот жаркий августовский день народа. Богослужение совершалось при открытых окнах и дверях. По самым скромным подсчетам о. Гордия в службе участвовали более 2000 человек. В своем слове к жителям города о. Гордий

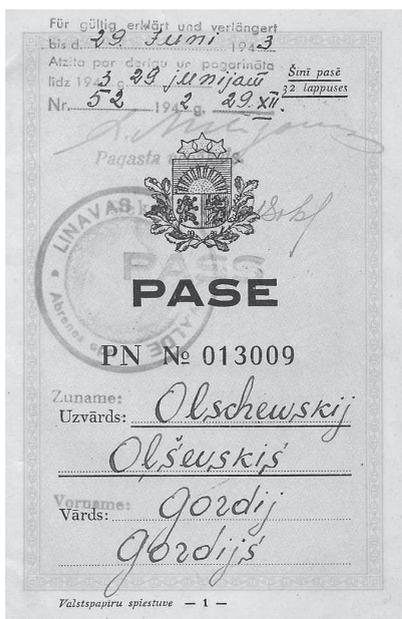

Гражданский паспорт отца Гордия Ольшевского в годы немецкой оккупации (1942–1943)

просил их как можно скорее приступить к ремонту главного храма в Острове – Свято-Троицкого собора, который менее всего пострадал от военных действия и варварства большевиков и, главное, был в несколько раз больше Мироносицкой церкви. В своем донесении в Экзаршее управление о. Гордий перечислил основной объем предстоящих ремонтных работ в соборе. Вместе с тем священник обратился с просьбой о выдаче со склада епархиального управления его поверенному в церковных делах – Николаю Николаевичу Кинжалову (муж старшей дочери) – 200 разрешительных молитв, 200 венчиков, 2 кг ладана и богослужebную книгу с последованием всенощного бдения. Это было необходимо о. Гордию не только для духовных нужд собственного прихода, но и для миссионерских поездок за пределы своего района, в том числе за границу территории Ostland, т.е. в прифронтовые области России.

В начале августа 1941 года жители села Старые Овсищи обратились к о. Гордию с просьбой принять их в число прихожан Линавской Свято-Никольской церкви. До аннексии Прибалтики летом 1940 года Линавский приход находился на территории Латвийской Республики, а приход села Старые Овсищи был в Островском районе РСФСР. Еще до начала войны церковь в Старых Овсищах была разрушена, и местные верующие остались без духовного окормления. Как только территории Латгалии и Островского района были оставлены советской властью, православные христиане из этого села обратились за помощью к о. Гордию, как священнику самого близкого к ним православного прихода до тех пор, пока в Старых Овсищах не будет построен новый храм.

Отец Гордий Ольшевский с радостью откликнулся на эту просьбу, но было необходимо соблюдать не только церковный

порядок, но и законы оккупационных властей, по которым, местному населению пересекать границу областей без особого разрешения было не позволено, даже если дело касалось духовных нужд.

Отец Гордий в своем рапорте попросил поддержки церковных властей в Риге: «... ввиду того, что приходы разделяет река, а также бывшая граница с Советским Союзом, то прошу исходатайствовать мне в городе Риге у Feldkomendatur'ы разрешение для беспрепятственного перехода границы и устройства часовни или домашней церкви при кладбище недалеко от Старо-Овсищенского разрушенного храма».⁸

По воспоминаниям Надежды Гордевы, от немецких властей и военных ни местные жители, ни прихожане, ни сам настоятель никаких притеснений не претерпели. Это не значит, что жизнь на оккупированных территориях была безоблачной, однако особые антицерковные эксцессы в памяти семьи Ольшевских не сохранились. Наоборот, со стороны немецких военных был даже некоторый интерес к религии

местного населения. В 3 км от границы, недалеко от погоста Овсищи, размещался, по выражению местных жителей, «немецкий кордон» или тыловая база, на которой немецкие солдаты отдыхали после сражений, восстанавливались после ранений. Среди них был немецкий военнослужащий по имени Оскар, родом из Кенигсберга, православного вероисповедания, хорошо владевший русским языком. Он вместе со своими друзьями приходил в православный храм на богослужение в Зобках.

В конце 1942 года недалеко от храма в Овсищах размещался лагерь для латышей, которым немецкие власти разрешили вернуться на родину в Латвию. Для этого было необходимо пройти специальную проверку, которая занимала длительный период времени. Люди в этом лагере болели, некоторые умирали. Представители актива лагеря обратились к немцам с просьбой прислать священника для совершения обряда отпевания, таинства крещения. Отец Гордий был готов прийти на помощь, но для служения в лагере нужно было особое разрешение оккупационной администрации. Для этого нужно было поехать в Абрене в местную комендатуру. Отец Гордий доверил это своей дочери Надежде, которая неплохо владела немецким языком. Надежда села на велосипед и отправилась в Абрене. Преодолев 35 км, она получила специальный пропуск с разрешением посетить лагерь беженцев. Кроме того, комендант дал разрешение привозить продукты в латышский лагерь, жители которого постоянно испытывали недостаток в еде. В приходе в Зобках благодаря помощи местного населения удалось собрать целый воз продовольствия.

Отец Гордий совершал отпевание, крестил несколько детей, венчал две пары. Особенно были удивлены обитатели лагеря, когда услышали родную латышскую речь из уст священника. Этот факт также

способствовал установлению доверительных отношений о. Гордия с населением фильтрационного лагеря.

Служение о. Гордия на родном приходе также проходило при неизменном многолюдстве молящихся. В годы немецкой оккупации приход в Зобках насчитывал более 2 тысяч человек. Храм при каждом богослужении был наполнен до отказа.

Летом 1944 года линия фронта приблизилась к Зобкам и началось освобождение территории Прибалтики от немецких войск. Матушка Ольга, предчувствуя опасность, предлагала оставить родной дом и вместе с отступающими частями вермахта эвакуироваться на Запад. Однако о. Гордий не хотел оставлять свой приход и паству, не считая себя преступником или врагом советской власти. После того, как Красная Армия вошла в Латгалию, три дня подряд по домам ходили с обысками.

Второй раз о. Гордия арестовали 25 декабря 1944 года, через 5 месяцев после установления советской власти. Это была целая волна арестов, которая унесла с собой немало церковных людей. Из знакомых о. Гордия в конце 1944 – начале 1945 года были арестованы священники Сергей Ефимов, Павел Панфилов, Николай Приймаги, Николай Красногородский.⁹

На следующий день после ареста Гордия Игнатъевича его сыну Евгению исполнилось 17 лет. Именно в день рождения явились солдаты с целью арестовать Евгения Гордеевича, но затем предложили выбирать: служба в Красной Армии или тюремный срок. Молодой человек выбрал армию. К родным Евгений вернулся только в 1948 году с изрядно подорванным здоровьем.

Отца Гордия под конвоем увезли в Псков для расследования его деятельности в период немецкой оккупации. Редкие письма приходили от него из псковской тюрьмы родным в Зобки. В июле Гордий

Игнатъевич прислал матушке свое последнее письмо, в котором просил привезти продукты. Ольга Тимофеевна тотчас собрала корзинку с провизией и пешком направилась в Псков. Однако там ей сообщили о том, что Гордий Игнатъевич выбыл в Ленинград для прохождения дальнейших судебно-следственных разбирательств.

Опечаленная, со слезами на глазах шла Ольга Тимофеевна по улицам Пскова, никого не замечая, погруженная в свои горькие думы. Проходя мимо кладбища у храма Св.Жен Мироносиц, матушка Ольга решила зайти помолиться. Храм в то время не действовал, но была открыта часовня. Возле нее она увидела сторожа, который предупредил Ольгу Тимофеевну: «в часовню не заходите – запрещено!». Но опечаленная матушка умоляла: «Можно зайти хоть на немного, помолиться?». «А покойников не боитесь?»- спросил сторож и добавил: Ну, хорошо, только никому не говорите, что я Вас пустил».

Ольга Тимофеевна вошла в часовню и увидела на полу 16 мертвых голых тел, среди которых был и ее дорогой супруг. Матушка тотчас бросилась в больницу, милицию, прокуратуру – просила тело о. Гордия для христианского погребения, но везде следовал один ответ: «это ошибка, этого не может быть, подследственный Ольшевский выбыл в Ленинград...»

К вечеру матушка Ольга, переполненная горем, вернулась на Мироносицкое кладбище. Знакомый сторож предложил: «Куда же Вы пойдете? Начинается ночь, оставайтесь, переночуете. Сегодня ночью их будут хоронить». Как рассказал сторож, тела умерших привозили каждый день, а хоронили их под покровом ночи, чтобы не привлекать внимание посторонних.

Матушка осталась рядом с телом любимого мужа. Около полуночи к кладбищу подъехали две грузовые машины. В одной – мертвые тела, из другой выскочили солдаты

и начали рыть ров. После этого взяли тела умерших, сбросили их, словно полена, на дно рва и закопали. Среди захороненных было тело священника Гордия Ольшевского.

Позднее матушка Ольга Тимофеевна узнала официальную причину гибели отца Гордия в Псковской городской больнице – двусторонний туберкулез легких и миокардит. Трудно сказать, что произошло на самом деле. Действительно ли болезни подкосили ослабленный организм или методы допросов советских следователей свели о. Гордия в могилу. В любом случае тюремное заключение, голод и отсутствие ухода за больным немолодым человеком ускорили смертельный исход. Ведь в годы немецкой оккупации

о. Гордий Ольшевский неустанно служил в церкви, разъезжал по деревням и селам, лагерям беженцев, утешая и поддерживая молитвой и добрым делом всех алчущих и страдающих людей.

На следующее утро матушка Ольга в одном из псковских храмов отслужила панихиду по усопшему пресвитеру Гордию и отправилась домой к детям.

Вскоре после этого Ольга Тимофеевна поехала в село Лавры, где в местной церкви служил давний друг отца Гордия – священник Владимир Быстров. После скорбного рассказа матушки о кончине супруга, о. Владимир собрал в храме священническое облачение и вместе с Ольгой Тимофеевной отправился в Псков, чтобы завершить чин погребения для клирика. На Мироносицком кладбище они осторожно отрыли верхнюю часть братского захоронения, где было погребено тело о. Гордия, и в открытую могилу положили облачение. После чего засыпали могилу землей, сделали не-

Псковский храм Св. Жен Мироносиц, 2016 г.

большой могильный холмик и поставили православный крест.

Однако в следующий раз, когда матушка Ольга пришла на могилу к батюшке, она не увидела ни креста, ни оформленного надгробия. Крест был возвращен на место и могилка приведена в порядок. Через некоторое время неизвестные вновь вырвали крест и сровняли землю на братском захоронении. По-видимому, кому-то очень не хотелось, чтобы память об этой могиле сохранилась среди жителей города.

По свидетельству дочери отца Гордия, это захоронение находилось за оградой кладбища, значит сегодня это захоронение предположительно находится в непосредственной близости от советского мемориала в память о погибших узниках нацистских концлагерей. Мало кто знает, что практически в этой же могиле упокоились и жертвы сталинского режима, в том числе прах самоотверженного православного священника Гордия Ольшевского. Вся его «вина»

заклучалась в том, что он честно нес свое пастырское служение при любой власти – национальном латвийском правительстве, советском режиме и немецкой оккупации.

Через много лет удалось установить, что Гордий Игнатъевич Ольшевский был осужден 22 июня 1945 года военным трибуналом войск НКВД Псковской области по ст. 58-3 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «г», «е» ст.31 УК РСФСР, на три года с конфискацией имущества, которое было перечислено в специальном акте.¹⁰

Уже после смерти о. Гордия – 10 августа 1945 года перечисленное в приговоре имущество было конфисковано у семьи Ольшевских в доход советского государства. Описание имущества имеет двадцать пунктов и начинается с недвижимости (хлев из круглого леса и баня), продолжается мебелью (буфет, письменный стол), предметами искусства (шесть картин, патефон с 28 пластинками, рояль «Беккер» и аккордеон), церковными вещами (два креста белого металла, подсвечник и цепочки), столовыми приборами (ложки, вилки, сахарница и пр.) и заканчивается скромной суммой денег – 100 латов.

Сцена конфискации имущества навсегда сохранилась в памяти Надежды Гордеевны. По ее рассказу, во многом совпадающему с описью, забрали все, что можно было унести – оставили лишь постельное белье и старую одежду, а все остальное, вплоть до посуды и кухонных ножей, забрали с собой. Реквизировали и старинный рояль «Беккер», на котором так любил играть о. Гордий.

Кроме того, судя по выписке из протокола №7 заседания исполкома Пыталовского райсовета депутатов трудящихся от 10-16 мая 1945 года, было принято решение «изъять в собственность государства у изменников Родины и бежавших с немецкими за-

хватчиками постройки, сельхозинвентарь и др. имущество, а также и землю...». В этом списке значилась и фамилия о. Гордия.¹¹ Таким образом, советская власть не только оклеветала доброе имя священника, в прямом смысле слова сжила его со света, но и обобрала его дом, лишив матушку Ольгу имущества, обрекая ее на голодную смерть. Вскоре Ольга Тимофеевна уехала в Ригу, где проживали ее дочери. Младшая дочь Надежда до последних дней трогательно заботилась о маме.

После этих трагических событий на приход в Зобки был определен новый настоятель – священник Павел Веселов-Суднов, который прослужил здесь верой и правдой до своей кончины в 1977 году.

Эта история может восприниматься по-разному. Для кого-то это пример вопиющей несправедливости и сокрушительного поражения христианина в борьбе со злом. Отчасти справедливость восторжествовала в акте реабилитации Гордия Игнатъевича Ольшевского от 18 октября 1991 года. Если же к этим событиям относиться с евангельских позиций, то в жизни пресвитера Гордия исполнились слова Учителя: «...восстанет народ на народ, и царство на царство; будут и великие землетрясения, и по местам мор и голод, будут и страшные явления и с неба великие знамения. ...будут налагать на вас руки свои и гнать, предавая в синагоги и тюрьмы... И некоторых из вас умертвят. И будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Лк. 21:10-17).

Верность своему пути ученика Христова о. Гордий сохранил до последнего дня своей жизни. Претерпев до конца в этом скорбном пути, он свое ученичество у Христа исполнил без остатка и тем самым отдал себя в жертву за паству, народ и Церковь. Именно благодаря таким служителям Христовым в мире не теряют актуальности слова Спасителя о том, что врата адовы Церкви не одолеют вовек (Мф. 16: 18).

Приложение №1

Послужной список пресвитера Гордия Ольшевского

Ольшевский Гордий Игнатьевич, родился 15 января 1897 г. в Риге

Воспитанник 3-классной Новгородской духовной семинарии, 28 августа 1930 г. окончил курс Рижской духовной семинарии.

Жена Ольга Тимофеевна, урожденная Ильина, род. 8 июля 1894 г., брак заключен 20 мая 1918 г. в Новгороде. Дети: Надежда, род. 30.07.1926 г. в Елгаве, Евгений, род. 26.12.1927 г. в Елгаве, Валентина, род. 29.01.1936 в Линавской волости.

Рукоположен в священника Архиепископом Рижским и Вселатвийским Иоанном 2 ноября 1930 г.

Награжден 1 сентября 1925 г. «Книгой»; 1 мая 1932 г. набедренником; 15 декабря 1936 г. – скуфьей, ко дню Рождества Христова 1941 г. награжден камилавкой

- 4 декабря 1915 г. Новгородским архиепископом назначен исполняющим обязанности псаломщика
- 1 февраля 1916 г. поступил воспитанником в 3-х классную Новгородскую духовную семинарию
- 1 февраля 1916 г. добровольцем ушел в армию
- 14 августа 1918 г. назначен исполняющим обязанности псаломщика в Новгородскую церковь
- 8 декабря 1920 г. вернулся в Латвию
- 7 января 1921 г. назначен псаломщиком в Екабпилсскую Покровскую церковь

- 4 декабря 1921 г. назначен диаконом в Елгавский православный собор Симеона и Анны
- 2 ноября 1930 г. назначен священником Даличенской Св. Ильинской церкви
- 25 ноября 1930 г. назначен преподавателем Закона Божьего в Юшковскую начальную школу
- 8 февраля 1932 г. назначен священником Линавской Св. Николаевской церкви
- 6 февраля 1933 г. переведен настоятелем в Ново-Троицкий св. Николая приход
- 15 февраля 1933 г. назначен преподавателем Закона Божьего в Плужскую, Козловскую, Барковскую, Бурляевскую начальные школы
- 18 декабря 1934 г. получил ценз как преподаватель Закона Божьего
- 8 января 1936 г. назначен председателем ревизионной комиссии по Линавской волости
- 28 декабря 1937 г. зачислен в штаты как преподаватель Закона Божьего в Линавскую 6-классную и Тераудскую 4-классную русские начальные школы
- Переведен из Тераудской в Саулесскую 4-классную латышскую начальную школу
- 29 декабря 1937 г. назначен членом попечительского комитета Линавской волости.¹²

Приложение №2

В Экзаршее Епархиальное Управление православными приходами

3 сентября 1941 г.

№24

Довожу, что с первого дня возобновления мною службы после освобождения

меня немецко-германскими войсками из Островской тюрьмы, ко мне стали обращаться для удовлетворения своих религиозных нужд население бывшего советского союза занятых районов германскими войсками. По приглашению жителей города Острова в субботу 23 августа с/г в отре-

монтажной кладбищенской Св. Жен Мироносиц церкви совершил водосвятный молебен, окропив храм, служил всенощное бдение, по окончании которого принимал верующих к Св. Исповеди. В Воскресенье, 24 августа с 7 часов утра начал вновь принимать исповедников и в 10 часов утра начал совершение Божественной Литургии, в которой были удостоены 278 детей и более 600 человек взрослых Св. Причастия. По окончании Литургии на паперти храма совершил молебен и сказал поучение. После лобзания Св. Креста совершал: панихиды, отпевание и над 56 детьми св. Крещение от двухлетнего до 8-летнего возрастов. Кладбищенский храм в честь Св. Жен Мироносиц мал: вмещает 250-300 человек, молящихся же было более 2000 человек, а потому служба совершалась при открытых окнах и дверях. Просил верующих города Острова как можно скорее приступить к ремонту Собора, который менее всего пострадал из существующих зданий церковей города Острова. Необходимый ремонт собора: застеклить окна, починить местами крышу, воздвигнуть кресты и устроить

Summary

The article is devoted to an Orthodox Church priest Gordy Olshevsky's service period in Latvia. Article is based on his daughter's, Nadezhda Gordeevna's unique memories. Father Gordy Olshevsky's service took place in the first half of the 20-th century. It was the time of unfolding revolutions, wars, political regimes changing and traditional culture breakdowns in Russia and Europe. Despite the source evident subjectivity, general facts and twists in the course of his life are fully acknowledged when stories can be confirmed by comparing to archive documents. Gordy Olshevsky, was a gifted, intelligent, pious person, he managed to preserve his loyalty to God and the Orthodox Church, despite all the awfull

новый иконостас. При советской власти собор служил хлебным амбаром.

Как уже сообщал на Ваш запрос от 5 августа с/г за №210 прихожане Старо-Овсицкой церкви просят принять их в число прихожан Лиавской Св. Николаевской церкви до постройки нового своего храма, но ввиду того, что приходы разделяет река, а также бывшая граница с советским союзом, то прошу исходатайствовать мне в гор. Риге у Feldkomendatur'ы разрешение для беспрепятственного перехода границы и устройства часовни или домового церкви при кладбище недалеко от Старо-Овсицкого разрушенного храма. Если необходимы более подробные сведения о прихожанах Старо-Овсицкой церкви и жителей города Острова, то их может дать пред'явитель сего Николай Николаевич Кинжалов, который всегда меня сопровождает при посещении зарубежных прихожан для требований.

Прошу отпустить из склада Управления 200 разрешительных молитв, 200 венчиков, 2 kg ладана и книгу Всенощного бдения.¹³

Священник Гордий Ольшевский*

obstacles of that time. It has been done under various circumstances, repressions and other threats of regimes. Started in Latvian Republic, and later during USSR, and Nazi occupation, he was arrested twice in the beginning of the Second world war and shortly before its finishing. Because of German offensive the first arrest didn't lead to the priest's death, but the second one resulted in a trial, passing a fictitious sentence and martyrdom.

* Сверху на прошении поставлена резолюция: «Протоиерею Янсону для распоряжения и удовлетворения просьбы. Митрополит Сергий. 10/ IX»

Reference list

- 1 Coja S. Rizhskaja Pravoslavnaia Duhovnaia seminariia v mezhoennye gody (1926-1936) // Latvijskij pravoslavnyj hronograf Vyp.1. Riga. 2015. S.31-99. C. 83.
- 2 Saharov S.P. Pravoslavnye cerkvi v Latgalii. Riga. 1939. S.44-45.
- 3 Ibidem.
- 4 Gavrilin A. V. Pod pokrovom Tihvinskoj ikony. Arhipastyrskij put' Ioanna (Garklavs). SPb. 2009. 464s. S.110.
- 5 Golikov Andrej, svjashh. Martirolog pravoslavnyh svjashhennosluzhitelej i cerkovnosluzhitelej Latvii, repressirovannyh v 1940-1955 gg. //Krov'ju ubelennye. Mucheniki i ispovedniki Severo-Zapada Rossii i Pribaltiki (1940-1955). M. 1999. 221 s. S. 77.
- 6 Avgustin (Peterson), mitr. Pis'mo mitropolitu Aleksandru (Paulusu) ot 24.12.1941. //Pravoslavie v Baltii. Nauchno-analiticheskij zhurnal. 2015. #3(12). Riga. S. 211-212.
- 7 Jefimov Sergij, prot. Iz dnevnika missionera. Na zare obnovlenija religioznoj zhizni v osvobodennyh ot bol'shevizma mestnostjah //Pravoslavnyj Hristianin. 1943. #1/2 (6/7). S.6-7.
- 8 LGIA (Latvijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv). F:7469. Op.2. D.#286. L. 52-53.
- 9 Golikov. A. S. 88,118,105,152.
- 10 Kopija spravki Prokuratury Pskovskoj oblasti o rehabilitacii Ol'shevskogo G. I. ot 30.06.1992 g.
- 11 Kopija arhivnoj spravki # 45 ot 25.05.1994 g., vydannoj arhivnym otdelom administracii Pytalovskogo rajona Pskovskoj oblasti.
- 12 LGIA. Fond 7469, opis' 2, delo # 286.
- 13 Ibidem. L.52-53.

Александр Гаврилин (Латвия)
Alexander Gavrilin (Latvia)

Епископ Константин (Ессенский)

Bishop Constantine (Essenskii)

Статья посвящена жизни и деятельности епископа Русской Православной Зарубежной Церкви Константина (Эммануила Ессенского, 1907-1996). Он родился в Риге, до 1917 года жил в Петрограде, в 1918-1920 гг. – в Грузии, с 1920 по 1930 гг. – в Латвии, в 1930-1932 гг. – в Париже, в 1932-1949 гг. – в Германии, с 1949 года – в США. Будучи сам эмигрантом, он всю свою жизнь прослужил в русских эмигрантских приходах. Часто он в своих поступках руководствовался не законами Церкви, а законами совести, за что наказывался церковным руководством. В 2014 году останки епископа были перезахоронены, в ходе чего выяснилось, что они остались нетленными, в результате чего был поднят вопрос о возможной канонизации епископа Константина (Ессенского).

Когда я спрашиваю себя, что является характерной чертой священства в рассеянии, то на ум приходит одна и та же мысль: священство наших дней обязывает нас быть апостолами покаяния, и горе нам, если мы этого не понимаем.

Епископ Константин

31 мая 1996 года в монастыре «Христа-на-Холмах» (Христа Спасителя) г. Бланко, штат Техас (США), скончался бывший викарий Восточно-Американской епархии РПЦЗ, бывший епископ Ричмондский и Британский Константин (в миру – Мануил (Эммануил) Ессенский). Владыке Константину было уже 89 лет, он

никогда не отличался крепким здоровьем, в последние годы своей земной жизни почти непрерывно болел, поэтому его кончина была ожидаемой, из тех, о которых говорят «тихо отошел к Богу». Владыку Константина отпели епископ Вашингтонский, викарий Восточно-Американской епархии Иларион (Капрал) и епископ Хризостом (Киутис), Греческая Старостильная Церковь, с сонмом духовенства, после чего он был похоронен за алтарем монастырского храма.¹

В 1999 году игумен монастыря «Христа-на-Холмах» Венедикт (Грин) и два монаха обители были исключены из юрисдикции РПЦЗ по обвинению в педофилии. В том же 1999 г. Архиерейский Синод РПЦЗ принял решение о прекращении

деятельности этого монастыря. В ответ на это Венедикт Грин объявил о независимом существовании монастыря под наименованием «Ecumenical Monks Inc.».

В июле 2006 г. в отношении «игумена» Венедикта Грина и еще трех насельников монастыря «Христа-на-Холмах» («монахов» Тихона Фаллона и Панкратия Кристили, а также уже отбывавшего наказание «иеромонаха» Иеремии Хитта) были выдвинуты новые обвинения в сексуальных надругательствах над несовершеннолетними.

«Игумен» Венедикт Грин скончался 16 сентября 2007 г., за несколько дней до начала судебного заседания. После изучения обстоятельств его смерти экспертная комиссия пришла к выводу о суициде. Остальные обвиняемые были приговорены к длительным срокам заключения. В 2009 г. имущество бывшего монастыря «Христа-на-Холмах» было выставлено на продажу. Вырученные средства пошли в бюджет округа Бланко².

В результате этих бедственных событий никто не ухаживал за могилой епископа Константина. Кроме того, могила его находилась в низком месте, в котором часто стояла вода. Поэтому Архиерейский Синод РПЦЗ неоднократно поднимал вопрос о перезахоронении останков епископа Константина в «более живое место, где возносится молитва». В мае 2009 года Архиерейский Синод постановил перенести останки Владыки Константина в греческий монастырь, однако оказалось, что расходы на эксгумацию и перевозку тела Владыки превышали сумму, отпущенную на это Синодом.

Наконец, в 2014 году было решено перезахоронить останки епископа Константина (Ессенского) на братское кладбище Св.Троицкого монастыря в Джорданвилле, штат Нью-Йорк. Для этого в Бланко была направлена группа монахов во главе с игуменом Св. Троицкого монастыря ар-

Останки епископа Константина

химандритом Лукой (Мурьянком). Гроб, в котором был похоронен епископ Константин, оказался полностью разрушенным, поэтому было решено переложить тело в другой гроб. В результате было констатировано, что останки святителя выглядят так же, как они выглядели во время похорон Константина в 1996 году³.

Нетленность мощей святителя вызвала повышенный интерес к личности епископа Константина, однако оказалось, что сохранилось крайне мало письменных источников об его жизни. Представляется интересным попытаться реконструировать его биографию.

Существуют две редакции биографий епископа Константина – официальная и неофициальная. Официальная редакция представлена некрологом на кончину епископа Константина и всеми интернетовскими сайтами, в которых дана его биография⁴. Неофициальная редакция – это все автобиографии Владыки Константина, написанные им собственноручно или под его диктовку⁵. Многие в этих биографиях непонятного и даже загадочного.

Во всех биографиях совпадает дата рождения Владыки – 30 мая 1907 года. Он родился в Риге в семье юрисконсульта канцелярии Его Императорского Величества Маврикия (Морица) Ессенского – Любека, 1880 г. рождения, уроженца Риги, который по всем документам считался русским, т.е. православным, и имеретинки Марты Ессенской-Любек, 1882 г. рожд., уржд. Мо-

сешвили тус-Фулариани. В семье было трое детей: дочь Нина (1899 г. рожд.) и сыновья Александр (1904 г. рожд.) и Эммануил (Мануил). Известно, что отец Маврикия (Морица) Эссенского-Любека был консулом Австро-Венгрии в России, который после выхода в отставку остался жить в Риге (умер в 1914 г.).

Проблемы начинаются с правописания мирских имени и фамилии будущего епископа. В его биографиях два варианта написания имени – Эммануил и Мануил. Видимо, имя Эммануил было слишком длинным и сложным для Запада, поэтому пришлось его сократить на две буквы. Фамилия Владыки вначале писалась как Эссенский-Любек. Однако в латышском языке нет удвоенных согласных, поэтому его фамилия в паспорте, выданном в Латвии, потеряла одну букву «с». Видимо, уже в США пропала и вторая часть фамилии. Совершенно непонятно, почему его отец в России проживал под именем «Маврикий», а за границей стал Морицем, хотя его сыновья по отчеству все равно остались Маврикиевичами.⁶

Основное различие официальной и неофициальной редакций биографий епископа Константина в сведениях о его родителях. В некрологе на кончину Владыки было написано, что «родители будущего епископа – Маврикий и Марта после начала революции в 1917 г. уехали из России в Ригу. Но и это не спасло их от рук озверевших безбожников. Большевики убили отца Владыки Константина, а мать Владыки скончалась, не перенеся душевного потрясения».⁷ В Риге проживала мать Маврикия Эссенского, так что теоретически он мог попытаться отвести к ней свою семью. Но только теоретически, так как с 22 августа 1917 года Ригу контролировала германская армия. Так что, если даже только предположить, что Эссенским удалось перейти линию фронта и попасть в Ригу,

они оказались бы не в руках большевиков, а германской оккупационной власти.

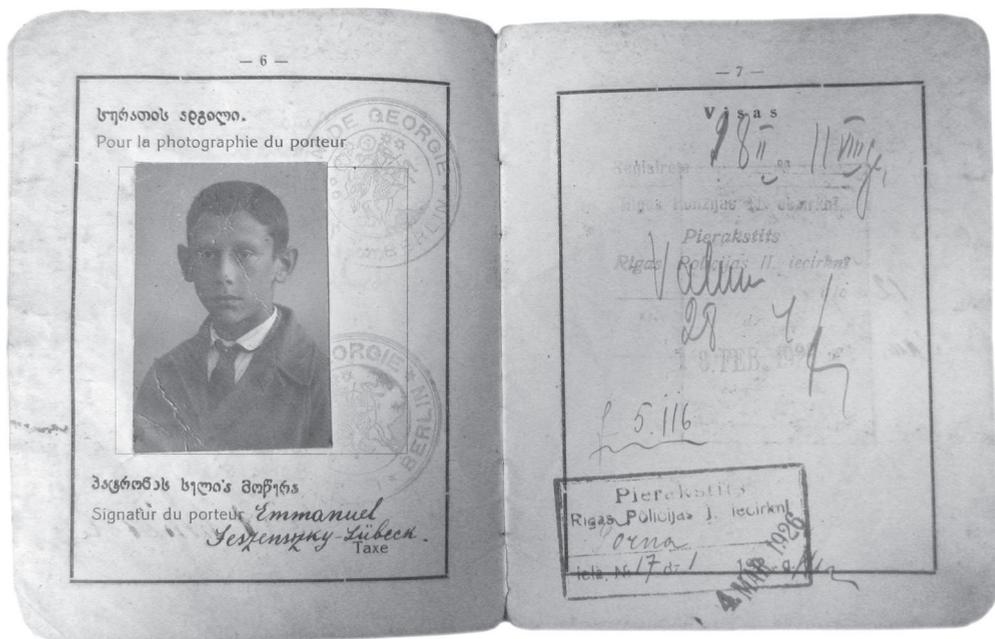
Несмотря на очевидные противоречия в описании автором некролога событий 1917 года, впоследствии рассказ о злодейском убийстве большевиками Маврикия Эссенского копировали все биографии епископа Константина.

Исторические источники свидетельствуют, что семья Эссенских действительно в конце 1917 года оставила Петроград. Однако уехали не все Эссенские. К этому времени дочь Нина была уже замужем, носила фамилию мужа – Евдокимова и осталась в Петрограде. Впоследствии связь с ней полностью прервалась.⁸

Оставшиеся члены семьи разделились. Марта с младшим сыном Мануилом отправилась на Кавказ, чтобы там в селении Коби, где жили ее родственники, дожидаться окончания российской смуты. По дороге ее арестовали большевики, приговорили к расстрелу, однако за неимением доказательств вины отменили приговор и отпустили ее на свободу. С большим трудом Марта с Мануилом доехали до Кавказа, однако и там вскоре воцарилась большевистская власть, поэтому Марта в начале 1920 года решила перебраться в Латвию.⁹ В Риге ее с сыном ожидал горький хлеб эмиграции, т.е. съемные комнаты, материальные трудности и т.п.

Маврикий (Мориц) со старшим сыном Александром в конце 1917 года также покинули Петроград и переехали в Лужский уезд. Весной 1920 года Маврикий и Александр отправились в Париж, где пытались выжить за счет случайных заработков. В 1924 году Александру удалось получить место мастера на фанерной фабрике, в результате чего он смог не только содержать безработного отца, но и регулярно посылать деньги матери.¹⁰

В 1929 году Маврикий (Мориц) Эссенский переехал в Ригу, где так же, как и его

Грузинский паспорт Эммануила Эссенского-Любека

супруга, числился безработным и проживал на содержании сыновей и других родственников. Как писали сами Эссенские, каждый месяц они получали до 50 латов, из которых в разные годы от 35 до 40 латов тратились на аренду жилья. Чтобы освободить Эссенских от уплаты налога за продление нансеновского паспорта к ним ежегодно посылались оценщики их материального положения, которые из года в год писали о бедности, даже нищете четы Эссенских.

С трудом верится, что Эссенские могли жить на оставшиеся от аренды жилья средства. Вполне возможно, что эта «нищета» создавалась для проверяющих, чтобы освободиться от уплаты налога за продление вида на жительство. Во всяком случае, кажется странным, что несмотря на «нищету» опытный юрист М. Эссенский даже не пытался найти работу по специальности. В Латвии с успехом работала це-

лая плеяда русских юристов: профессора Василий Синайский и Александр Круглевский, Петр Якоби и др., которым удалось найти свое место в жизни молодой страны. Почему не пытался этого сделать бывший юрисконсульт канцелярии Его Императорского Величества М. Эссенский, которому нужно было дать образование своим сыновьям, прокормить свою семью? Объяснение этому может быть только одно – у Эссенских были какие-то незадекларированные средства, за счет которых они жили. Возможно, им удалось накануне отъезда за границу перевести часть своих средств в заграничные банки или же вывести их в виде драгоценностей, которые продавались по мере надобности. Нельзя забывать и того, что в Риге проживала вдова консула Австро-Венгрии – мать Маврикия, которая, если в этом была нужда, сумеется, могла материально помочь своему сыну и внукам.

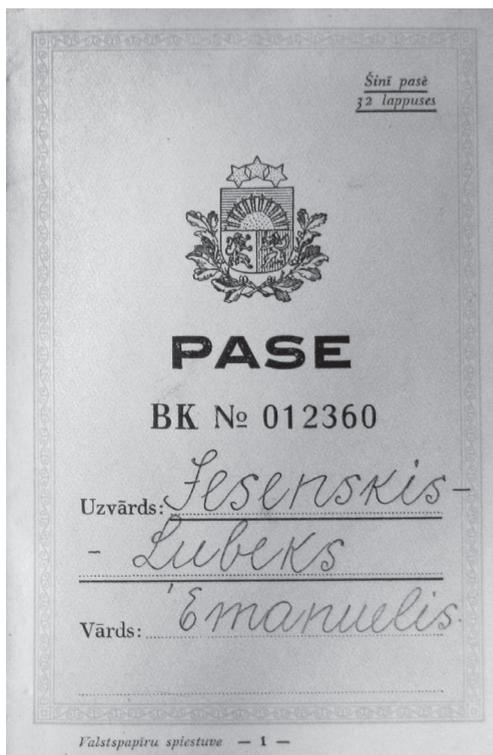
Эммануил Эссенский. 1928 г.

11 ноября 1939 года Мориц и Марта Эссенские попросили разрешить им репатриировать в Германию (уехали в феврале 1940 года)*. Они остановились в Берлине, где формально продолжали находиться на иждивении сыновей. Маврикий (Мориц) Эссенский-Любек умер после окончания Второй мировой войны, Марта Эссенская скончалась в Берлине 13 июля 1950 года.¹¹

20 октября 1923 года посол Грузии в Германии выдал Эммануилу Эссенскому грузинский паспорт. Интересно отметить, что Марта Эссенская, благодаря грузинскому происхождению которой Мануил смог оформить грузинское подданство, осталась лицом без гражданства и прожила всю оставшуюся жизнь с так наз. «нансеновским» паспортом (введен с 1922 года), который ежегодно надо было продлевать. Видимо, оформление грузинского паспорта стоило денег, которых у семьи Эссенских в эмиграции всегда не хватало, поэтому Марта даже не пыталась оформить себе этот паспорт.

В 1925 году Эммануил окончил гимназию. Судя по всему, в выборе будущей специальности он остановился на двух направлениях: или богословие, или медицина. Вначале он попытался разобраться в

* Не совсем понятно, на каком основании разрешили репатриировать русскому по всем документам Маврикию (Морицу) и грузинке Марте Эссенским.

Латвийский паспорт Эммануила Эссенского-Любека

фармацевтике и устроился на работу в аптеку. В аптеке он проработал пять лет, начав с места ученика и закончив ассистентом фармацевта. Параллельно (с 1928 по 1930 гг.) Э. Эссенский брал уроки иконописи у Татьяны Владимировны Косинской (1903-1981) и Пимена Максимовича Софронова (1896-1973).¹²

Устроившись на работу, Эммануил стал снимать комнату, т.е. стал жить отдельно от матери. Свою мать он очень любил и всегда нежно о ней заботился, однако тяготился обществом людей и лучше всего чувствовал себя в одиночестве. По сути уже в юности он начал готовить себя к монашескому образу жизни. В 1928 году Э. Эссенский оформил латвийское гражданство.

В 1928 году Э. Эссенский написал заявление на имя архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера) со следующей

просьбой: «интересуюсь духовно-нравственными вопросами, желая работать в пользу Православной Церкви, прошу принять меня в Духовную семинарию».¹³ Владыка Иоанн удовлетворил просьбу юноши, и началась его учеба в семинарии.

Возобновившая в 1926 году свою работу Рижская Духовная семинария старалась придерживаться семинарских программ дореволюционной России. Основными учебными предметами первого курса являлись: Св. Писание, история Церкви, латышский и русский (церковнославянский) языки, история и география Латвии, литургика и церковное пение. На учебные занятия отводилось 32 часа в неделю. Так как практически все семинаристы работали, учебные занятия проходили после обеда: в будние дни с 16 (иногда с 17) часов до 22 часов, в субботу – с 16 до 18 часов. У семинарии не было общежития, поэтому семинаристы должны были сами заботиться о своем жилье. В исключительных случаях наиболее нуждающимся выплачивалась небольшая стипендия – 20 латов в месяц. Поступающие должны были знать как латышский (официальный язык обучения), так и русский язык, так как отдельные предметы читались на русском языке. В семинарию принимались лица, имевшие среднее (гимназическое) образование, а тем, у кого его не было, нужно было сдавать комплексный вступительный экзамен. Из-за острой нехватки священно и церковнослужителей, а также из-за неимения средств на содержание семинарии, вначале учебную программу проходили за два года. С 1931/1932 учебного года курс семинарии стал трехгодичным, поэтому удалось добавить новые учебные предметы (философию, греческий язык и др.) и уменьшить количество учебных часов в неделю с 32 до 28.

Преподавательский состав Рижской Духовной семинарии в основном составляли опытные священнослужители,

окончившие курс Духовной Академии. Многие из них имели опыт преподавания в довоенных Рижской Духовной семинарии (о. И. Янсонс, И. П. Михельсон и др.) или Витебской Духовной семинарии (о. Кирилл Зайц). Ректор семинарии протоиерей Иоанн (Jānis) Янсонс преподавал Св. Писание, нравственное богословие и гомилетику; протоиерей Николай Перехвальский – основное, догматическое и сравнительное богословие; протоиерей Кирилл Зайц – литургику, практическое богословие и сектоведение; Д. Я. Рудзитис – историю Церкви, психологию, педагогику и языки; И. П. Михельсон – церковное пение; А. А. Поммерс – географию и историю Латвии. С 1930 года в семинарии стал преподавать В. А. Янсонс (латышский и греческий языки).

Кроме освоения учебных дисциплин, все семинаристы должны были написать сочинение на темы, предлагаемые преподавателями семинарии. С целью богослужбной практики семинаристы должны были принимать участие в богослужениях в храмах Риги: петь на клиросе, прислуживать священникам, произносить написанные под руководством преподавателей проповеди. Хор семинаристов был занят в ранних литургиях в Рижском кафедральном Христорождественском соборе, участвовал в богослужениях в других рижских храмах.

Требования преподавательского состава были достаточно высокими, поэтому не все, поступившие в семинарию, могли успешно пройти ее учебную программу. Так, в период с 1926 по 1933 г. в Рижской Духовной семинарии учились 67 воспитанников, однако закончили ее лишь 40 человек.¹⁴

Эммануил Ессенский всегда совмещал учебу в семинарии с работой в аптеке и уроками иконописи. В результате на семинарские занятия оставалось мало времени, поэтому большую часть учебных предметов

он сдавал на оценку «удовлетворительно». Для семинарии это скорее было нормой, чем исключением. Так, на курсе Ессенского учились такие будущие священники, как Иоанн Бауманис, Роман Берзиньш, Феодор Ягодкин, Гордий Ольшевский Николай Трубецкой, Симеон Варфоломеев и др., у которых также в аттестате самой распространённой была оценка «удовлетворительно».¹⁵

Закончив в 1930 году Рижскую семинарию, Э. Ессенский попросил архиепископа Иоанна (Поммера) благословить его на учебу в Свято-Сергиевском Православном Богословском институте. Получив благословение Владыки Иоанна, Ессенский навсегда покинул Латвию.

Основанный митрополитом Западно-европейским Евлогием (Георгиевским, 1868-1946) в 1925 году в Париже Православный Богословский институт был духовным центром русской эмиграции. В межвоенный период в нем работали такие корифеи богословия и философии русского зарубежья, как протоиерей Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, В. Н. Ильин, о. Василий Зеньковский, Н. О. Лосский, Г. В. Флоровский, Г. П. Федотов и др. В 1930 году, кроме Ессенского, в этот институт поступили также еще два выпускника Рижской Духовной семинарии – Н. Трубецкой и Ф. Ягодкин¹⁶. По образному выражению о. Георгия Бенигсена, годы учения в институте проходили «под духовным покровом любимого святого, под пастырским руководством выдающегося архипастыря, митрополита Евлогия, под академическим менторством о. Сергия Булгакова, В. В. Зеньковского и других членов парижского созвездия богословия и русской духовной культуры».¹⁷

В 1930 году Западно-Европейская епархия перешла из юрисдикции МП в юрисдикцию Константинопольского Патриархата (в дальнейшем существовала под

названием Западноевропейский экзархат русских приходов), однако так как архиепископ Иоанн (Поммер) поддержал этот переход, это никак не сказалось на положении латвийских студентов Парижского института.

Не следует забывать, что в межвоенный период Париж был центром русской эмиграции, в котором жили и работали чуть ли не все ведущие представители творческой интеллигенции Русского Зарубежья. В Париже на русском языке издавалось несколько газет и журналов, публиковались литературные произведения, работали русские театральные труппы, проводились выставки русских художников. Париж был политической и культурной столицей Зарубежной России, в которой были представлены все оттенки политических взглядов и все культурные течения. В эту жизнь были вовлечены все преподаватели и студенты Православного Богословского института. Кроме того, в распоряжении студентов были все богатейшие музеи и библиотеки Парижа, его театры, концертные залы и т.п.

В 1932 году Э. Ессенский закончил Православный Богословский институт. Латвийские выпускники института, как правило, возвращались на Родину, где архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн рукополагал их во священники. Э. Ессенский не вернулся в Латвию, так как сразу же после окончания института получил от митрополита Евлогия предложение рукополагаться в Париже и служить в Западноевропейском экзархате. Ессенский с радостью согласился, поэтому вскоре митрополит Евлогий рукоположил его сначала в диаконы, а затем и в иереи. Почему митрополит Евлогий принял такое решение? Видимо, решающую роль в предложении митрополита сыграли знания Э. Ессенским иностранных языков. В семье Ессенских разговаривали на двух языках – на русском и немецком, между тем в экзархате было

крайне мало священников, владеющих немецким языком. Кроме того, Э. Ессенский свободно владел французским и латышским языками.

Отец Эммануил выбрал путь целибатного священника, так как считал, что ничего не должно отвлекать от духовного служения, что он должен безраздельно принадлежать только своей пастве. Уединение, аскетический образ жизни давали ему возможность глубокого понимания человеческой души.

Сразу же после рукоположения о.Эммануил был назначен вторым священником на приход Равноапостольного князя Владимира в Берлине. В 1934 году он был переведен в Лейпциг в качестве настоятеля храма Свят. Алексия, митрополита Московского, где прослужил 4 года. Одновременно ему часто приходилось обслуживать церкви в Дрездене, Касселе, Эйбеке и др.¹⁸ Его часто посылали служить в другие храмы, зная, что о.Эммануил всегда заботился о красоте церкви, в которой служил. Поэтому, если были приходские средства, он приглашал опытных мастеров, которые ремонтировали храм, если же средств не было – сам занимался ремонтом. Многие храмы, в которых служил о.Эммануил, он украсил собственноручно написанными иконами. Кроме того, о.Эммануил поражал всех своею профессиональной игрой на балалайке.

В 1938 году о.Эммануил перешел в юрисдикцию РПЦЗ. Он объяснял свой поступок тем, что последовал за своим приходом. Однако, скорее всего, это было обдуманное решение самого настоятеля Лейпцигского прихода. Он никогда не скрывал своей непримиримой позиции по отношению к безбожной советской власти, поэтому отношение РПЦЗ к МП и к СССР было ему более близко и понятно, нежели неопределенность взглядов «евлогиан». По мнению протоиерея А. Томюка, о. Эмману-

ил в конце 1930-х годов откровенно симпатизировал нацистскому режиму и именно по его инициативе приход в Лейпциге перешел в юрисдикцию РПЦЗ.¹⁹

В 1938 году о.Эммануил был делегатом 2-ого Собора в Сремских Карловцах. Собор принял два послания: «К Русской пастве в рассеянии сущей» и «К Русскому народу в Отечестве страждущему». Последнее заканчивалось словами: «Боже! Спаси Россию. Боже! Сохрани и укрепи ее страждущих сынов, в самой силе своей веры и терпения несущих Твое свидетельство миру. Боже, собери нас всех в лоно общей нашей Матери Церкви на Родной Святорусской земле, которую восставь, заступи, сохрани и помилуй Твоею благодатью».²⁰

В 1938 году о. Эммануил был зачислен в штат Берлинского Воскресенского кафедрального собора, в котором прослужил вплоть до января 1945 года. Следует отметить, что в военный период клириками собора были такие выдающиеся пастыри как о. Адриан Рымаренко, о. Александр Киселев, о. Георгий Бенигсен и др. Во время войны нагрузка каждого клирика собора резко возросла, так как к прихожанам прибавились тысячи так наз. «восточных рабочих», военнопленных, беженцев и др. Клирики собора регулярно совершали богослужения, проводили духовные беседы, читали лекции и т.п. Несмотря на возросшую нагрузку о.Эммануил попытался осуществить свою мечту – освоить медицину. В 1942 году он поступил на медицинский факультет Берлинского университета. До отъезда из Берлина он успел пройти четыре семестра.

Во второй половине 1944 года начались непрерывные налеты на Берлин английской, американской и советской авиации, и оставаться в городе становилось уже опасным. Кроме того, стремительно наступала Красная Армия, неся с собой советский

безбожный политический строй. В этих условиях те, кто уже однажды испытали на себе все «прелести» коммунистического режима, старались уехать на запад Германии. К числу таких людей принадлежал и о.Эммануил Ессенский. В январе 1945 года с согласия епархиального руководства он переехал в Баджарцбург.²¹

После окончания Второй мировой войны о. Эммануил оказался в американской зоне оккупации. Ему удалось обосноваться в г. Госларе (Нижняя Саксония), где он организовал приход и начал совершать богослужения. Кроме того он обслуживал четыре храма в лагерях ДР (перемещенных лиц). В десятках лагерей ДР нашли свое прибежище сотни тысяч бывших военнопленных, «восточных рабочих», беженцев и эвакуированных, участников антисоветских вооруженных формирований, русские эмигранты «первой волны», выехавшие из России еще в 1920- годах. Многим из них приходилось по 5-6 лет ожидать в лагерях решения своей участи, находясь в постоянном страхе перед возможной репатриацией в СССР. В каждом лагере работали кухни, которые, согласно нормам, полагающимся по продовольственным карточкам, кормили перемещенных лиц так, что никто не умирал с голода, однако никто никогда и не испытывал состояния сытости. По сути, лишь священнослужители пытались прийти на помощь бесправным обитателям лагерей ДР, разделив с ними тяготы беженского существования. По воспоминаниям русских ДР, «все люди тогда были напуганы, часто душевно больны, и помощь опытного священника была им необходима. Ведь понимали все тогда, что такая жизнь неестественна, и долго продолжаться не может – это только какой-то антракт между двумя действиями. Над первым, зловещим, занавес опустился, а над вторым еще не поднялся. А кто мог помочь страждущим людям? Только молитва священника – доброй

души. Без этой помощи человек страдал и погибал».²²

10 апреля 1947 года о.Эммануилу Ессенскому был пожалован сан протоиерея. Вообще следует отметить, что церковное руководство высоко ценило его заслуги и к 1947 году он уже получил набедренник, скуфью, камилавку и золотой наперсный крест.²³ Управляющий Германской епархией в 1938-1950 годах митрополит Берлинский и Германский Серафим (Ляде, 1893-1950) в июне 1947 года охарактеризовал о.Эммануила, как священника, который «исполнял все возложенные на него пастырские обязанности в высшей степени добросовестно, самоотверженно, ревностно и пользовался поэтому всеобщим уважением и любовью верующего народа».²⁴

Постепенно ДР переезжали в новые места жительства, а за своей паствой переезжали и священники и, продолжая окормлять бывших перемещенных лиц, основывали уже на новых местах приходы, возводили храмы, часовни, открывали воскресные школы. В 1949 году в США переехал и о.Эммануил Ессенский. В 1949-1951гг. он служил в Вашингтоне, где под руководством епископа Иоанна (Максимовича, 1896-1966, прославлен РПЦЗ в 1994 году в лике святых как святитель Шанхайский и Сан-Францисский) занимался переселением в США русских беженцев из Шанхая (ок. 6 тысяч человек) с филиппинского острова Тубабао. В 1951-1952 годах о.Эммануил служил в храме Успения Пресвятой Богородицы в Трентоне (штат Нью-Джерси), с 1953 года он служил настоятелем Покровского храма в Глен-Коуве (Лонг-Айленд, штат Нью-Йорк).²⁵

По характеристике, данной протоиерею Эммануилу Ессенскому архиепископом Сиракузским и Троицким Аверкием (Таушевым, 1906-1976), он лично знает о. Эммануила, «как пастыря доброго, полного энергии, ревностного к исполнению свя-

щеннических обязанностей... За последние годы, которые я его знаю, он проявлял себя всегда с самой лучшей стороны»²⁶.

По словам о. Эммануила, впервые ему предложили стать епископом в 1951 году, однако он, считая себя недостойным этого сана, отказался от хиротонии, но потом очень переживал из-за своего отказа, поэтому когда в 1967 году ему вновь предложили епископское кресло, он с радостью согласился. 27 сентября 1967 года в Св. Троицком монастыре в Джорданвилле о. Эммануил принял иноческий постриг под именем Константин. 10 декабря состоялась его хиротония во епископа Брисбенского, викария Австралийской и Новозеландской епархии.

Первым русским православным приходом на территории Австралии и Новой Зеландии стал Свято-Николаевский храм в Брисбене, основанный в 1926 году. Однако массовая эмиграция русских в Австралию началась лишь после окончания Второй мировой войны, в результате которой в 1946 году была учреждена Австралийская епархия РПЦЗ. 12 декабря 1946 года правящим архиереем был назначен епископ Феодор (Рафальский), однако из-за трудностей с визами он прибыл в страну лишь 5 ноября 1948 года. В конце 1949 года епископ Феодор был возведен в сан архиепископа, а 16 февраля 1950 года получил титул Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. После кончины в 1955 году архиепископа Феодора епархией стал управлять епископ (с 1957 года архиепископ) Савва (Раевский, 1892-1976)²⁷.

Архиепископ Савва часто болел, поэтому не мог принимать активного участия в церковной жизни. Именно поэтому и было принято решение для укрепления епархиального руководства послать в Австралию епископа Константина. При этом не принималось во внимание то, что у Владыки Константина не было никакого

Епископ Константин после хиротонии

опыта управления епархией. Тем не менее ему удалось в сравнительно короткий срок завоевать уважение австралийских органов государственной власти и любовь православной паствы.

В 1974 году Архиерейский Синод попытался перевести епископа Константина на кафедру епископа Сантьягского и Чилийского, однако Константин отказался покинуть Австралию, сославшись на то, что его не отпускает австралийская паства. И, действительно, вскоре Архиерейский Синод получил прошение, подписанное 600 православных австралийцев, с просьбой оставить им Владыку Константина, а также письмо премьера австралийского штата Квинсланда Бйелке-Петерсона, который тоже попросил Синод оставить Константина в Австралии, так как он пользуется большим авторитетом, «зарекомендовал себя там как антикоммунист и своей работой во многих отношениях предостерегал страну от влияния коммунистов»²⁸.

Не выполнив решения Архиерейского Синода, епископ Константин грубо нарушил церковную дисциплину, за что полагалось суровое наказание. Однако это вызвало бы недовольство австралийской паствы. Поэтому было решено на время оставить епископа Константина в Австралии для окормления Новой Зеландии, однако сде-

лать все, чтобы перевести его в США. Решением председателя Архиерейского Синода от 30 октября 1976 года епископ Константин должен был уехать в США, где в Ново-Коренной пустыне в Магопаке ожидать нового назначения. Это ожидание растянулось на полтора года.

1 февраля 1978 года Владыка Константин был назначен епископом Бостонским, викарием Восточно-Американской епархии. Думается, что это назначение было попыткой Синода держать Константина в поле своего зрения. И, действительно, вскоре епископ Константин получил порицание Архиерейского Синода. По мнению Синода, епископ Бостонский Константин не имел права без благословения правящего архиерея, а в случае его отсутствия – Архиерейского Синода, созывать собрания духовенства Бостонского благочиния. Однако архиереев не хватало, поэтому в 1981 году он был назначен епископом Ричмондским и Британским.

И на новом месте епископ Константин вскоре привлек внимание церковного руководства. В 80-х годах XX века состоялось обретение мощей английского короля Эдуарда (962-978), канонизированного в 1001 году. В 1982 году мощи св. Эдуарда были переданы РПЦЗ, которая поместила их в церкви Святого Эдуарда Мученика при кладбище Бруквуд в графстве Суррей. Так как Эдуард почитался как Православной, так и Католической и англиканской Церквями, в перенесении мощей должны были принять участие главы всех христианских конфессий региона. Епископ Константин всегда последовательно выступал против экуменизма, поэтому, вопреки решению Архиерейского Синода РПЦЗ, отказался принять участие в этой церемонии. Более

Собор РПЦЗ 1983 года.
Стоит второй слева – епископ Константин (Ессенский)

того, он заявил, что православные русские не почитают короля Эдуарда, и публично осудил настоятеля храма Св. Эдуарда архимандрита Алексия, который разрешил разместить мощи короля в православном храме. Протестуя против этого поступка архиерея, приход церкви Св. Эдуарда вышел из состава епархии²⁹.

Дело епископа Константина было решено рассмотреть на Соборе РПЦЗ. Епископ Константин принял решение не ждать созыва Собора, а уйти «на покой по состоянию здоровья»³⁰. Действительно, в старости у него обострилась злокачественная анемия, появились болезнь сердца и прогрессирующий артрит. Архиерейский Синод удовлетворил просьбу Константина.

Вначале епископ поселился в Новой Коренной Пустыни в Магопаке, штат Нью-Йорк, но тамошняя зима была слишком тяжелой для его здоровья, поэтому в 1991 году он переехал в монастырь «Христа-на-Холмах» близ городка Бланко в штате Техас. В монастыре епископ Константин вел жизнь аскета: очень мало ел и спал, все время посвящая молитве. В последние годы епископ Константин стяжал дар покаяния. Во время причащения Святых Таин он часто искренно плакал. Епископ Константин

скончался 18 (31) мая 1996 года в результате воспаления легких.

«Епископ Константин был смиренным, скромным и удивительно добрым архиереем. Его проповеди давали поучение, утешение и запоминались. У него были золотые руки, он прекрасно украшал храмы, где

служил. Епископ Константин был великим молитвенником и проповедником»³¹. К этому можно только добавить, что он был настоящим пастырем рассеяния, целиком и безраздельно принадлежащим своей пастве.

Summary

The article recounts the life and career of Bishop Constantine. Emanuel Essenskii. The future bishop, was born in Riga in 1907 and moved to Petrograd, where he lived until 1917. In 1920 he returned to Latvia and remained there until 1930, when he left for Paris to study at the St. Serge Theological Institute. From 1932 to 1949 he was in Germany, and then in 1949 he moved in the United States. His career was dedicated to the care of Russian emigre communities and dioceses. Often he

was guided by his archpastoral conscience rather than by ecclesiastical regulations, resulting sometimes in penitential actions against him by the church hierarchy. He died at Christ Savior Monastery in Blanco, TX in 1996. His remains were revealed incorruptible during their transfer to the cemetery in Holy Trinity Monastery, Jordanville NY. The issue of Bishop Constantine's canonization has not yet been considered.

Reference list

- 1 <http://www.anti-raskol.ru/pages/925>
- 2 Dzhordanvill': Perezahoronenie episkopa Konstantina (Essenskogo) vozglavil Pervoierarh Russkoj Zarubezhnoj Cerkvi // Vostochno-Amerikanskaja eparhija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Zagranicej. Oficial'nyj sajt.
- 3 Svetloj pamjati Episkopa Konstantina (Essenskogo). // Cerkovnaja zhizn'. Izdaetsja pri Arhierieskom Sinode RPCZ. Maj-ijun'-ijul'-avgust. 1996 g. # 3-4. – S. 62–63; [https://orthodoxwiki.org/Constantine_\(Essensky\)_of_Richmond](https://orthodoxwiki.org/Constantine_(Essensky)_of_Richmond) <http://internetsobor.org/istoriya-rptsz/istoriya/rptsz/istoriya-rptsz/perezahoronenie-episkopa-konstantina-essenskogo-v-sya-troitskom-monastyre-v-dzhordanville-i-dr>.
- 4 Latvijskij Gosudarstvennyj Istoricheskij Arhiv (dalee LGIA), f.7416, op.2,d.12, l.104; Arhiv Arhierieskogo Sinoda RPCZ (dalee –AASRPCZ), «Delo episkopa Konstantina (Essenskogo).» i dr.
- 5 LGIA, f.1376, op.4, d 210, .2219.
- 6 Svetloj pamjati Episkopa Konstantina (Essenskogo). // «Cerkovnaja zhizn'». Izdaetsja pri Arhierieskom Sinode RPCZ. Maj-ijun'-ijul'-avgust. 1996 g. # 3-4. – S. 63.
- 7 LGIA, f.133, op.12, d.430.
- 8 Ibidem, f.2996, op.9, d.12651.
- 9 Ibidem, f.1376, op.4, d.210.
- 10 Ibidem, d.2219.
- 11 LGIA, f.1376, op.4, d.2219; f.2942, op.1, 13946.
- 12 Arhiv Arhierieskogo Sinoda RPCZ (dalee – AASRPCZ), «Episkop Konstantin (Essenskij)», E. Sh. Episkop Konstantin // Gazeta. «Word of the Church». №6. 1998. P.12.
- 13 LGIA, f.2510, op.1, d.79.
- 14 Trufanov Valdis. Iz istorii Rihzskoj pravoslavnoj Duhovnoj seminarii (1926–1936) // Pravoslavie v Latvii. Istoricheskie ocherki. Sb. statej pod red. A. V. Gavrilina. Vyp. 2. Riga: «Blagovest». 1997. – S. 5–12.
- 15 LGIA, f.2942, op.1, 13546.
- 16 Coja Sergej. Latvijskaja Pravoslavnaja Cerkov' i Svjato-Sergievsckij Pravoslavnyj Bogoslovskij institut v 20-30-h gg. HH veka // Pravoslavie v Baltii. #10*1). Riga. 2013. S.33
- 17 Benigsen Georgij, prot. Pamjati pastyrja (o.Aleksej Ionov) // Gazeta «Russkaja Zhizn'». 2 nojabrja 1977 goda.
- 18 AASRPCZ. «Episkop Konstantin (Essenskij)». «Pamjati usopshih».

- 19 Tomjuk A., prot. Russkij Hram-pamjatnik v Lejpcige // <https://www.sedmitza.ru/lib/text/6864892/>
- 20 http://vishgorod.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=241&Itemid=186
- 21 AASRPCZ. «Episkop Konstantin (Essenskij)». «Curriculum Vitae».
- 22 Ioanna (Pomazanskaja), mon. Pastyr' v gody vojny // «Pravoslavnaja Rus'». 2002 g. #22.
- 23 AASRPCZ. «Episkop Konstantin (Essenskij)». «Posluzhnoj spisok za 1958 god».
- 24 Ibidem. «Doverennost' mitropolita Serafima ot 15 ijunja 1950 goda».
- 25 Ibidem. «Posluzhnoj spisok za 1958 god».
- 26 Ibidem. «Pis'mo mitropolitu Filaretu arhiepiskopa Averkija. Sentjabr' 1967 goda».
- 27 Kostrjukov A. A. Russkaja Zarubezhnaja Cerkov' v 1939-1964 gg. Administrativnoe ustrojstvo i otnoshenija s Cerkov'ju v Otechestve. Moskva. 2015. –S.254-255.
- 28 AAS RPCZ, «Episkop Konstantin», «Zhurnal #267/A. Reshenija Arhierejskogo Sinoda RPCZ ot 22 avgusta 1975 goda».
- 29 Ibidem. «Spravka po delu Preosvjashhennogo episkopa Richmondskogo i Britanskogo Konstantina».
- 30 Ibidem. «Proshenie ep. Konstantina ot 18 janvarja 1986 goda».
- 31 Ibidem. «E. Sh. Episkop Konstantin // Word of the Church. N6. 1998».

Антони Миронович (Польша)
Antoni Mironowicz (Poland)

Православная Церковь в Польше в 1945–1948 гг.

The Orthodox Church in Poland in 1945–1948

Статья описывает положение Православной Церкви в Польше после завершения Второй мировой войны, в результате которой Церковь оказалась в совершенно новой общественно-политической ситуации. Катастрофически уменьшилась численность епархий, приходов, храмов и духовенства. Практически полностью прервалась монашеская жизнь. Кроме того, было ликвидировано большинство церковных институтов. В результате военных разрушений и определения новой восточной границы Православная Церковь потеряла около 90% недвижимости. Статья освещает разносторонние аспекты данного периода, акцентирует внимание на отношении государственных структур к Православной Церкви в Польше, а также рассматривает процесс восстановления единства с Русской Православной Церковью и признания автокефалии.

После завершения Второй мировой войны Православная Церковь в Польше оказалась в совершенно новой общественно-политической ситуации¹. Из пяти довоенных епархий в границах Польского государства осталась одна Варшавская и часть Гродненской епархий. Численность приходов уменьшилась с 1 579 до 169, а священников – с 1 725 до 190 человек. Число диаконов уменьшилось с 206 до 25, а псаломщиков – с 1 593 до 169 человек. Численность храмов уменьшилась с 1 947 до 223, а кладбищ – с 1 965 до 234. Практически полностью прервалась монашеская жизнь. В новых государственных границах остался только один православный монастырь – в Яблочной. Было ликвидирова-

но большинство церковных институтов: две действовавшие в межвоенный период духовные семинарии в Холме и Варшаве, военное духовенство и факультет Православного Богословия Варшавского Университета, издательства митрополии и примонастырские ремесленные мастерские. В 1944 г. была ликвидирована действовавшая с 1927 года Пенсионная касса православного духовенства, а её имущество было конфисковано. В результате военных разрушений и определения новой восточной границы Православная Церковь потеряла около 9/10 своего потенциала (приходы, храмы, кладбища, церковные здания и земля). Дальнейшее ограничение церковной собственности произошло на

основании декрета о земельной реформе от 6 сентября 1944 г. Несмотря на то, что по этому декрету у Православной Церкви не была конфискована земля, ее размеры были ограничены до 3 тыс. га.²

После войны интересно выглядели епархиальные границы. До середины июля 1946 г. по-прежнему действовали установленные во время Второй мировой войны Варшавско-радомская, Холмско-подляшская и Краковско-лемковская епархии. К этому необходимо прибавить приходы на Белосточине, которые во время войны принадлежали Гродненской епархии. Варшавско-радомская епархия в 1946 г. насчитывала 22 прихода, 20 настоятелей, 12 викарных священников, 4 диаконов и 6 псаломщиков. Холмско-подляшская епархия насчитывала 33 прихода, 36 священников, 6 викарных священников, 2 диаконов и 2 псаломщика. Краковско-лемковское епископство насчитывало 9 приходов, 6 священников и одного псаломщика. Больше всего православных приходов находилось на Белосточине – 69, на которых служение несли 51 настоятель, 4 викарных священника и 2 диакона³. В вышеперечисленных епархиях только в 5 приходах не было духовенства, а отсутствие духовенства в 18 приходах на Белосточине объяснялось юрисдикционным спором и разделением в среде местного духовенства.

Согласно подсчётам церковных властей в конце 1946 г. Православная Церковь владела 223 храмами (церкви и часовни) и 134 кладбищами.⁴

После Второй мировой войны в Польском государстве сократилась численность православных верующих. На восточной стороне границы осталось около 4 млн. верующих, которые до войны находились в юрисдикции Варшавской митрополии. Численность православных верующих уменьшилась также в результате принудительного или добровольного переселения

населения в СССР. В силу достигнутых договорённостей между ПКВН и советскими властями от 9 сентября 1944 г. Польшу покинуло около 47 000 белорусов и около 482 000 украинцев.⁵

С территории Жешовского воеводства было выселено 267 795 человек, Краковского – 21 776, Люблинского – 190 734 и Белостоцкого – 47 000. Большинство выселенного в период между 15 октября 1944 г. и 2 августа 1946 г. населения Белостоцкого и Люблинского воеводств было православного вероисповедания. Предполагается, что 15 000 человек, выселенных из Краковского и Жешовского воеводств, также были православными⁶. Депортация не предполагала защиту церковного имущества. Православные храмы, кладбища и церковные дома разрушались. Значительная часть церковного имущества была перенята римско-католическим духовенством. На исходе 1946 г. Варшавская митрополия насчитывала 3 епархии (Варшавская, Белостоцкая и «возвращённых земель»), 15 благочиний, 130 приходов и 300 000 верующих. Численность действующих храмов оценивалась в 150, в которых служили 160 священников и 20 диаконов⁷.

Наиболее тяжёлая ситуация сложилась на территориях, населённых лемками на Подкарпатье. Депортация православного населения украинской и лемковской национальности, проведённая в период между 15 октября 1944 г. и 19 июля 1946 г., была организована местной и повятовой администрацией. Особенно недружелюбное отношение к православному населению проявил новосандецкий староста Иосиф Лабуз. Подтверждением его негативного отношения к лемкам было следующее распоряжение от 25 сентября 1945 г.: «Все жители Новосандецкого Повята украинской и русской национальности обязаны оставить приграничную территорию в течение 15 дней, считая от дня следующего

после объявления этого распоряжения, по причине безопасности и охраны границы. Если эти граждане не оставят приграничной территории в указанный срок, они будут выселены принудительно»⁸. Осенью 1945 г. распоряжения подобного рода с указанным сроком исполнения в 24 часа получали все оставшиеся после войны православные священнослужители новосандецкого повята.

Церковные власти старались оказать помощь оставшемуся духовенству и верующим. Эта задача была невероятно трудна по причине дезорганизации структур управления Церкви и негативного отношения государственной администрации. Ситуация усугублялась отрицательным отношением к православию католического и униатского населения. В мае 1946 г., когда депортация в СССР подходила к своему завершению, на Лемковщину приехал священник Владимир Вежанский – делегат Варшавской Духовной консистории, который должен был наблюдать за оставленным церковным имуществом и заниматься пастырским служением для оставшегося православного населения в Перунке, Банице и других населённых местах, где не было священника. Миссия отца Вежанского закончилась неудачей, так как староство Повята в Новом Санче не дало ему своего согласия на пастырскую деятельность.⁹

Особенно значимую роль на Подкарпатье играл священник Стефан Бегун. В марте 1946 г. он был назначен церковными властями и начал своё служение в Флоринке. Церковная жизнь на этих землях протекала в тяжёлых религиозно-политических условиях. Православным предлагалось принять католичество или униатство, что позволило бы им избежать депортации в СССР. В этой ситуации многие лемки стали склоняться к смене вероисповедания. Эти земли были также небезопасны по причине возможных польско-украинских

военных столкновений. Православное духовенство и верующие не могли рассчитывать на защиту со стороны государственных властей.

Активное пастырское служение отца Стефана Бегуна привело к тому, что в середине мая 1946 г. он был препровождён под конвоем милиции на депортационный пункт в Грибове. Только благодаря счастливому стечению обстоятельств он избежал депортации, но должен был оставить Лемковщину и выехать в Чешин. Возвращение отца Бегуна было возможно после завершения депортации в середине июня 1946 г. На территориях новосандецкого повята отец Бегун наблюдал за церковным имуществом опустевших приходов и нёс пастырское служение для немногочисленного православного населения. Отец Стефан Бегун разделил судьбу депортированного в рамках акции «Висла» населения и был одним из первых священников, которые начали организацию церковной жизни в западных регионах Польши¹⁰. В конце концов после завершения депортации населения в СССР для несения службы в православных приходах, расположенных между Кросном и Новым Санчем, кроме отца Стефана Бегуна, осталось только два священника: отец Иоанн Левяж в Бартном и отец Димитрий Хылак в Избах, которые служили в пяти действующих приходах для 3 000 верующих.

Очередным ударом для действующей на Лемковщине церковной структуры была акция «Висла», имевшая место в период между 26 апреля и 16 августа 1947 г. Секретная инструкция Государственной Комиссии Безопасности от 1 августа 1947 г. предписывала командующим Краковского и Люблинского военных округов выселить всех украинцев и лемков, «невзирая на степень лояльности и партийную принадлежность», а также создание «постоянных контрольных бригад», задачей которых

будет «дополнительная неоднократная проверка каждого выселенного села, чтобы в нём не осталась ни одна украинская, лемковская или смешанная семья». В результате депортации населения были ликвидированы все православные приходы на Лемковщине, а депортированное население было лишено пастырской опеки. Интеллигенция и духовенство с территорий, охваченных акцией «Висла», были помещены в лагерь в Яворне. Общее число заключённых в лагере – 3 936 человек.¹¹

В равной степени драматично было положение православного населения на Любельщине и южном Подляшье. В первые послевоенные годы там было ликвидировано 170 православных приходов, принадлежащих Холмско-подляшской епархии¹². Православное население было повсеместно обвинено в сотрудничестве с оккупантами и украинскими националистическими группировками. В среде польского населения нарастали настроения нетерпимости и агрессии в отношении православных. Имели место многочисленные случаи вандализма и осквернения православных церквей и кладбищ¹³. Государственные власти не удовлетворяли просьбы жителей Любельщины, касающиеся восстановления действовавших во время войны приходов, и отказывали в открытии новых. Администрация не позволяла священникам выполнять свои обязанности. В результате такого отношения население оказалось лишено пастырской опеки. Этой государственной политике сопутствовали случаи грабежа церковного имущества католическим духовенством, частными лицами и государственными институтами. В конце 1945 г. ситуация была настолько драматична, что епископ Тимофей попросил польские власти оставить на этих землях только один монастырь в Яблечной и пять православных приходов: в Люблине, в Холме, в Грубешове, во

Влодаве и в Белой Подляшской. Просьба епископа была выполнена только частично. До начала акции «Висла» приходы действовали только в Бялой Подляшской и в Яблечной.¹⁴

Процесс самовольного присвоения православного церковного имущества был приостановлен только лишь на основании декрета от 5 сентября 1947 г. о переходе в государственную собственность имущества лиц, переселённых в СССР¹⁵. По этому декрету имущество Православной Церкви на землях, с которых население было депортировано за границу, переходило в государственную собственность. Подобным образом поступили с церковным имуществом, оставленным после депортации в рамках акции «Висла» по декрету от 28 сентября 1949 г.¹⁶ Эти правовые акты не упоминали об имуществе, конфискованном согласно решению администрации или самовольно присвоенном либо институтами Католической Церкви, либо частными лицами. В результате на Любельщине и Холмщине большое количество земель, церковных зданий и более чем 30 храмов присвоила себе Католическая Церковь¹⁷. Большое количество церковных объектов оказалось в управлении гражданских институтов и у частных лиц. Имущество, которое согласно закону от 23 апреля 1939 г. принадлежало Православной Церкви, было разграблено и разорено при полном бездействии государственной администрации. Любые попытки его спасения путём восстановления действующих приходов были государственными властями последовательно отвергаемы на основании довоенных правовых актов.¹⁸

Политику государственной власти критиковал министр юстиции Генрих Щвянтковский, который призывал изменить её во имя блага государства и Православной Церкви. В докладе от 10 февраля 1947 г. министр заметил, что «проживающее в

Польше православное население, в особенности сельское, вне зависимости от национальности, очень положительно относится к идее народной демократии и к правительству Народного единства и поэтому преследуется лесными бандами. Наиболее ярко об этом свидетельствует факт убийства лесными бандами более ста человек в селе Вежховины. Это православные поляки, которые послали свою молодёжь в службу безопасности и гражданскую милицию, отсюда ненависть к ним и месть со стороны лесных банд».¹⁹

На Белосточине православное население отождествлялось с белорусами. Для белорусов Православная Церковь выполняла религиозные и интеграционно-национальные функции. Согласно свидетельству белостоцкого воеводы, данному в январе 1946 г., православное население западных гмин Бельского повята массами переезжало в восточные гмины, на западные земли, либо в СССР. Множество проживающих на этническом пограничье белорусов сменило вероисповедание на католическое или протестантское. Вероисповедание отождествлялось с национальностью, а его смена гарантировала возможность остаться на месте своего проживания²⁰.

В 1945-1950 гг. из Белостоцкого воеводства выехало около 150 000 человек²¹. Перенаселённое белостоцкое село не давало возможности трудоустройства. Миграция в города центральных воеводств и в западные земли была продиктована поиском работы в промышленности и получением образования за пределами Белостоцкого воеводства. Депортации и миграция привели к частичному опустошению села и православных приходов.

Православное духовенство было нередко объектом нападений со стороны польского подполья. В 1945-1946 гг. было совершено множество преступлений в

отношении местного белорусского населения*.²²

Параллельно с возрастанием активности подполья православное духовенство позитивно принимало народную власть. Лояльная позиция в отношении народной власти православного духовенства была продиктована опасением за собственную безопасность и безопасность верующих. Невзирая на это в 1949 г. служба Публичной безопасности провела аресты в среде духовенства на территории всей страны, не объясняя причин репрессий.²³

Отношение православного населения к польскому населению являлось следствием пережитого опыта и существующих антагонизмов. Наряду с деятельностью польского вооружённого подполья, направленного против народной власти и белорусского населения, серьёзнейшим конфликтом был спор по поводу Супрасльского монастыря. До войны монастырские здания были переданы Католической Церкви, а осенью 1941 г. немецкие власти часть их возвратили православным. Первоначально власти воеводства поддерживали католическое

* Староста повята в Бельске Подляшском 4 февраля 1946 г. информировал воеводу о деятельности вооружённого подполья против белорусского населения. «29 января сего года банда в составе около 40 хорошо вооружённых людей, идущая со стороны Беловежской Пути, совершила нападение на сёла: Залешаны и Волька Выгоновска, гмины Клещеле. Во время нападения село Залешаны полностью было сожжено, а Волька Выгоновска частично. Эта банда 2 числа сего месяца частично сожгла село Шпаки, гмины Вышки и частично село Зане, гмины Бранск. В вышеперечисленных сёлах проживает белорусское и частично польское население. В селе Шпаки была найдена листовка, которая обращалась к белорусскому населению с требованием в течение 14 дней оставить Польшу, в противном случае грозила уничтожением». G. Sosna, *Sprawy narodowościowe i wyznaniowe na Białostoczczyźnie (1944-1948) w ocenie władz Rzeczypospolitej Polskiej*, Ryboły 1996, s. 71.

духовенство, однако после обнародования фактов террора православного духовенства со стороны вооружённого подполья власти склонились к правовому разрешению этого конфликта. Православная Церковь сохранила за собой церковь св. Иоанна Богослова, а монастырские здания переняло в свою собственность государство²⁴.

Православная Церковь вне пределов Белостокского и Люблинского воеводств не обладала значительным недвижимым имуществом. Церковное имущество в центральной Польше и в западных землях ограничивалось храмами, приходскими зданиями и кладбищами. Приходы были преимущественно городские. В Кракове и многих других городах не хватало храмов и православные верующие были вынуждены использовать евангелическо-аугсбургские кирхи, как, например, в Ченстохове. На западных землях и в Подкарпатье Православная Церковь использовала только предоставленные ей храмы, приходские здания и кладбища. Благоустройство храмов осуществлялось за счёт прихожан. На Подкарпатье до 1947 г., кроме храмов и приходских зданий, православные владели небольшими земельными наделами. После депортации лемков церковное имущество, подобно тому, как было на Любельщине и Холмщине, разграбили. Местная администрация уступала нажиму со стороны Католической Церкви и передавала латинскому духовенству здания и земельные участки православных приходов.

В результате изменения границ, депортации населения и внутренней миграции наиболее многолюдные анклавы православного населения остались на территории Белостокского воеводства. В других регионах православное население проживало в диаспоре, преимущественно на западных землях и в центральной Польше, а также в небольших анклавах на Люблинщине и в юго-восточных воеводствах.

Православные приходы создавались в местах, где ранее не было православия. Депортированное население было вынуждено создавать церковную жизнь с самого основания. Создание православного прихода было не только религиозной необходимостью, но и политической целесообразностью. Это явление имело место преимущественно в западных и северных регионах государства. Большинство верующих на Белосточине, Подкарпатье и на западных землях представляло собой сельское население. Только лишь в диаспоре, где приходы располагались в городах, общественную основу верующих Православной Церкви составляло городское население, преимущественно рабочий класс и немногочисленная интеллигенция. Согласно рапорту министра юстиции Генриха Щвянтковского от 10 февраля 1947 г., «численность православных в Польше уменьшилась до около 300 тысяч, сосредоточенных в 150 приходах. Ряд православных приходов на западных землях образовали польские репатрианты с Пинсцизны, Виленсцизны и Гроденсцизны. Вышеупомянутые репатрианты прибыли в Польшу вместе со своими священниками, которые выдавали себя за поляков».²⁵

Новым явлением на территории западных земель было окончание разногласий между православным и греко-католическим населением. Пережитые испытания украинского и лемковского населения в ходе акции «Висла» ослабили многовековые религиозные конфликты между двумя восточными христианскими обществами. В практической жизни униаты часто пользовались временной пастырской опекой православного духовенства. В 1947-1956 гг. часть греко-католического населения вернулась в православие, составляя в некоторых приходах большинство верующих. В то же время на территориях, заселённых значительным числом православного насе-

ления (Белосточина), наблюдался процесс постепенного отхода белорусской интеллигенции от Православной Церкви. Работа части белорусского населения в органах государственной власти была причиной отхода от религиозной жизни и вступления в ряды коммунистической партии²⁶.

Тяжёлую ситуацию в Православной Церкви усугубляло разделение в среде духовенства и верующих в период Второй мировой войны, неурегулированный канонически-правовой статус Церкви и организационный хаос. 10 августа 1944 г. председатель ПКВН Эдвард Особка-Моравски согласился на номинацию епископа Тимофея (Шреттера) предстоятелем Холмско-подляшской епархии, а два месяца спустя также подчинил ему и православные приходы Белосточины. Духовенство на Белосточине негативно отнеслось к епископу Тимофею, массово выражаясь за юрисдикцию Минского митрополита. Что касается Белосточины, то Московский Патриархат с 1939 г. стремился подчинить её своей юрисдикции.

В декабре 1944 г. митрополит Минский Василий (Ротмиров) создал для Белосточины Временное Епархиальное Духовное Управление под председательством священника Николая Винцункевича. Большинство духовенства Белосточины высказалось за присоединение её к Русской Православной Церкви. Временное Епархиальное Духовное Управление 12 февраля 1945 г. было официально подчинено власти Патриарха Московского Алексия²⁷. Белостоцкий воевода 22 июня 1945 г. проинформировал правительство, что «благочинные составляют Совет под председательством белостоцкого благочинного Иосифа Гушкевича, непосредственно подчиняясь епископу Минскому, а посредственно – Патриарху в Москве. Официально они не объявили о своем разрыве с Православной Автокефальной Церковью в

Польше. Однако в неофициальных беседах не скрывают этого факта и утверждают, что автокефалия была им навязана, а содержание декрета президента Речи Посполитой для них необязательно, поскольку и правительство, со своей стороны, не соблюдает пункты этого декрета, поскольку они не получают дотации, которые были им предоставлены перед войной». Воевода подтвердил, что часть духовенства признала юрисдикцию епископа Холмского Тимофея. В создавшейся ситуации в Орли дошло до назначения двух настоятелей, которые состояли в юрисдикции различных церковных властей.²⁸

Временное Епархиальное Духовное Управление было закрыто 6 ноября 1945 г., а на его место митрополит Минский Василий назначил Николая Винцункевича «управляющим делами Белостоцкого епископства». Николай Винцункевич получил широкие полномочия, включая право назначения духовенства на приходы. Таким образом на Белосточине возникло двоевластие, которое провоцировало конфликты религиозного и политического характера.²⁹

Проблема управления приходами на Белосточине определяла характер взаимоотношений между Русской Православной Церковью и Православной Церковью в Польше. Решения митрополита Минского Василия и Н. Винцункевича противоречили акту автокефалии от 1925 г., статьям декрета президента от 1938 г. и решениям председателя ПКВН. Проблема была курьёзной, так как юрисдикционные полномочия епископа Тимофея относительно приходов Белосточины в июне 1945 г. подтвердил канонический митрополит Варшавский Дионисий. Спор относительно церковной юрисдикции влиял также на взаимоотношения польских и советских властей. Подчинение православных приходов на этой территории Московскому Патриархату Министерством Публичной администра-

Дионисий, митрополит Варшавский

ции юридически признало актом «интервенции чужой власти во внутренние дела Польши и нарушения её суверенитета». Министерство предлагало предпринять соответствующие дипломатические действия, чтобы исправить возникшую ситуацию.³⁰ Только лишь решительное вмешательство правительства, ссылающегося на декрет от 1938 г., в феврале 1946 г. привело к разрешению «белосточкой схизмы». Большинство духовенства признало власть епископа Тимофея, а священник Н. Винцункевич и его сторонники выехали в Белоруссию.³¹ Окончательная стабилизация настроений в среде верующих Православной Церкви на Белосточине имела место в мае 1946 г., когда последний приход, Рождества Пресвятой Богородицы в Бельске Подляшском, признал юрисдикцию епископа Тимофея, а его настоятель, священник Василий Иващенко, выехал в БССР.³²

Отдельную проблему представляло собой признание митрополита Варшавского и Вольинского Дионисия (Валединского), который вернулся в Польшу 25 апреля 1945 г. Митрополит 16 мая проинформировал Варшавскую Духовную консисторию о принятии на себя юрисдикции над Православной Церковью в Польше.³³ Митрополит Дионисий 5 июня призвал духовенство к молитвам за «демократическую Польшу, её власти и воинство». 13 июня 1945 г. он проинформировал президента Народного Совета Края Болеслава Берута о принятии на себя управления Церковью и заверил адресата в своём лояльном отношении к польскому государству. В письме митрополит Дионисий охарактеризовал положение Православной Церкви в период оккупации. Согласно мнению митрополита, номинация, данная ему Гансом Франком, была необходима, чтобы обеспечить духовные нужды православного населения. Митрополит заверил Болеслава Берута, что не подписывал никаких договоров с немцами, а выбор епископов Иллариона и Палладия был навязан оккупационными властями. Отношение иерархии к Третьему Рейху, согласно мнению митрополита Дионисия, исходило из «древней традиции Православной Церкви» сохранения лояльности в отношении любого действующего правительства, которая на практике была максимально ограничена.³⁴

Аргументы митрополита Дионисия, которые подтверждало его письмо президенту КРН, не были признаны властями удовлетворительными. Департамент Вероисповеданий Министерства Публичной администрации считал, что деятельность митрополита Дионисия противоречила польским интересам и по причине «оккупационного прошлого» он не может управлять Православной Церковью. Власти пытались заставить митрополита уйти на покой, ссылаясь на его «плохое состояние

здоровья и возраст». За отставку митрополита выступали многие священнослужители, которые пострадали в период оккупации. В письмах в органы государственной власти они требовали наказания священнослужителей, скомпрометировавших себя лояльностью по отношению к оккупантам. Отставка митрополита административным путём не представлялась возможной, так как этот факт имел бы серьёзные политические последствия и спровоцировал бы протесты за границей. Одновременно польские власти были заинтересованы в установлении автокефалии, а для этого был необходим предстоятель Церкви, «свободный от всяческих обвинений и обладающий авторитетом в государстве и за границей». Директор Департамента Вероисповеданий Министерства Публичной администрации видел такого предстоятеля в лице епископа Тимофея (Шреттера).³⁵

Формально в состав православного епископата до середины июля 1946 г., кроме митрополита Дионисия и епископа Тимофея, входили архиепископы Илларион и Палладий, а также епископы Савва (Советов) и Матфей (Семашко), которые находились за границей. В апреле 1947 г. митрополит Дионисий даже признал за Владыкой Саввой сан архиепископа.³⁶ С начала 1944 г. в Варшаве находился Георгий (Коренистов), в 1942 г рукоположенный во епископа Пинского. Владыка Георгий был членом епископата Украинской Автокефальной Православной Церкви. До 1948 г. он не был членом Собора епископов Польской Православной Церкви, так как Московский Патриархат подвергал сомнению каноничность его епископской хиротонии. Только лишь в результате следствия, проведенного Варшавской Духовной консисторией и определения каноничности его епископской хиротонии, епископ Георгий был назначен настоятелем православного прихода в Лодзи.³⁷

В отличие от государственных властей митрополит Дионисий не сомневался в своих полномочиях предстоятеля Варшавской митрополии и проводил широкую церковную деятельность. Вместе с епископом Тимофеем 30 ноября 1945 г. он составил письмо к правительству, в котором предлагал восстановление Факультета Православного Богословия в Варшавском Университете, а также восстановление военного капелланства. Постулаты митрополита были отвергнуты государственными властями. Невзирая на нехватку духовенства, Министерство Просвещения не видело необходимости в открытии Факультета Православного Богословия, а Министерство Военных Дел – в создании военного капелланства по причине незначительного числа верующих.³⁸ Аргументы властей не были убедительными, так как для более малочисленной группы протестантского населения было введено обучение богословия в Варшавском Университете, также военное капелланство было организовано для протестантов и верующих иудейской религии. На сегодняшний день трудно определить, насколько в решениях государственных властей определяющими были политические факторы и насколько – неблагоприятное отношение к самой личности митрополита Дионисия.

В создавшейся ситуации митрополит Дионисий был вынужден действовать согласно политике государственных властей. Православная Церковь присоединилась к деятельности Христианского Экуменического Совета, а её представитель, епископ Тимофей, на инаугурационном заседании 14 октября 1945 г. был избран одним из его вице-председателей.³⁹ Своё лояльное отношение к государственной власти митрополит Дионисий подтвердил специальным пастырским посланием в январе 1946 г., в котором призвал верующих подчиниться новым правовым формам, введённым при

регистрации рождения, заключения брака.⁴⁰ Митрополит многократно подтверждал свою поддержку нового политического и общественного порядка. Церкви, объединённые в Польском Экуменическом Совете, в том числе и Православная Церковь, призвали своих верующих голосовать три раза «за» на референдуме 1946 г. и принять происходящие в стране общественно-политические перемены.

В период значительных общественно-политических перемен в 1946 г. церковные власти начали организацию церковной структуры на западных землях Польши. Решением Архиерейского Собора от 5 июня 1946 г. была создана Православная администрация в западных регионах, имевшая для митрополита Дионисия административно-вспомогательный характер. Первоначально Православной администрацией заведовали священники Александр Климович из Варшавы и Вячеслав Рафальский из Торуня. В 1945 г. были открыты православные приходы в Пиле (настоятель – священник Леонид Бычук) и в Познани, в 1946 г. в Гданьске, Ольшине и Остроде (настоятель – священник Николай Баталин), в Гижицке (священник Анатолий Бондарь), Слупске (священник П. Веремчук), в Сопоте (священник Евгений Наумов), в Тчеве (священник С. Бегун), в Оленьей Горе (священник Евгений Лахотский), в Зелёной Горе (священники Николай Пронинский и Пётр Лопатко), во Вроцлаве (священники Е. Лахотский и Алексей Зноско) и в Щетине (священник Иоанн Игнатович).⁴¹ Вначале приходы создавались на основе переселенцев из Белосточины, Холмщины и Виленщины.

После Второй мировой войны на территории Вармии и Мазур проживали также и верующие Старообрядческой Церкви, у которых не было духовной иерархии. Наибольшее количество старообрядцев проживало в Войнове. В конце сороковых

годов старообрядческое сообщество насчитывало около 500 верующих. Наряду со старообрядческим приходом в Войнове с 1922 г. действовал православный приход, который 1 октября 1946 г. был подчинён Варшавской митрополии. Настоятелем прихода стал священник Александр Аваев.⁴²

В период с 1 мая по 16 августа 1947 г. из Лемковщины, Жешовского и Люблинского воеводств было выселено около 140 660 человек. Переселенцев вывезли в воеводства: Ольштинское – 55 651 человек, Кошалинское – 31 169 человек, Вроцлавское – 15 491 человек, Щетинское – 15 058 человек, Зелёногорское – 11 768 человек, Гданьское – 5 280 человек, Опольское – 2 542 человек, Познаньское – 1 437 человек и Белостокское – 995 человек.⁴³ Не все переселенцы были православного вероисповедания. Так, например, считается, что только 18 150 человек из поселённых в Ольштинском воеводстве принадлежали Православной Церкви. Из этого следует, что переселенцы православного вероисповедания преимущественно были вывезены в западные и северные регионы государства. Таким образом, приехавшее в эти регионы из СССР православное население пополнилось переселенцами из юго-восточной Польши.

После конфликтов с местной администрацией в 1947-1948 гг. органы государственной власти в конечном итоге дали согласие на деятельность уже существующих и создание новых приходов во Вроцлаве, Оленьей Горе, Стодоловицах (Студянках), Зимной Воде с филиалом в Михалове, Зелёной Горе, Кожухове, Легнице с филиалом в Яворе, Квидзыне, Пиле, Лобзе, Слупске, Валче, Щетине, Барлинке с филиалом в Долицах, Гданьске, Новом Дворе Гданьским, Ольшине, Браневе, Орнете, Гижицке, Мрангове, Горове Илаветским, Банях Мазурских, Прабутах, Бискупей Воле,

Сепополе и Элке. В 1949 г. были открыты новые приходы в Элбланге, Млынарах, Паслеке, Кетрине, Лидзбарке Варминском, в 1950 г. – в Венгореде и Прабутах.

Многие приходы создавались стихийно, без согласия органов государственной власти, что было результатом того, что в западные регионы прибывало православное население вместе с духовенством. Таким образом в западных регионах появились первые православные священники: Иоанн Левяж, Стефан Бегун, Димитрий Хылак, Михаил Попель, Николай Полещук, Ярослав Тычино, Николай Пронинский, Евгений Лахотский, Алексей Зноско, Виктор Масик, Пётр Веремчук, Иоанн Игнатович, Евгений Наумов, Николай Баталин, Анатолий Бондарь, Алексей Нестерович, Николай Костышин, Иосиф Кундеус и другие.⁴⁴

Трудно установить точную дату основания каждого прихода. Первые богослужения на новых местах совершались в частных домах, без согласия местной администрации. Таким образом, приходы действовали значительно раньше, нежели указывает дата официального открытия. Создание новых приходов в западных регионах затруднял тот факт, что большинство верующих на этих землях было украинской национальности, которую неблагоприятно принимало польское население. Государственная администрация видела в православном населении украинских националистов. В первоначальный период расселения переселенцев делалось проблематичным образование новых приходов. Часть населения отказывалась от религиозной жизни в Православной Церкви и скрывала своё вероисповедание. Идентификация с православием была препятствием для карьеры и интеграции в новой среде. Ситуация усугублялась нехваткой необходимого количества священнослужителей.⁴⁵ Негативное отношение к возникновению новых приходов демон-

стрировали местные власти в воеводствах Ольштинском и Гданьском.⁴⁶

Первоначально приходы в северных регионах Польши входили в состав поморского благочиния, принадлежащего Варшавской епархии, а также в состав ольштинского благочиния, которое было частью епархии «возвращённых земель». Депортация части православного населения из восточных регионов Польши, а также прибытие репатриантов с востока заставило Архиерейский Собор 15 июля 1946 г. начать создание новой епархиальной структуры. Архиерейский Собор ликвидировал Холмско-подляшскую и Краковско-лемковскую епархии, которые были присоединены к Варшавской епархии. Руководство Православной администрацией «возвращённых земель» 31 декабря 1946 г. было поручено епископу Вроцлавскому Георгию (Коренистову). Собор также создал Белостоцко-Бельскую епархию. 17 сентября 1947 г. Архиерейский Собор преобразовал администрацию в самостоятельную епархию «возвращённых земель». На территории этой епархии было создано три благочиния: вроцлавское, щетинское и ольштинское. Предстоятельство над Белостоцко-бельской епархией принял епископ Тимофей, а предстоятелем епархии «возвращённых земель» стал митрополит Дионисий⁴⁷. Создание самостоятельной епархии «возвращённых земель» было необходимо по причине возникновения на этих территориях всё большего количества приходов. Государственные власти признали совершённую епархиальную реорганизацию временной и несоответствующей требованиям Автокефальной Церкви.

Первоначально церковные власти не были в состоянии обеспечить духовенством все приходы. 24 июля 1947 г. был создан Православный Митрополичий Комитет помощи переселенцам на возвращённые земли. Во главе Комитета был

митрополит Дионисий, а его заместителем стал архиепископ Тимофей. Главная роль в этом Комитете принадлежала благочинным и настоятелям приходов на возвращённых землях. Задачей Комитета было определение места проживания православных переселенцев, организация для них материальной помощи и пастырской опеки. Комитет получил материальную помощь от Экуменического Совета,⁴⁸ а 29 декабря 1947 г. призвал верующих к оказанию помощи в создании новых приходов, доставке литургических предметов из оставленных храмов на Любелшине и Подкарпатье, а также в переезде духовенства в места проживания православных переселенцев, лишённых пастырской опеки. Немногочисленное духовенство не было в состоянии обеспечить удовлетворение духовных нужд верующих. Содержание новых приходов требовало от Церкви огромных финансовых усилий. Обещание материальной помощи со стороны правительства осталось в декларативной форме. Ссылаясь на декрет президента Речи Посполитой от 1938 г., государственная администрация создавала множество преград для открытия новых приходов. Одновременно государственные власти обвиняли православное духовенство в низкой активности в ведении миссионерской деятельности в среде униатов. Недостаточное число священнослужителей, отсутствие храмов, приходских домов и финансовых средств делали невозможным проведение более широкой миссионерской деятельности в среде прибывающих на Возвращённые Земли греко-католиков.

Первоначально государственные власти в своих решениях относились к Православной Церкви в Польше, как к автокефальной, и в отношении к ней применяли законодательные акты довоенного времени. Одновременно власти отдавали себе отчёт в факте непризнания довоенной автокефа-

лии Московским Патриархатом. Польские власти понимали, что декрет президента Речи Посполитой от 18 ноября 1938 г. не соответствует новым политическим условиям. Предлагалось признать довоенную автокефалию недействительной. Правовая и каноническая неурегулированность позволяли государственной власти руководствоваться в отношении Православной Церкви принципом признания в зависимости от актуальной общественно-политической ситуации. Такое положение позволяло властям не выполнять предложения митрополита Дионисия, касающиеся военного капелланства, восстановления Духовной семинарии, открытия новых приходов или строительства новых храмов.

Благоприятная для автокефалии ситуация наступила после разрыва 12 сентября 1945 г. властями ПКВН конкордата с Ватиканом. Несмотря на то, что разрыв конкордата не касался непосредственно Православной Церкви, он, однако, вводил принцип равноправия всех вероисповеданий. Посредственно этот факт имел большое значение в урегулировании канонических вопросов Церкви.

Независимость и самостоятельность Поместная Церковь, согласно каноническому праву, получает путём признания со стороны Матери – Церкви. Поместная Церковь, желая получить автокефалию, должна соответствовать определённым условиям: обладать как минимум четырьмя епархиями, тремя епископами и двумя монастырями: мужским и женским⁴⁹. Эти условия в первые послевоенные годы Православная Церковь в Польше не могла выполнить. Статус автокефалии имел существенное значение для Церкви и государства. Он подтверждал самостоятельность внутренней жизни Поместной Церкви, независимость иерархии от заграничных центров, а также позволял сохранить местные традиции и обряды, каноническое законодательство и суд. Го-

сударственным властям, в свою очередь, автокефалия Церкви давала возможность самостоятельного определения взаимоотношений с Православной Церковью, без вмешательства внешних факторов.

По вышеизложенным причинам осенью 1946 г. министр Юстиции Генрих Щвянтковски согласовал с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Георгием Карповым основы государственной политики по отношению к православию в Польше. Министр Генрих Щвянтковски подал правительству доклад «Вопрос о Православной Церкви в Польше», датированный 10 февраля 1947 года. В этом документе критиковалась предшествующая политика Министерства Публичной Администрации по отношению к Православной Церкви, а также обращалось внимание на политические причины необходимости автокефалии: «Польское государство, как государство независимое, имеет полное право автокефалии для своей Православной Церкви. Подвергать сомнению автокефалию равнозначно подвергать сомнению независимость страны. (...) Если Православная Церковь в Польше не хочет внутренней анархии (раскола), то она должна при поддержке польского правительства получить (или подтвердить довоенную) автокефалию, что может произойти исключительно при помощи хороших взаимоотношений польского правительства с Московским Патриархом и достижения с ним полного взаимопонимания. Тут должны быть взяты во внимание и полностью уважаемы каноны Православной Церкви, в противном случае они не будут признаваться духовенством и православным населением». В документе был план достижения автокефалии. Первым пунктом этого плана было отстранение от предстоятельства митрополита Дионисия: «Не может быть и речи о договорённости с Московским Патриархом, а, следовательно, и об ав-

токефалии, пока во главе Польской Церкви стоит митрополит Дионисий, оставление которого на занимаемой должности является вызовом Московскому Патриарху». Предлагаемый министром Щвянтковским план предполагал начать переговоры с Патриархом Московским по вопросу автокефалии при помощи представителя Польской Православной Церкви епископа Тимофея. Следующим шагом был бы созыв Поместного Собора Польской Православной Церкви, который выбрал бы нового предстоятеля Церкви в Польше и принял бы новый Устав⁵⁰.

Вопреки мнению властей митрополит Дионисий предпринял попытку нормализации отношений с Московским Патриархатом. Уже 20 мая 1945 митрополит, как глава автокефальной Церкви, послал поздравительное письмо Патриарху Московскому. В ответном письме Патриарх Алексей попросил митрополита Дионисия объяснить канонические основания автокефалии Польской Православной Церкви и указать каноны, на основании которых Патриарх Григорий VII даровал Польской Церкви автокефалию. Патриарх Алексей призвал признать существующую автокефалию неканонической⁵¹. Митрополит в 1947 г. послал Алексею два письма, в которых попросил Патриарха пояснить канонический статус Польской Православной Церкви, которые остались без ответа. Не завершился успехом запланированный на середину октября 1946 г. визит митр. Дионисия в Москву. Сейчас трудно однозначно утверждать, дошли ли письма митрополита до адресата и мог ли Московский Патриархат самостоятельно разрешить проблему автокефалии Православной Церкви в Польше.

26 марта 1947 г. митрополит Дионисий был вызван в Министерство Администрации Публичной, где ему было предложено добровольно сложить свои полномочия.

Митрополит решительно отверг предложение министерства, аргументируя своё решение отсутствием канонической основы для такого шага. Митрополит Дионисий получил поддержку со стороны Варшавской Духовной консистории. Отсутствие иных возможностей отстранения митрополита заставило власти ожидать удобного предложения для реализации своих планов.

В 1947 г. митрополит Дионисий принял очередную попытку нормализации отношений с государственными властями, декларируя свою поддержку политической линии правительства. На заседании Архиерейского Собора 10 сентября 1947 г. церковное руководство приняло декларацию сотрудничества с государственными органами власти «для блага Церкви и страны». Епископы высказались за равноправие религий, толерантность и преподавание религии в школах.⁵² В честь годовщины освобождения Польши и праздника 22 июля митрополит в своих посланиях к верующим декларировал свою лояльность к государственной власти и обращал внимание на значение и большую роль Манифеста ПКВН.⁵³

Декларации лояльности к государственной власти не изменили негативного отношения правительства к митрополиту Дионисию. Продолжающийся с момента окончания войны конфликт между митрополитом и польским правительством осложнял положение Православной Церкви. Письма митрополита по вопросам открытия семинарии, создания военного капелланства, церковных издательств и нового административного деления структур Церкви были либо отвергнуты, либо оставались без ответа.

Лишь только преподавание православного вероисповедания в школах в первые послевоенные годы осуществлялось так же, как в случаях других вероисповеданий. До 1956 г. преподавание религии в начальных

и средних школах было предметом обязательным. Кроме Белосточины обучение молодёжи основам православной веры осуществлялось в нескольких школах на Подкарпатье (1945–1947 гг.), Любельщине, в Варшаве, Быдгости и Лодзи. После переселения и миграции населения православная религия преподавалась также в нескольких школах на возвращённых землях.

В сложившейся ситуации митрополит Дионисий решил действовать без согласия органов государственной власти. Ещё в 1947 г. была восстановлена Пенсионная касса православного духовенства как внутрицерковный институт, действующий на основе распоряжений церковных властей.⁵⁴ Митрополит потребовал возвращения Церкви Синодальной типографии, которая осенью 1944 г. была вывезена в Люблин и отдана кооперативу «Читатель». На основании решения Окружного Суда в Люблине часть типографского имущества в 1947 году была возвращена Варшавской консистории. Уже в 1946 г. начал издаваться «Православный Календарь». Митрополит Дионисий также принял решение об издательстве официального печатного органа Церкви – ежемесячника «Известия Православной Митрополии в Польше». В 1947–1948 гг. было издано несколько соединённых номеров журнала на польском языке⁵⁵. 1 января 1948 г. митрополит подписал распоряжение о создании при митрополичьей кафедре частного Института Православного Богословия. Митрополит Дионисий потребовал у Министерства Публичной Администрации вернуть Церкви занятое в 1944 г. церковное здание на улице Кирилла и Мефодия в Варшаве. Это здание предполагалось использовать для нужд Института.

Следующим шагом митрополита был созыв 13 февраля 1948 г. архиерейского Собора (в составе митрополита Дионисия и епископа Тимофея), который утвердил

новое епархиальное деление. Из состава белостоцкой епархии были изъяты и включены в варшавскую епархию приходы Бельского повета. В состав Белостоцкой епархии вошло Ольштинское воеводство. Варшавская епархия охватила Варшавское, Люблинское, Жешовское, Поморское, Познаньское, Гданьское и Щетинское воеводства и Бельский повет в Белостоцком воеводстве. В состав Белостоцкой епархии вошли приходы Белостоцкого воеводства без приходов Бельского повета и Ольштинского воеводства. Была создана Лодзинская епархия, охватывающая Лодзинское, Келецкое, Краковское, Шлонское, и Вроцлавское воеводства.⁵⁶ Изменения епархиальных границ были продиктованы необходимостью, связанной с расселением православных верующих и образованием новых приходов после миграций, репатриации и принудительного переселения украинцев и лемков.

Несмотря на то, что территориальные изменения в границах епархий были согласованы с органами государственной власти, они не были осуществлены. 25 февраля 1948 г. митрополит Дионисий был арестован по обвинению в нарушении президентского декрета от 18 ноября 1938 г. Власти постановили, что митрополит нарушил присягу на верность Речи Посполитой и принес декларацию верности представителю оккупационных властей. Более того, митрополит Дионисий был обвинён в том, что во время войны без согласия польского правительства назначал новых епископов, создавал новые епархии, признал архиепископский сан за Владыкой Саввой, а также согласился с решением оккупационных властей вывезти часть польского населения на работы в Германию. Действия митрополита были признаны вредными для автокефалии Польской Православной Церкви и Польского государства.

Согласно статьям 17 и 19 вышеупомянутого декрета назначение на митрополичью

кафедру происходило с согласия президента Польши. В возникшей ситуации в ответ на запрос Совета Министров президент КРН Болеслав Берут отозвал данное митрополиту Дионисию согласие на осуществление последним функций предстоятеля Польской Православной Церкви.⁵⁷ Предъявленные митрополиту Дионисию обвинения были преувеличены и не соответствовали истине. Митрополит Дионисий не стремился к принятию патриаршего сана и не действовал во вред православному населению.

Согласно государственному праву митрополит Дионисий перестал быть предстоятелем православной Церкви в Польше, однако по каноническим нормам продолжал и далее возглавлять митрополичью кафедру. Президент не обладал канонически-правовыми основаниями для отстранения митрополита. Эта проблема могла быть решена только путём назначения нового предстоятеля Церкви в Польше. Тем временем государственная власть, игнорируя каноническое право, решением министра Публичной администрации Эдварда Особки Моравского от 26 апреля 1948 г. создала Временную Управляющую Коллегию Польской Православной Церкви под председательством архиепископа Тимофея*.⁵⁸

* Еп. Тимофей (Георгий Шреттер –1901-1962) был выпускником Факультета Православного Богословия Варшавского Университета. В 1930 г. был рукоположен во священника в Почаевской Лавре, в 1934 г. стал военным капелланом, в 1938 г. – люблинским епископом, а с 1940 г. был викарием холмской епархии. В 1944 г. управлял холмской и белостоцкой епархией. В 1946 г. возглавил белостоцкую епархию и был удостоен сана архиепископа. С 21 мая 1948 г. управлял варшавской епархией и председательствовал во Временной Управляющей Коллегии, а с 12 ноября 1948 г. стал заместителем митрополита, одновременно оставаясь правящим епископом белостоцко-гданьской епархии. «Wiadomości PAKP», 2003, nr 5.

Кроме архиепископа Тимофея в состав Временной Управляющей Коллегии вошли: епископ Георгий (Коренистов) – настоятель Лодзинского прихода, священники Иоанн Коваленко – администратор Варшавской епархии, Евгений Наумов – настоятель гданьского прихода, Всеволод Лопухович – викарий митрополичьего собора, Михаил Кедров – администратор Яблочинского монастыря и Николай Серебрянников – представитель мирян. Задачей Временной Управляющей Коллегии было наблюдение за текущими делами Церкви и упорядочивание вопросов автокефалии.

В составе Временной Управляющей Коллегии обращала на себя внимание личность епископа Георгия (Коренистова), который только после выяснения своего канонического статуса 31 декабря 1947 г. вошёл в состав Архиерейского Собора Польской Православной Церкви.

Уже 30 апреля 1948 г. архиепископ Тимофей обратился к Патриарху Московскому Алексию с просьбой об аудиенции. При посредничестве польских и советских властей Патриарх Алексий в июне 1948 года принял делегацию Временной Управляющей Коллегии. Представители Временной Управляющей Коллегии отреклись от неканонической автокефалии, полученной от Константинопольского Патриарха Григория VII, а взамен получили благословение предстоятеля Русской Православной Церкви на самостоятельность Православной Церкви в Польше согласно с требованиями канонического права.

«Акт восстановления единства Польской Православной Церкви с Русской Православной Церковью и признания автокефалии» был принят Синодом Русской Православной Церкви 22 июня 1948 г.⁵⁹ Этот акт окончательно урегулировал канонический статус Православной Церкви в Польше. «Акт восстановления единства...» провозгласил, что митрополит

Дионисий «отлучён» от Польской Православной Церкви. В создавшейся ситуации митрополит Дионисий был вынужден отправить Патриарху Алексию письмо, в котором покаялся и попросил восстановить каноническое общение с Русской Православной Церковью. Синод Русской Православной Церкви принял митрополита Дионисия в каноническое общение и позволил ему сохранить сан митрополита, однако без титула «Блаженнейший», который принадлежит только предстоятелям Поместных православных Церквей. Митрополит Дионисий несколько раз пытался вновь стать предстоятелем Польской Православной Церкви, однако его попытки обращения к Временной Управляющей Коллегии заканчивались безрезультатно. Митрополиту Дионисию не помогла ни поддержка Константинопольского Патриарха Афинагора, ни польское правительство в эмиграции.⁶⁰

В июле 1948 г. делегация Временной Управляющей Коллегии участвовала в торжествах, посвящённых 500-летию юбилею автокефалии Русской Православной Церкви. Представители Польской Православной Церкви были с визитами у Грузинского и Болгарского Патриарха. Улучшению отношений между Польской Православной Церковью и Поместными Православными Церквями отчасти способствовали разногласия между Московским и Константинопольским Патриархатами по вопросу об акте автокефалии 1948 г.

Установление автокефалии требовало замещения митрополичьей кафедры. Необходимым условием автокефалии Поместной православной Церкви было наличие как минимум трёх правящих епископов. После признания автокефалии и принятия решения об отстранении митрополита Дионисия в Польше осталось только два правящих архиерея – архиепископ Тимофей

и епископ Георгий. Чтобы изменить такое положение в июне 1948 года, во время визита делегации Временной Управляющей Коллегии в Москву, с согласия правительства Польши, епископом Вроцлавским был хиротонисан администратор Яблочинского монастыря Михаил (Кедров). Теперь три правящие архиерея могли, согласно канонам, избрать нового Предстоятеля.

По мнению польских властей, «никто из правящих в то время епископов не обладал достаточной квалификацией, авторитетом в среде духовенства и верующих для принятия митрополичьей кафедры – Предстоятельства Польской Православной Церкви». Невзирая на то, что все епископы соблюдали лояльность к государственной власти, ни один из кандидатов не мог быть избран Собором на митрополичью кафедру. В сложившейся ситуации Департамент Вероисповеданий Министерства Публичной Администрации «решил не спешить с назначением на митрополичью кафедру, тем более, что нормальное функционирование церковной администрации не было нарушено, так как функции митрополита фактически выполнял архиепископ Тимофей, как формальный заместитель митрополита».⁶¹

После отстранения митрополита Дионисия 21 мая 1948 г. управление епархией Возвращённых Земель принял архиепископ Тимофей как заместитель митрополита, а с 12 ноября – епископ Георгий. На территории возвращённых земель 7 сентября была создана Вроцлавская епархия, а 12 ноября – Лодзинско-вроцлавская. В границах этой епархии остались вроцлавское и щетинское благочиния, а ольштинское благочиние вошло в состав Белостоцко-гданьской епархии. Времен-

ным администратором этой епархии стал епископ Георгий (Коренистов), его викарием – епископ Вроцлавский Михаил (Кедров)⁶². Вроцлавский епископ Михаил на постоянной основе находился в Белостоке и только иногда посещал приходы на Дольном Шлонске.

Во время декабрьского Архиерейского Собора была проведена очередная реорганизация границ и названий православных епархий. В состав Варшавско-бельской епархии вошли территории Варшавского и Люблинского воеводств и повята Бельск Подляшский (без приходов Пухлы, Трестянка и Рыболы). Белостоцко-гданьская епархия охватила территории Гданьского, Ольштинского и Белостоцкого (без повята Бельск Подляшский) воеводств. Лодзинско-вроцлавская епархия охватила территорию Краковского, Познаньского, Вроцлавского, Щетинского и Лодзинского воеводств. Это разделение соответствовало каноническим требованиям Поместной Церкви, однако невзирая на утверждение его государственными властями, не было осуществлено.⁶³ Реализация этого проекта была отложена до избрания нового митрополита.

Первый полный перечень православных приходов и духовенства, составленный после депортаций, переселений и кадровых изменений в отдельных епархиях был подготовлен в декабре 1948 г.. По этому перечню Варшавская епархия насчитывала 8 благочиния, 34 прихода и 32 священнослужителей, в Белостоцко-бельскую епархию входило 3 благочиния, 72 прихода и 70 священнослужителей, а в епархии Возвращённых Земель (Лодзинско-вроцлавской епархии) было 4 благочиния, 16 приходов и 14 священнослужителей.⁶⁴

Summary

The article reflects situation of the Orthodox Church in Poland after the World War II in Poland, when it found itself in a new socio-political situation. The number of parishes and clergy drastically decreased, monastic life had all but disappeared. Many Orthodox institutions were disassembled, about 90% of Church possessions was lost. The number of Orthodox believers was also decreased due to the expulsion of minorities from Poland to the Soviet Union. Intolerant and anti-Or-

thodox tendencies were increasing among the Polish populace. The state administration prevented the clergy from taking up their tasks. In consequence, the Orthodox people were deprived of pastoral attention. This policy was accompanied by the plundering of Orthodox property by the Latin clergy, private persons and state institutions. Article reflects all the mentioned aspects and emphasizing attention on process of reunion with Russian Orthodox church, been raised in 1948.

Reference list

- 1 Na temu situaciji pravoslavnoj Cerkvi v Polshe posle Vtoroj mirovoj vojni.: S. Markiewicz, Państwo i Kościół w okresie dwudziestolecia Polski Ludowej, Warszawa 1965; W. Mysłek, Polityka wyznaniowa Polski Ludowej, Warszawa 1970; тор же, Kierownictwo Kościoła rzymskokatolickiego wobec Polski Ludowej 1944-1969, Warszawa 1970; B. Kumor, Historia Kościoła, t. VIII, Lublin 2001; J. Langner, Nierzymskie związki wyznaniowe w PRL, Warszawa 1980; J. Kozłowski, J. Langner, T. Zagajewski, Atlas wyznań w Polsce, Kraków 1989; K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, Kraków 1996; tenże, Mniejszości religijne w Polsce 1945-1991, Kraków 1994; J. Żaryn, Dzieje Kościoła katolickiego w Polsce (1944-1989), Warszawa 2003; tenże, Kościół a władza w Polsce, Warszawa 1997.
- 2 K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 41-42; D. Sawicki, Kościół prawosławny w niepodległej Polsce, «Wiadomości PAKP» 1999, № 2.
- 3 «Kalendarz Prawosławny na rok 1947», Warszawa 1946, c. 3-4.
- 4 Prawosławne Archiwum Metropolitalne w Warszawie, сигн. RVI-3A 1314.
- 5 K. Kersten, Repatriacja ludności polskiej po II wojnie światowej, Wrocław 1992.
- 6 Repatriacja czy deportacja. Przesiedlenie Ukraińców z Polski do USRR 1944-1946. Dokumenty, pod red. E. Misiły, t. I, Warszawa 1996, t. II, Warszawa 1999; Przesiedlenia Polaków i Ukraińców 1944-1946, pod red. J. Tucholskiego i J. Szapowała, Warszawa – Kijów 2000; K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 115; S. Dudra, Kościół prawosławny na ziemiach zachodnich i północnych Polski po II wojnie światowej, Zielona Góra 2004, s. 89-94.
- 7 Prawosławne Archiwum Metropolitalne w Warszawie, sigн. RVI-3A 1314.
- 8 K. Urban, Z dziejów Kościoła prawosławnego na Dolnym Śląsku 1946-1956, Białystok 1998, s. 13-42; tenże, Z dziejów Kościoła prawosławnego na Łemkowszczyźnie w latach 1945-1947, «Cerkiewny Wiestnik», 1991, nr 7, s. 29-33.
- 9 Tamże, s. 30-31.
- 10 K. Urban, Z dziejów Kościoła prawosławnego na Dolnym Śląsku 1946-1956, s. 13-42; tenże, Z dziejów Kościoła prawosławnego na Łemkowszczyźnie w latach 1945-1947, «Cerkiewny Wiestnik», 1991, nr 9, s. 29-46; nr 11, s. 35-51; K. Pudło, Dzieje Łemków po drugiej wojnie światowej (zarys problematyki), [w:] Łemkowie w historii i kulturze Karpat, pod red. J. Czajkowskiego, cz. I, Rzeszów 1992, s. 354.
- 11 S. Dudra, Łemkowie. Przebieg wysiedleń z terenów Łemkowszczyzny, Głogów 1998, s. 54-55; tenże, Kościół prawosławny..., s. 95-113; E. Misiło, Deportacje, obóz w Jaworznie, «Tygodnik Powszechny» 1990, nr 10; K. Urban, Prześladowania duchowieństwa prawosławnego w Polsce po 1945 roku, «Cerkiewny Wiestnik» 1992, nr 4, s. 28-42; G. Kuprianowicz, Akcja «Wisła» a Kościół prawosławny, [w:] Akcja «Wisła», pod red. J. Pisulińskiego, Warszawa 2003.
- 12 Por.: E. Przybył, Prawosławie, Kraków 2000, s. 48.
- 13 K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 340-341.
- 14 Tamże, s. 158-160.
- 15 Dz. U. nr 59 z 1947 r., poz. 318.
- 16 Dz. U. nr 53 z 1949 r., poz. 404.

- 17 K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 338-339.
- 18 Tamże, s. 247-249.
- 19 AAN, Urząd ds. Wyznań, nr 131/391, k. 1.
- 20 Archiwum Państwowe w Białymstoku, Urząd Wojewody Białostockiego, sygn. nr 486.
- 21 Województwo Białostockie. Monografia geograficzno-społeczna, pod red. J. Kostrowickiego, Lublin 1967, s. 53-57; E. Mironowicz, Przesiedlenia ludności z Białorusi do Polski i z Polski do Białorusi w latach 1944-1946, «Białoruskie Zeszyty Historyczne», nr 19, 2003, s. 183-195.
- 22 Iwaniuk, Białoruska samoobrona na Białostoczczyźnie w latach 1944-1947, «Białoruskie Zeszyty Historyczne», nr 1 (3), 1995, s. 57-67; J. Miranowicz, Sytuacja bieloruska na Białostoczczyźnie w latach 1945-1956, tamże, s. 68-77.
- 23 E. Mironowicz, Białorusini w Polsce 1944-1949, Warszawa 1993, s. 179-180; Metody pracy operacyjnej aparatu bezpieczeństwa wobec Kościołów i związków wyznaniowych 1945-1989, pod red. A. Dziuroka, Warszawa 2004.
- 24 AAN, Ministerstwo Administracji Publicznej, nr 1049, k. 3.
- 25 AAN, Urząd ds. Wyznań, nr 131/391, k. 1, 9.
- 26 E. Mironowicz, Białorusini w Polsce, s. 171-174.
- 27 AAN, Ministerstwo Administracji Publicznej, sygn. 1048.
- 28 G. Sosna, Sprawy narodowościowe i wyznaniowe na Białostoczczyźnie, s. 18-19.
- 29 K. Urban, «Schizma białostocka». Z dziejów Kościoła prawosławnego na Białostoczczyźnie 1944-1956, «Białostocka» 1991, nr 2, s. 26-29; tenże, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 66; G. Sosna, Sprawy narodowościowe i wyznaniowe na Białostoczczyźnie, s. 29; E. Mironowicz, Białorusini w Polsce, s. 138, 153-155.
- 30 AAN, Ministerstwo Administracji Publicznej, sygn. 1048.
- 31 E. Mironowicz, Białorusini w Polsce, s. 162-169; D. Fionik, Ajciec Kanstancin Bajko – prefekt bielskich szkół, «Białoruskie Zeszyty Historyczne», nr 2, 1994, s. 115-122; K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 66.
- 32 Sprawozdanie miesięczne Wojewody Białostockiego z 15 maja 1946 r., por.: G. Sosna, Sprawy narodowościowe i wyznaniowe na Białostoczczyźnie, s. 31.
- 33 Archiwum Metropolii Prawosławnej, RVI-3A1314.
- 34 AAN, Ministerstwo Administracji Publicznej, nr 1042; E. Mironowicz, Białorusini w Polsce, s. 157; K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 68; S. Dudra, Kościół prawosławny..., s. 51.
- 35 E. Mironowicz, Białorusini w Polsce, s. 158; S. Dudra, Kościół prawosławny..., s. 52.
- 36 Arcybiskup Generali Brygady Sawa, aneks nr 27.
- 37 K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 206.
- 38 E. Mironowicz, Białorusini w Polsce, s. 158-159.
- 39 K. Urban, Tendencje ekumeniczno-łącznościowe w Polsce 1945-1990, «Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Studia Religioznawcze», z. 27, Kraków 1994, s. 112-113.
- 40 «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce», 1947, nr 3-12, s. 2-6.
- 41 «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce» 1947, nr 1-2, s. 7, 18-19; K. Pudło, Łemkowie. Proces wrastania w środowisko Dolnego Śląska 1947-1985, Wrocław 1987, s. 133-136; K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 142, 161-162; tenże, Mniejszości religijne w Polsce, s. 161; S. Dudra, Kościół prawosławny na Warmii i Mazurach po II wojnie światowej, «Cerkiewny Wiestnik», R. LII, nr 1, s. 52-53; tenże, Kościół prawosławny..., s. 113-120; A. Mironowicz, Katalog świątyń i duchowieństwa prawosławnej diecezji białostocko-gdańskiej, Białystok 1998, s. 94 i następn.
- 42 «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce» 1947, nr 3-12.
- 43 S. Dudra, Kościół prawosławny..., s. 118-119. Por. również prace: R. Drozd, Droga na zachód. Osadnictwo ludności ukraińskiej na ziemiach zachodnich i północnych Polski w ramach akcji «Wisła», Warszawa 1997, s. 14, załącznik 14; K. Pudło, Dzieje Łemków po drugiej wojnie światowej, s. 354-360; I. Hałagida, Ukraińcy na zachodnich i północnych ziemiach Polski 1947-1957, Warszawa 2002, s. 36.
- 44 K. Urban, Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970, s. 162-163; tenże, Z dziejów Kościoła prawosławnego na Dolnym Śląsku 1946-1956, s. 22-33; A. Kopiczko, Panorama wyznaniowa, [w:] Tożsamość kulturowa społeczeństwa Warmii i Mazur, Olsztyn 1998, s. 46-47; H. Paprocki, Polski Autokefaliczny Kościół Prawosławny w RP, [w:] Ekumeniczny leksykon Kościołów i wspólnot religijnych województwa warmińsko-mazurskiego, Olsztyn 1999; A. Mironowicz, Katalog świątyń i duchowieństwa prawosławnej diecezji białostocko-gdańskiej, Białystok 1998; R. Żerelik, Prawosławie na Dolnym Śląsku po II wojnie światowej, [w:] Śląski labirynt krajoznawczy, Wrocław 1994, s. 93-96; P. Gerent, Wierni wyznania prawosławnego na Dolnym Śląsku w świetle powojennych migracji ludności, «Zeszyty Naukowe Studenckiego Koła Ukrainoznawczego

- Uniwersytetu Wrocławskiego», z. 3, Wrocław 1996, s. 43-56.
- 45 M. Siwicki, *Dzieje konfliktów polsko-ukraińskich*, t. III, Warszawa 1994; I. Hałagida, *Ukraińcy na zachodnich i północnych ziemiach Polski 1947-1957*, Warszawa 2002; S. Dudra, *Kościół prawosławny...*, s. 7.
- 46 Por.: Pismo Przewodniczącego Kolegium Rządzącego abp. Tymoteusza do Ministra Administracji Publicznej z 25 maja 1949 r. AAN, Urząd ds. Wyznań, sygn. 5b/4.
- 47 «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce», 1947, nr 3-12, s. 11-12; AAN, Ministerstwo Administracji Publicznej, sygn. 1042.
- 48 K. Urban, *Z dziejów Kościoła prawosławnego na Dolnym Śląsku 1946-1956*, s. 21; tenże, *Tendencje ekumeniczno-łącznościowe w Polsce 1945-1990*, s. 105-140.
- 49 A. Łotocki, *Autokefalia. Zasady autokefalii*, Warszawa 1932, s. 133-135; M. Zyzkin, *Autokefalia i zasady jej zastosowania*, Warszawa 1931, s. 6-58.
- 50 AAN, Urząd ds. Wyznań, sygn. 131/391, k. 3-4; K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, s. 69; E. Mironowicz, *Białorusini w Polsce*, s. 160; S. Dudra, *Kościół prawosławny...*, s. 53.
- 51 K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, s. 70.
- 52 *Prawosławne Archiwum Metropolitalne w Warszawie*, sygn. RVI-3D 1923; K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, s. 334.
- 53 «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce», 1947, nr 3-12, s. 9.
- 54 «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce», 1947, nr 1-2, s. 23.
- 55 *Prawosławne Archiwum Metropolitalne w Warszawie*, sygn. 1795; L. Utrutko, *Działalność wydawnicza metropolii warszawskiej w latach powojennych*, [w:] *Prawosławne oficyny wydawnicze w Rzeczypospolitej*, pod red. A. Mironowicza, U. Pawluczuk i P. Chomika, Białystok 2004, s. 234-236.
- 56 AAN, Ministerstwo Administracji Publicznej, nr-y 1042 i 1045; K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, s. 152-153.
- 57 Zarządzenie prezydenta RP z 17 kwietnia 1948 r., «Monitor Polski», nr 38, poz. 154; E. Mironowicz, *Białorusini w Polsce*, s. 161; K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, s. 71-73; tenże, *Przyczynek do losów metropolity Dionizego Waledyńskiego po drugiej wojnie światowej*, «Wiadomości PAKP», 1990, nr 4, s. 31-44; A. Malesza, *Karta z dziejów prawosławia na ziemiach polskich. Metropolita Dionizy w latach 1939-1948*, «Wiadomości PAKP» 1989, nr 4, s. 71-73; S. Dudra, *Kościół prawosławny...*, s. 54.
- 58 Zarządzenie ministra administracji publicznej z 26 kwietnia 1948 r., «Monitor Polski», nr 45, poz. 229; «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce» 1948, nr 1-5.
- 59 AAN, Ministerstwo Administracji Publicznej, nr 1043; «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce» 1948, nr 6-12, s. 3-4.
- 60 K. Urban, *Kościół prawosławny w Polsce 1945-1970*, s. 80-81; tenże, *Kościół prawosławny w Polsce. Sprawa autokefalii – 1948 roku*, «Cerkiewny Wiestnik» 1993, nr 1.
- 61 AAN, Urząd ds. Wyznań, nr 131/391, k. 11.
- 62 AAN, Ministerstwo Administracji Publicznej, sygn. 1043; «Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce», 1948, nr 6-12, s. 3-4.
- 63 «Kalendarz Prawosławny na rok 1950», s. 42-45.
- 64 *Prawosławne Archiwum Metropolitalne w Warszawie*, sygn. RVI-3A 1314.

Регина Лаукайтите (Литва)
Regina Laukaityte (Lithuania)

Православные монастыри в Литве: советский период истории

Orthodox Monasteries in Lithuania during the Soviet Period (1944-1990)

Статья анализирует политику советского правительства по отношению к православным монастырям в Литовской ССР с 1944 по 1990 гг. В советский период на территории ЛССР постоянно действовали три православных монастыря: монастыри Святого Духа и Марии Магдалены в Вильнюсе, а также община в Микнишках. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация – на территории небольшой республики сохранились сразу три монастыря, несмотря на то, что во всем Советском Союзе монастырей почти не осталось. Наиболее значимым из монастырей, находящихся в ЛССР, являлся монастырь Святого Духа – важнейший духовный центр Прибалтики и популярный объект паломничества. Правительство ЛССР не только не скрывало антипатии по отношению к деятельности монастыря в столице республики, но и старалось его ликвидировать или, по крайней мере, перенести его за пределы Вильнюса. Целью статьи является анализ условий, способствовавших успешной деятельности монастырей в советской Литве, а также оценка отношения всесоюзного и республиканского правительств к данной проблеме.

Когда в 1944 г. Литва после 20-летней независимости снова оказалась в политическом пространстве России, существовало множество различий социального, экономического и культурного уклада жизни. На их скорейшее нивелирование были брошены все силы. В русле церковной политики, как и в предыдущее столетие, власти моделировали схему уменьшения чрезмерного влияния нелояльной Католической

Церкви (на ее епископат и духовенство, монастыри и религиозные организации обрушились основные репрессии), пытаясь заполнить образовавшееся пространство более приемлемой и управляемой религией. Позитивное, без всякого сомнения, послевоенное восстановление структуры, жизненных функций Православной Церкви в Советском Союзе имело одни цели, в оккупированной Литве – другие.

Здесь власти в первые послевоенные годы старались укрепить позиции православия, но в обмен на это руководители епархии призывались немедленно начать борьбу с «реакционным» католицизмом.

До начала антирелигиозной кампании, инициированной Никитой Хрущевым в конце 50-ых гг., православная епархия Литвы не испытала больших преследований. Напротив, в целях укрепления ее структуры и престижа в первые послевоенные годы в Вильнюс были возвращены мощи православных святых, были восстановлены и отремонтированы пострадавшие от военных действий церкви, вопреки протестам Совета Министров Литовской ССР и ЦК КП Литвы начала свою работу Духовная семинария. Более того, предполагалось создание православного миссионерского братства (по образцу тех, которые должны были бороться с униатством на Украине), введение богослужения на литовском языке (такого опыта в православной епархии Литвы еще не было), передача православным нескольких католических костелов¹. На первый взгляд, в таком контексте антикатолической религиозной политики продолжение деятельности православных монастырей не кажется парадоксом, однако в советские годы они пережили и очень трудные времена.

Цель данной работы – анализ политики представителей власти союзных и местных ведомств по отношению к православным монастырям и, тем самым, ответ на вопрос – кто уберег их от уничтожения (имея в виду, что все многочисленные католические монастыри Литвы в 1948–1949 гг. были закрыты)? Исследование опирается на материалы архивных хранилищ Литвы. Историю православных монастырей периода 1944–1990 гг. автор статьи обобщала в книге *Православная Церковь в Литве в XX веке*, ее касались в своих работах Герман Шлевис и Алексей Шалчюнас².

* * *

Опыт легального существования в условиях советского режима в Литве было суждено приобрести только монахам Свято–Духова* и монахиням Марии–Магдалинского** монастырей Вильнюса, а также членам исключительной в своем роде монашеской общины, продолжавшей свою деятельность в селе Микнишкес (Михново). Все другие немногочисленные православные обители опустели еще в начале Первой мировой войны, когда их насельники эвакуировались вглубь России и с окончанием войны не вернулись (2–х мужских монастырей, действовавших в Сурдегисе и Пажайслисе, и женского монастыря в Анталепте).

* Свято–Духов мужской монастырь основан около 1609 г., когда были закрыты все православные церкви Вильнюса, монастырь Пресв. Троицы был передан базилианцам. При нем действовали типография, школа, приют. В 1865 г. при монастыре учреждено Свято–Духово братство, имеющее большие заслуги в деле расширения сети церквей и влияния православия.

** Марииинский монастырь был открыт по инициативе Вильнюсского генерал–губернатора Михаила Муравьева в 1865 г. Монахини «выписаны» из Московского монастыря Св. Алексея, поселены в закрытом католическом монастыре конгрегации сестер Посещения пресвятой Девы Марии (визиток). При монастыре была мастерская икон, приют для девочек со школой. Осенью 1915 г. 114 сестер с приютскими девочками были эвакуированы в Петроградскую епархию. В середине 1918 г. около 20 из них вернулись в Вильнюс. Вскоре польское правительство возвратило собственность визиткам, и православные монахини нашли приют возле церкви Пресв. Троицы. В 1937 г. православная епархия передала им церковь Св. Александра Невского, в корпусах которого (в бывшей школе) обитель действовала до 1960 г., позже – в одном из корпусов Свято–Духова монастыря, пока в 2015 г. вернулись в свою обитель при церкви Св. Александра Невского.

В Советском Союзе все православные монастыри были уничтожены еще к 1938 г.

Однако после Второй мировой войны пришлось вернуться к проблеме их существования и легализации, так как немецкие власти на оккупированной ими территории открыли около 40 обителей, еще 64 издавна действовали в регионе, ставшем в 1939–1940 гг. частью СССР – в республиках Прибалтики, на Западной Украине и Западной Белоруссии³.

В послевоенные годы, в связи с пересмотром многолетней антирелигиозной политики КПСС, Русская Православная Церковь *de facto* получила права юридического лица и смогла восстановить часть уничтоженной в 20–30-ые гг. структуры – патриаршество, сеть приходов и пр. Правительственными постановлениями, правда, секретными, были созданы благоприятные условия и для православных монастырей. Например, согласно постановлению СНК СССР от 22 августа 1945 г. приходы и монастыри получили ограниченные права юридического лица, им было разрешено покупать транспортные средства, производить и продавать принадлежности культа, арендовать, строить и покупать дома для церковных нужд⁴. Постановлением СНК СССР от 29 августа того же года монастыри были освобождены от уплаты аренды за постройки и землю.

Постановлением СМ СССР от 29 мая 1946 г. «О православных монастырях» им должна была быть возвращена ранее отнятая земля, с их территорий переводились нецерковные учреждения и предприятия. В качестве компенсации земли, перешедшей в собственность колхозов, им должно было быть выделено из государственного фонда не менее 0,15 га на каждого инока.⁵

Православные монастыри Вильнюса (в 1945 г. в Св.–Духовом мужском монастыре было 11 иноков, в Марии–Магдалинском – 26 инокинь⁶) в послевоенные годы

вскоре восстановили свою деятельность, чему содействовал в январе 1945 г. посланный в Вильнюс уполномоченный Совета по делам Русской православной Церкви при Совете Министров СССР по Литовской ССР (СДРПЦ). В его ведении состояло всего 44 православных прихода, а в компетенции его коллеги – уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Литовской ССР (СДРК) – были дела всех остальных Церквей Литвы.

Для Св.–Духова монастыря особенно значимым было восстановление статуса святого места – возвращение из Москвы мощей святых мучеников Иоанна, Антония и Евстафия. Мощи святых там находились в эвакуации с 1915 г., позднее они были осквернены большевиками и выставлены как экспонаты в музеях, как и реликвии других святых. Интересно, что в 20–30-ые гг. МИД Литвы и митрополит Елевферий (Богоявленский) постоянно добивались возвращения мощей в Литву, однако тщетно. Только после войны они в порядке исключения были возвращены в Вильнюсский монастырь. Об этом просил местный архиерей, однако и уполномоченный СДРПЦ Андрей Линева с самого начала своей работы в Вильнюсе призывал свое руководство в Москве восстановить святое место. По его мнению, это должно было сыграть «положительную роль в ведении пропаганды против католицизма»⁷. 26 июля 1946 г. мощи были с большими почестями возвращены в церковь Св. Духа. С возрождением культа мощей святых мучеников монастырь ожил, в него начали съезжаться паломники со всех концов СССР. С каждым годом росли доходы монастыря: верующие, просящие о молитве монахов, посылали денежные переводы, посылки. Монахи же вели обширную переписку, высылали фотографии – маленькие иконы реликвий.

Церковь Св. Духа г. Вильнюса.
Фотография Витаса Лаукайтиса, 2014

Пострадавшие во время военных действий монастырские постройки в Вильнюсе быстро были отремонтированы или же восстановлены. Уже весной 1945 г. Государственная плановая комиссия удовлетворила требования уполномоченного А. Линева и выделила стройматериалы для ремонта обоих монастырей⁸. При поддержке Московской Патриархии и на пожертвования верующих в 1947 г. был закончен ремонт церкви Св. Духа, колокольни и жилых корпусов мужского монастыря⁹.

Церковь женского монастыря (Св. Александра Невского) пришлось восстановить из руин – она вместе с монастырскими постройками сгорела во время авианалета 10 июля 1944 г. Благодаря поддержке Патриархии, монахини начали восстановление зданий, и осенью 1951 г. архиепископ Фо-

тий (Топиро) смог совершить обряд торжественного освящения церкви, а в 1953–1955 гг. было воздвигнуто новое двухэтажное здание женской обители¹⁰.

В отличие от католических монастырей, которые намеренно были лишены возможности регистрации собственных общин и костелов (т.е. основы легального существования в советском государстве), весной 1948 г. обе православные обители Вильнюса со своими церквями были зарегистрированы. Следует отметить, что первые разделы их уставов, утвержденные архиепископом Корнилием (Поповым) в 1945 г., обязывали монахов и монахинь молиться за советскую власть¹¹. Обители в течение некоторого времени пользовались недвижимым имуществом: мужской монастырь – несколькими жилыми домами, женский – земельным участком

в 5861,60 кв. м., хозяйственными постройками при церкви Св. Александра Невского и хозяйством в 22,48 га с жилыми и хозяйственными постройками, огородами, садом, скотом в Неменчинской волости¹².

Местные власти Литвы сначала не собирались делать для православных никаких исключений в вопросе национализации церковной собственности, обложения налогами и пр. Дело в том, что не только руководители горкомов и райкомов КП Литвы, исполкомов, но и члены ЦК КП(б) Литвы, даже уполномоченный СДРК Бронюс Пушинис не были ознакомлены с секретными постановлениями союзного правительства относительно Православной Церкви. Поэтому первая реальная угроза существованию православных монастырей появилась в 1948–1949 гг. из-за недоразумений.

Дискриминация духовенства всех конфессий и верующих могла иметь единственное оправдание: с ликвидацией пережитков капитализма исчезала социальная база религии, в социалистическом обществе она сама «отмирала». Однако для пропагандистского обоснования «мировоззренческой революции» в советской Литве мешали все более заметные привилегии Православной Церкви. Когда уполномоченный СДРК Б. Пушинис большевистскими темпами уничтожал структуру всех других ему «подведомственных» Церквей, Православная Церковь стояла в стороне.

С закрытием в Вильнюсе около 30 костелов и выдворением всех жителей монастырей, руководители города все чаще выражали недовольство наличием прежней сети открытых церквей, особенно в Старом городе советской столицы, существованием православных монастырей. Однако первые их посягательства на эти обители потерпели неудачу: во время кампании по ликвидации католических монастырей в 1948 г. у уполномоченного СДРПЦ по Литовской ССР Василия Гущина были другие инструкции. В ответ на настойчивые требования местных чиновников закрыть хотя бы несколько церквей в Вильнюсе, выселить из столицы монастыри, ему были даны указания принять «немедленно меры через СМ к недопущению этих действий, проследив за точным выполнением указаний Совета по этому вопросу»¹³. Такая политика союзного правительства оказалась кратковременной, но помогла православной епархии без потерь пережить решающий самый разрушительный период советизации Литвы.

Однако такая политика не могла не вызвать возмущения руководителей г. Вильнюса, обратившихся к уполномоченному СДРК Б. Пушинису, который в это же время уничтожал структуру Католической Церкви: закрыл не только монастыри, но 3 из 4 духовных семинарий, объединял епар-

хии, закрывал костелы и молитвенные дома всех конфессий, инициировал репрессии против нелояльного духовенства и др. Летом 1949 г., воспользовавшись тем, что уполномоченный СДРПЦ В. Гущин был в отпуске, а его заместитель – в командировке, Б. Пушинис осмотрел православный мужской монастырь и уже хотел было начать процедуру национализации зданий. Однако вспыхнул скандал: секретарь В. Гущина не дала В. Пушинису никаких документов и обжаловала его действия председателю СДРПЦ при СМ СССР Георгию Карпову.¹⁴ Б. Пушинис вынужден был объяснить, что у него не было намерений закрыть монастырь. Все же о том, что 15 монахов бесплатно пользуются пятью жилыми домами, садом и церковью он сообщил высшему литовскому руководству и в СДРК. «Правы верующие католики, говоря, что «большевики» в ущерб государству и рабочему классу покровительствуют православной церкви: от столь разительных фактов никуда не уйдешь», – писал Б. Пушинис, не понимая особенностей положения в Литве Православной Церкви.

Своим дерзким поведением он сумел обострить проблему привилегий Православной Церкви в Литве. Ими заинтересовался ЦК КП(б) Литвы, вследствие чего было констатировано, что ответственные за национализацию, налоги, инвентаризацию церковных ценностей лица из Ленинского райисполкома, из Инвентаризационного бюро и сам уполномоченный В. Гущин (правда, по неподтвержденным данным) являются частыми гостями на приемах в резиденции архиепископа.¹⁵

Начавшееся расследование ничего хорошего монастырю не сулило. Горисполком Вильнюса постановлениями от 2 и 8 сентября 1949 г. принялся немедленно взывать земельную ренту, налоги за строения и жилплощадь, наказывать виновных лиц. Однако вскоре, в результате протеста

Царские врата в церкви
Св. Александра Невского.
Фотография Витаса Лаукайтиса, 2016

уполномоченного В. Гуцина, председатель горисполкома Вильнюса Пятрас Каряцкас был ознакомлен с ранее упомянутым секретным постановлением Совета Министров СССР, согласно которому православные монастыри могли пользоваться бесплатно постройками и землей, поэтому вынужден был инициировать изменение прежних постановлений горисполкома. 2 декабря 1949 г. монастырю были переданы четыре дома с земельным участком¹⁶. Пятый дом под нажимом уполномоченного архиепископа был вынужден передать в ведение домоуправления. В него вселили жителей, монастырю пришлось делить с ними общий двор.

Внимание к положению православных монастырей не обошла стороной и жен-

ской обители, обосновавшейся в отдалении от центра города. В начале 1950 г. она лишилась упомянутого хозяйства недалеко от Вильнюса, которое обеспечивало монастырь продуктами (земельный участок с постройками волисполком Неменчине передал колхозу).¹⁷

* * *

Впоследствии около десяти лет православные монастыри в Вильнюсе существовали относительно спокойно. Получая весомые дотации от Патриархии, они, особенно женский, заметно окрепли. Уполномоченный В. Гуцин успешно защищал обители от обременительных налогов, от покушения местных властей на монастырское недвижимое имущество (например, благодаря его усилиям инокиням был возвращен участок земли возле обители, который в 1952 г. был отдан под огороды горожан).

Не без участия уполномоченного в 1953 г. игуменья Нина (Баташова)* выхлопота-

* Варвара Баташова (родилась в 1873 г. в Калужской губернии, умерла в 1968 г. в Вильнюсе), в 1921–1968 гг. руководила Вильнюским Маринским монастырем. Стала монахиней в 15 лет; с 1900 г. – в Вильнюском монастыре. В 1915 г. она эвакуировалась в Вохоновский Маринский монастырь (в Петербургской епархии), там приняла монашеский постриг, в 1918 г. добилась разрешения патриарха Тихона вернуться в Вильнюс. В 1921 г. Св. Синодом Московской патриархии возведена в игуменьи и назначена настоятельницей монастыря. Несколько раз закладывала фундамент монастыря: в 1918 г. в стенах закрытого католического монастыря сестер визиток, а после его потери – при церквях Пресв. Троицы и Св. Александра Невского. После войны из развалин подняла церковь Св. Александра Невского, монастырские здания, позже оберегала общину от нападок советских чиновников и спецслужб, пытавшихся рассеять недоверие и склоки среди сестер. Семь из воспитанных настоятельницей Ниной сестер были назначены игуменьями других женских монастырей.

ла у властей разрешение на расширение монастыря – на постройку двухэтажного жилого дома. Патриархия для этой цели выделила 267 тыс. рублей.

Строительство началось в неблагоприятное время: СМ Литовской ССР в этом году отказался выделять из государственных фондов стройматериалы на ремонт церквей. Возведя фундамент, строительство пришлось приостановить. Однако уполномоченный В. Гуцин решил эту проблему. Вероятно, Совету Министров он предъявил те самые аргументы, которые изложил в своем отчете Совету ДРПЦ, а именно, что «жилой дом, который они строят с общежитием и столовой в будущем будет хорошим детским интернатом»¹⁸. В конце 1955 г. это здание было построено. Вскоре также были сооружены прачечная с баней, новые хозпостройки, монастырь был обнесен каменной стеной. В 1957–1959 гг. неподалеку от монастыря был построен еще один двухэтажный дом – квартира для священника и гостиница для паломников. По подсчетам уполномоченного, в 1945–1960 гг. женский монастырь получил из Патриархии на капитальное строительство 1 158 804 руб.¹⁹ Большинство строительных работ было выполнено руками самих монахинь.

В Св.–Духовом мужском монастыре до начала 60-ых гг. тоже были улучшены бытовые условия: оборудована новая кухня, проведен водопровод, канализация, построена баня, гараж. В 1952 г. был закончен капитальный ремонт церкви и монастыря, а в 1961 г. церковь была утеплена.

При наличии удобных монастырей епархиальная власть заботилась о росте числа насельников. Новых членов регистрировал уполномоченный СДРПЦ, ознакомившись с биографиями кандидатов и собиравший по своим каналам сведения о них. Кандидатуры ранее судимых, окончивших высшие учебные заведения, тех, у

кого в семье были члены КПСС, отклонялись. В монастыри Вильнюса в 1946–1961 гг. поступили 6 мужчин, в 1944–1959 гг. – 9 женщин.²⁰

* * *

Сравнительно стабильная жизнь православных монастырей в Литве закончилась в 1958 г., когда 16 октября СМ СССР принял постановление № 1159 «О монастырях в СССР». Им отменялись льготы на налоги, запрещалось применение наемного труда, и, самое главное, – Советы Министров союзных республик были обязаны в 6-месячный срок изучить возможности сокращения количества монастырей.²¹

Это было начало огромной кампании против монастырей: в течение нескольких лет в Советском Союзе были закрыты десятки монастырей, особенно много на Украине, в Молдавии. Церковь лишилась старинных духовных центров. Из 90 обителей, действовавших в Советском Союзе в середине 50-ых годов, через десять лет осталось только 18²² (в европейской части России только один, неподалеку от Москвы, возвращенный Патриархии в 1945 г., в Сибири – ни одного; все остальные монастыри действовали на западной окраине СССР, оккупированной в итоге Второй мировой войны). Большинство из них были ликвидированы насильственным выселением монахов.

Постановление подтолкнуло власти советской Литвы обложить монастыри налогами и закрыть женский монастырь с его церковью²³. Необходимость ликвидации монастыря секретариат ЦК КПЛ мотивировал большой диспропорцией католических костелов и православных церквей: в Вильнюсе действовали два православных монастыря и 11 церквей, а в десятки раз более многочисленная католическая община располагала всего лишь 10 костела-

ми. К тому же подчёркивалось, что «весь контингент монахинь – пришлый»²⁴ (15 из них прибыли из России, 9 – из Белоруссии, 3 – из Украины).

Согласно постановлению СМ Литовской ССР горисполком Вильнюса был обязан помочь монахиням переселиться в другие монастыри, трудоустроить и обеспечить жилплощадью тех, кто захочет остаться в Литве; совместно с министерством соцобеспечения переселить в дома престарелых и дома инвалидов нетрудоспособных сестер и не желающих переезжать в другие монастыри; в течение 10 дней представить Совету Министров предложения по использованию земли и зданий монастыря. Уполномоченному СДРПЦ было поручено снять с учета монастырскую церковь.²⁵

Прошло более года, пока власти решились взяться за выполнение этого постановления. Для монахинь это был период отчаянных попыток сохранить свою обитель. Наставница игуменьи Нина напрасно пыталась заручиться защитой архиепископа Литовского Романа (Танга) и Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского). За монахинь заступились прихожане, направившие прошения председателю СМ СССР Н. Хрущеву, председателю президиума Верховного Совета Литовской ССР Юстасу Палецкису и председателю президиума Верховного Совета СССР Леониду Брежневу.²⁶

Дату закрытия обители откладывали, не зная, как поступить с монахинями. Они не расходились, игнорировали напоминания о трудоустройстве, о расселении по домам для престарелых. Сначала власти хотели часть монахинь поселить в Пюхтицком (Куремяе) монастыре, однако этого не одобрили СМ Эстонской ССР и ЦК КПЭ (т. к. его собирались также ликвидировать). Не зная, за что хвататься, уполномоченный СДРПЦ по Литовской ССР

Александр Ефремов даже разослал секретные письма в райкомы КП Белоруссии с просьбой «через оставшихся родственников принять необходимые меры по вызову [монахинь] на родину и приобщению к общественно-полезному труду».²⁷

В конце концов была принята во внимание договоренность Патриарха Алексия с органами советской власти о том, что в ходе кампании сокращения количества монастырей монахи переводятся в другие обители. В Литве существовал всего один Св.–Духов монастырь, поэтому сестрам был выделен дом на его территории. 24 августа 1960 г. милиция их переселила (в то время их было 28).²⁸

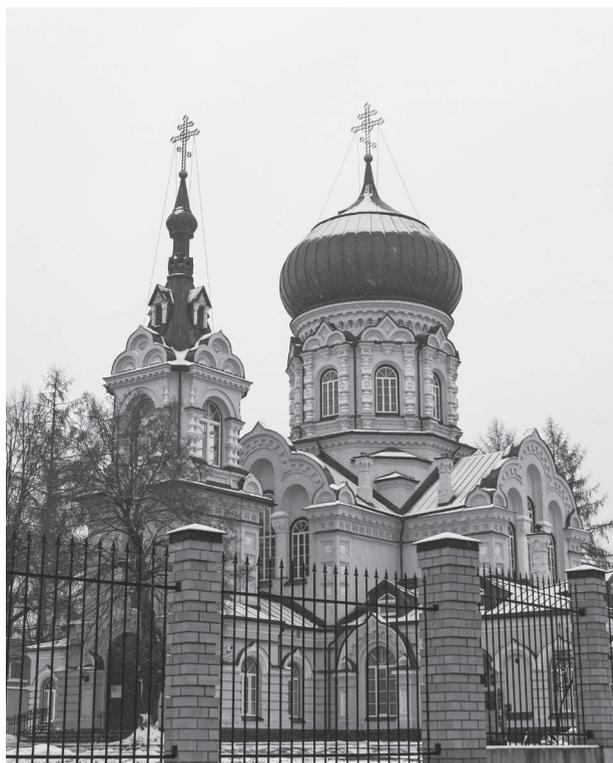
Советские чиновники сильно побаивались самой процедуры переселения, потому что во время подобных акций в Советском Союзе не удавалось избежать протестов международных организаций, столкновений с верующими и даже жертв. С приближением дня выселения уполномоченный А. Ефремов попросил на несколько дней командировать в Вильнюс опытного сотрудника СДРПЦ при СМ СССР «для оказания практической помощи и консультаций»²⁹. О том, что столкновения с верующими казались вероятными, можно судить по списку участников совещания, созданного Вильнюским горкомом КП Литвы для обсуждения деталей переселения монахинь: в нем приняли участие представители КГБ, милиции, автоинспекции, заместитель министра внутренних дел, заведующий отдела здравоохранения и др.³⁰ Ответственность за успех акции был вынужден разделить и архиепископ Роман (Танг), телеграммой информировавший председателя СДРПЦ при СМ СССР Владимира Куроедова, что «эвакуация» женщин и имущества прошла аккуратно и спокойно.³¹

Церковь Св. Александра Невского была закрыта и вместе с монастырскими по-

стройками передана в ведение МВД (там вскоре была оборудована колония для трудновоспитуемых несовершеннолетних девочек). Постановление СМ Литовской ССР о закрытии церкви и монастыря действовало до 15 мая 1989 года, когда та же самая инстанция отменила свое постановление и признала за Мариинской обителью статус самостоятельного существующего монастыря.³²

После переселения монахинь еще в течение нескольких лет продолжалась упорная борьба по поводу дальнейшего существования и юридического статуса их обители. Монахинь не собирались оставлять в покое; как писал уполномоченный А. Ефремов: «Новая обстановка создает кое-какие возможности для работы с ними активу городских организаций и перспективу вовлечь некоторых из них, особенно молодых, в общественно-полезный труд и впоследствии отвлечь их от монастыря»³³. Однако «работу» актива парализовала игуменья Нина. Руководимая ею община и дальше была закрытой, строго соблюдала устав монастырской жизни. Поэтому СДРПЦ при СМ СССР добивался от архиепископа устранения игуменьи, пытаясь окончательно ликвидировать монастырь руками самой Церкви. Архиепископ на устранение игуменьи Нины не соглашался, утверждая, что такое решение не в его компетенции, т. к. она подчиняется только самому Патриарху или Св. Синоду.

Патриарх тоже защищал монастырь: «По нашей договоренности с гражданской властью (Советом по делам РПЦ) монастыри не закрываются, а сливаются

Церковь Св. Александра Невского г. Вильнюса.
Фотография Витаса Лаукайтиса, 2016

с другими обителями. А в данном случае монастырь как таковой переселяется из своего помещения в Св.–Духовую обитель. Так что не может быть вопроса о ликвидации его внутреннего положения»³⁴. Это позволило монастырю некоторое время вести обычный образ жизни: весной 1961 г. игуменья Нина покрыла рясофором четырех послушниц³⁵ (однако последующий постриг мог быть совершен только в 1968 и 1970 гг.).

Все же руководство епархии было вынуждено поддаться давлению и признать факт закрытия монастыря: архиепископ письменно запретил игуменье Нине «в официальных письмах подписываться «настоятельницей» несуществующего Мариинского женского монастыря»³⁶. Однако не напрасно это письмо оказалось в деле

уполномоченного СДРПЦ: его строгий тон предназначался не столько для призыва к дисциплине со стороны игуменьи, сколько для того, чтобы успокоить уполномоченного. Реальное же положение не изменилось: женский монастырь продолжал свое существование.

В новом доме монахини оборудовали часовню. Кроме монашеских послушаний, они производили свечи, шили церковные облачения, занимались вышиванием, работали в Епархиальном управлении и канцелярии, занимались кухней и пр.

Позднее, казалось, уполномоченный испробовал все возможности для фактической ликвидации женского монастыря. Были предприняты попытки уничтожить его материально: по требованию СДРПЦ в пользу государственного бюджета в 1963 г. были списаны средства «бывшего» монастыря³⁷, однако новым источником существования монахинь стало финансирование, получаемое из мужского монастыря и Епархиального управления. Из обсуждавшихся планов самым разрушительным мог стать замысел превратить монастырь в обыкновенное общежитие: предлагалось здание, в котором поселились сестры, национализировать и передать в ведомство ближайшего домоуправления, а оно по своему усмотрению распределило бы жилплощадь. Продолжались переговоры с уполномоченным по Эстонской ССР о переселении сестер в Пюхтицу. Однако эти планы так и не были реализованы.

Развязанная Н. Хрущевым кампания борьбы с религией не оставила в стороне и мужской Св.–Духов монастырь. Начались нападки на его насельников, «разоблачение» мощей в советской печати. «Многие задают законный вопрос – какое право на существование в нашем обществе имеет этот очаг мракобесия и разврата?»³⁸, – спрашивал автор одной из статей, опубликованной в газете «Советская Литва». Он,

очевидно, был знаком с собранной КГБ информацией о монахах, так как семеро из них обвинил в совершении различных преступлений, начиная с измены Родине и кончая спекуляцией.

Конкретные планы по закрытию мужского монастыря власти начали обсуждать весной 1962 г., когда для ознакомления с положением в Литовской ССР прибыла специальная бригада ЦК КПСС. В своих выводах она предлагала бюро ЦК КП Литвы закрыть этот монастырь, церковь Св. Духа передать приходу собора Успения Пресвятой Богородицы (закрыв этот собор)³⁹, а уполномоченного обязали подготовить «меры» для ликвидации монастыря. Спустя год, весной 1963 г., в Вильнюсском городском комитете КПЛ состоялось совещание по поводу данных «мер». На нем прокуратура и милиция получили указания найти компрометирующие материалы «на отдельных монашествующих граждан» и привлечь их к ответственности. Снижение числа монахов должно было стать предлогом для закрытия монастыря⁴⁰. Оставшихся монахов уполномоченный предлагал переселить в какую–нибудь другую обитель и закрыть монастырскую церковь Св. Духа – по его словам, «свободный доступ к мощам».⁴¹

Все же эти планы не были реализованы. Обитель спасло объединение с женским монастырем (власти так и не решились, куда их переселить) и, видимо, отождествление с административным центром епархии. После смещения Н. Хрущева осенью 1964 г. накал антирелигиозной борьбы спал, однако опасность монастырям Вильнюса все еще угрожала. Их соединение должностные лица брежневской эпохи трактовали как ошибку. В конце 1965 г. с упразднением СДРПЦ при СМ СССР, дела Православной Церкви перешли в ведомство уполномоченных СДР при СМ СССР по Литовской ССР, которые всегда были

крайне недовольны существованием православных монастырей. «Существование единственного монастыря в столице республики, когда все католические монастыри были закрыты, трудно объяснить. Конечно, в республике имеются остатки нелегально действующих католических монастырей, и соответствующие органы постоянно работают, стараясь их ликвидировать /.../. Так религиозные вопросы порой переплетаются с национальными, а это теперь нежелательное явление»⁴², – подчеркивал в своих ежегодных отчетах союзной власти уполномоченный СДРК по Литовской ССР, внушая своему начальству мысль о необходимости ликвидировать монастыри или хотя бы переселить монахов в другое место.

Не решившись закрыть монастыри, власти пытались их изолировать. Монахиням строго было запрещено принимать какое-либо участие в богослужениях за пределами обители, монахам – служить в приходах. Был ограничен и прием новых иноков, прием послушниц строго запрещен. Так как происходило естественное уменьшение числа монахов, архиереи пытались стабилизировать положение, прося установить их лимит. В 1958 г., когда осталось всего 11 монахов, архиепископ Алексей (Дехтерев) просил установить лимит на 25 человек. «Тогда братии было бы вполне достаточно, чтобы осуществить торжество православия среди моря католиков»⁴³, – писал он Патриарху. Однако Патриархия была бессильна в решении таких вопросов: письмо передала СДРПЦ при СМ СССР, а он переслал назад в Вильнюс своему уполномоченному, который должен был разузнать мнение «республиканских органов». По инициативе уполномоченного вопрос обсуждался на секретариате ЦК КП Литвы, который поддержал предложение уполномоченного зарегистрировать не более 12 монахов⁴⁴.

Позднее власти Литвы не соблюдали договоренности по поводу лимита монахов. Милиция г. Вильнюса отказывала в прописке на жительство в монастыре прибывающим монахам даже тогда, когда вопрос об их приеме был согласован с Патриархом и Советом по делам религий при СМ СССР. На это, без сомнения, была директива политической верхушки Литовской ССР. Только тогда, когда в середине 80-ых гг. в обители осталось всего три работоспособных монаха, власти наконец приняли во внимание просьбу епископа Анатолия (Кузнецова) увеличить количество монашествующих. Было принято несколько молодых монахов, окончивших Духовные семинарии и академии. В 80–90-ые гг. в Св.–Духовом монастыре проживало 9–10 монахов, еще несколько служило на приходах.

Власти пошли на уступки лишь убедившись, что сам по себе монастырь не исчезнет. Дело в том, что руководство епархии, наконец, нашло способ, как обойти запреты советской власти. Мотивируя тем, что большинство монахов – старики и неработоспособные, оно принимало вольнонаемных на различные хозяйственные работы и для выполнения церковных обязанностей. Во избежание осложнений в монастыре трудоустраивались уже прописанные в Вильнюсе лица. Например, в 1968 г. в монастыре таких было двое, в 1980 – уже 9, в 1988 – 17 человек⁴⁵. Официально они работали дворниками, водителями, сантехниками, швеями, поварами и пр., но на самом деле эти должности служили только прикрытием монашеского послушания. В 1989 г. выяснилось, что из 17 монахинь 6 поступили в 1970–1988 гг., когда монастырь считался «несуществующим», две – в 1989 г.⁴⁶

Закрытие Св.–Духова монастыря – центра церковной и духовной жизни – для православной епархии Литвы было бы особенно болезненным. Монахи выпол-

няли духовные обязанности и за стенами монастыря: в случае необходимости они замещали священников в городе и направлялись на приходы, где их не было. Монастырь являлся главной опорой небольшой Литовской епархии – в первую очередь, он привлекал к себе юношей со всего СССР. Некоторые из них после полугодовой подготовки становились священниками. Во-вторых, доходы монастыря помогали решать финансовые проблемы епархии, особенно после уменьшения финансовой помощи со стороны Патриархии. Например, в 1968 г. им было получено почти 74 процентов всех доходов 42 православных приходов в Литве⁴⁷. В 1975 г. получено 98,5 тыс. руб., в 1979–м – уже 267,8 тыс.⁴⁸, в 1984–м – почти 388 тыс. рублей.⁴⁹ В основном это были пожертвования, денежные переводы из различных уголков СССР. Часть из них шла на покрытие расходов Епархиального управления, на ремонт церквей.

Православные обители в советские годы жили под бдительным наблюдением со стороны уполномоченных и органов КГБ, которые постоянно плели интриги, пытались поспорить монашествующих, посеять среди них раздоры и недоверие. Каждый год для небольших общин мог стать последним, при постоянном уменьшении числа монастырей в Советском Союзе, непрекращающейся дискредитации их в печати.

Микнишкская (Михновская) община

Кроме зарегистрированных монастырей, в советские годы в Микнишкес (около 30 км. от Вильнюса недалеко от границы с Белоруссией) действовала религиозная община, называемая в те годы «полулегальным православным монастырем». Ее в Микнишкском имении еще в начале 20-ых гг. создал протоиерей Понтий Рупишев (1877–1939). Став священником домового

церкви, он добился того, что три дочери хозяйки имения Анастасии Корецкой в корне изменили свой образ жизни, стали жить строго по уставу Церкви. Впоследствии Микнишкес стали посещать паломники, которые, ознакомившись с укладом жизни общины, духовным руководством протоиерея П. Рупишева, могли стать членами общины. Принимался каждый, даже инвалид, решившийся на очень аскетическую жизнь. В 1936 г. в общине было 150 человек.⁵⁰

В 1947 г. в общину, как и перед войной, входили три хутора, она насчитывала 125 членов⁵¹. С началом коллективизации члены общины приняли устав сельскохозяйственной артели, выбрали из своей среды руководителей и успешно стали вести хозяйство. В Советском Союзе это не было необычным делом: когда в 1918 г. большевики начали закрывать монастыри, реквизируют их имущество, монахи во многих местах образовывали своеобразные трудовые артели или коммуны⁵². Их члены получали доходы от общего хозяйства, жили, сохраняя безбрачие, ежедневно принимали участие в богослужениях, исповедовались в грехах и принимали Святое Причастие.

Существование общины стало неразрешимой головоломкой для уполномоченных СДРПЦ и СДРК: они в течение нескольких десятилетий не решались принять радикальные меры. Не было правового основания для роспуска сельхозартели, успешно выполнявшей обязательства перед государством. В 1957 г. у Микнишкской артели было 107 га пахотной земли, 3 трактора, грузовик, 2 автомобиля, 20 лошадей, 60 коров, птице- и свинофермы. В артели никто не пьянствовал, не воровал, поэтому он первенствовал во всем Шальчининкском районе, получая больше прибыли, нежели соседний колхоз, имевший 1700 га земли⁵³. Дальновидным шагом было избрание председателем артели инвалида войны

Петра Гайдоровича: такие ветераны имели моральный авторитет в глазах советских чиновников. Его заместителем работал Вячеслав Шефалович, член приходской «двадцатки», муж одной из бывших владелиц имения – Марии Корецкой.

Жизнь религиозной общины в советские годы была нелегкой: партийные и исполкомовские чиновники преследовали обряды вне церкви, требовали убрать иконы из общественной столовой, не выделяли кредитов, ограничивали возможности купить технику, пытались поставить председателем артели коммуниста и т. д.

Не лучшим образом складывались отношения и с епархиальным начальством. По мнению архиепископа Корнилия (Попова), посетившего Микнишкес летом 1947 г. вместе с уполномоченным В. Гуциным, община впала в сектантство. Особенно сурово он осудил культ протоиерея П. Рупышева (его фотографии в церкви, на кладбище и в домах членов общины почитались как иконы, люди верили в чудодейственную целительную силу земли с его могилы).

Интервенция руководства епархии в духовную жизнь общины была очень болезненной. Члены общины бойкотировали богослужения, которые проводил новоназначенный молодой священник Владимир Демичев, пытавшийся претворить в жизнь реформы архиепископа⁵⁴. В конце 1947 г. архиепископ даже закрыл церковь до тех пор, пока члены общины публично не раскаются. Они должны были дать письменное обещание отказаться от религиозного почитания протоиерея П. Рупышева (снять его фотографии, закрыть вход в склеп на его могиле). Строго были наказаны и сестры Корецкие, которые должны были отказаться от неприличествующего мирянам руководства духовной жизнью общины: им на 40 дней было запрещено причащаться⁵⁵. Конфликт вырос до такого масштаба, что архиепископ Корнилий

(Попов) попросил Св. Синод обратить особое внимание на опасность, которая грозит православию в Виленщине «со стороны так называемой понтиевщины» и помочь ее уничтожить.⁵⁶

Натянутыми отношениями общины с руководством епархией попыталась воспользоваться советская власть. В начале 1948 г. уполномоченный В. Гуцин получил указание Совета по ДРПЦ снять с регистрации Микнишкскую церковь, если архиепископ отлучит приход от Церкви как секту.⁵⁷ Такая угроза заставила обе стороны пойти на компромисс: члены общины подписали клятву не почитать протоиерея П. Рупышева как праведника и раскаялись, а архиепископ перевел священника В. Демичева на другой приход. Жизнь общины была реформирована. Хотя ее делегация искала защиты у самого Патриарха, последний действия архиепископа Корнилия (Попова) поддержал.⁵⁸

Последующие 15 лет община жила без особых потрясений. На перемены ЦК КП Литвы решился только в 1963 г., когда по Советскому Союзу прошла кампания по закрытию православных монастырей. По предложению специальной комиссии, созданной ЦК КПЛ, Микнишкская артель в то время была соединена с соседним совхозом (Табаришкес), которому были переданы ее угодья, скот, постройки. Нетрудоспособным членам общины было предложено переселиться в дома для престарелых, а трудоспособные стали работниками совхоза Табаришкес. Священнику было запрещено по будням проводить богослужения, он должен был переселиться в другой «населенный пункт».⁵⁹ Только протесты верующих помешали райисполкому закрыть кладбище, на котором располагается Микнишкская церковь⁶⁰ (по-видимому, намечено было и ее вскоре закрыть). Члены общины более молодого возраста удостоились особого внимания:

их пытались разобшить, трудоустроить в Вильнюсе и пр.

Все же попытки властей ликвидировать Микнишкскую общину, уничтожить ее духовное ядро остались бесплодными. Они не решались на откровенное насилие, отнюдь не редкое в практике советской религиозной политики (например, в ночное время были взорваны часовни на католических святых местах, были снесены кресты на Крестовой горе близ Шяуляй, отстранены от управления епархиями и поселены в отдаленных приходах под присмотром КГБ католические епископы). Однако в Микнишкес проживали десятки людей, никто не хотел брать на себя ответственность за их судьбу, не могли также предоставить им другой источник для существования. Ни совхоз, ни руководство республики не были в состоянии продемонстрировать им преимущества «нормального» образа жизни – создать лучшие бытовые условия или отвлечь советскими культурными мероприятиями. Люди начали жаловаться, так как нетрудоспособные лишились элементарных удобств (питания, стирки), а трудоспособные в совхозе получали намного меньший заработок, чем в артели.

Осталась в прошлом инспирированная Н. Хрущевым кампания по борьбе с религией, а община продолжала существовать.

Summary

The article analyzes the policies of the Soviet authorities in regard to the Orthodox monasteries in the Lithuanian SSR in 1944-1990. In mentioned period two Orthodox monasteries – the Holy Spirit for men and the Mary Magdalene for women were active in Vilnius, as well as the unique monastic community in Mikniškės 30 km from Vilnius. When only a few monasteries remained active in the Soviet Union, the Holy Spirit monastery was an important religious and spiritual life center

В 1973 г. в ней проживало около 100 мужчин и женщин. Они и дальше продолжали пользоваться общим имуществом, не открыто, но продолжали отправлять свои религиозные обряды.⁶¹ Поскольку большинство из них были людьми пожилыми, инвалидами (из ста – 71 нетрудоспособный, состоящий на содержании общины), в высших эшелонах власти, очевидно, решили ждать их естественного ухода. За общиной наблюдали, со стороны Шальчининкского райисполкома был установлен контроль за пропиской вновь прибывших на территорию Тургеляй, также была усилена «политико-воспитательная работа»⁶². Такая тактика в течение нескольких десятилетий частично оправдалась: в 1997 г. в Микнишкес проживало около 60 человек и не было молодежи.⁶³

С восстановлением независимости Литвы в 1990 г. община легализовалась, не афишируя монашеского характера. По своему уставу она является «добровольным, самоуправляемым объединением православных христиан Литвы, созданным для производственной и коммерческой деятельности, основанном на взаимном доверии его членов и добросовестном коллективном труде, осуществляемом путем соединения их добра в совместную общинную собственность».⁶⁴

for the Orthodox, visited by pilgrims. It prepared clergy and the funds received by the monastery allowed to resolve the financial problems of the Orthodox Diocese of Lithuania. The government of the Lithuanian SSR did not hide its dissatisfaction with the existence of the Orthodox monasteries, constantly demanded that they be closed or at least moved from Vilnius. The aim of the article is to answer the questions: what protected monasteries from destruction (when all the

Catholic monasteries were closed already in 1948-1949), how did the attitude of the officials of the Soviet Union and the Lithuanian

SSR towards the activities of the Orthodox monasteries differ.

Reference list

- 1 R. Laukaitytė, Stačiatikių Bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje, Vilnius, 2003, s. 122-135.
- 2 R. Laukaitytė, Stačiatikių Bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje, s. 164-180; G. Shlevis, Pravoslavnye hramy Litvy, Vil'njus, 2006, s. 30-33, 100-102, 146-149; A. Shalchjunas, Sud'ba Mihnovskoj obshhiny, publikacija 2014 06 14 na sajte <http://history-mds.ru>.
- 3 M. Shkarovskij, Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i Sovetskoe gosudarstvo v 1943-1964 godah, Sankt-Peterburg, 1995, s. 21.
- 4 Postanovlenie Sovnarkoma SSSR po voprosam, odnosjashhimsja k pravoslavnoj cerkvi i monastyryam, ot 22 avgusta 1945 g., M. Odincov, Religioznye organizacii v SSSR nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg., Moskva, 1995, s. 176.
- 5 Instruktivnoe piš'mo predsedatelja Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj Cerkvi pri SM SSSR Georgija Karpova ot 2 fevralja 1949 g. # 35, CGAL, f. R 238, op. 2, d. 1, l. 113; M. Shkarovskij, Russkaja pravoslavnaja cerkov' i Sovetskoe gosudarstvo v 1943-1964 godah, s. 27.
- 6 Svedenija o Vil'njusskom zhenskom Sv. Marie-Magdalinskome i Sv.-Duhovome monastyryah, 1945 g., CGAL, f. R 238, op. 3, d. 4, l. 2, 27.
- 7 Sovershenno sekretnyj informacionnyj otchet A. Lineva za II kvartal 1946 g., tam zhe, d. 4, l. 10; tak zhe sm.: Piš'mo A. Lineva G. Karpovu ot 17 ijulja 1945 g., tam zhe, d. 3, l. 6.
- 8 Informacionnyj doklad A. Lineva o Litovskoj eparhii po sostojaniju na aprel' mesjac 1945 g., tam zhe, op. 2, d. 3, l. 4.
- 9 Informacionnyj otchet upolnomochennogo SDRPC po Litovskoj SSR V. Gushhina za IV kvartal 1947 g., OD KPL OAL, f. 1771, op. 11, d. 280, l. 5.
- 10 Monahinja Varvara (Trofimova), Marijskoj obiteli 100 let. 1865-1965 gg., Vil'njus, 1965, l. 24 (al'bom, original nahoditsja v Vil'njusskom Mariinskom monastyre).
- 11 «Ustav Sv. Duhova muzhskogo monastyrya gor. Vil'njus», 16 05 1945, CGAL, f. R 238, op. 3, d. 4, l. 31 (ustavy muzhskogo i zhenskogo monastyrej byli analogičnymi).
- 12 Svedenija o Vil'njusskom zhenskom Sv. Marie-Magdalinskome monastyre, 1945 g., tam zhe, l. 3.
- 13 Sekretnoe piš'mo predsedatelja SDRPC pri SM SSSR G. Karpova V. Gushhinu ot 21 oktjabrja 1948 g., tam zhe, op. 2, d. 2, l. 98.
- 14 Piš'mo sekretarja Zoi Moshkovy G. Karpovu ot 23 avgusta 1949 g., tam zhe, op. 3, d. 130, l. 22.
- 15 «Informacija o privilegirovannom položenii Vil'njusskogo arhipiskopstva russkoj pravoslavnoj cerkvi» zavedujushhego sektorom partijnoj informacii CK KP(b) Litvy Belousova ot 30 ijulja 1949 g., tam zhe, l. 206.
- 16 Piš'mo sekretarja Vil'njusskogo gorkoma KP(b) Litvy Feliksasa Beljauskasa sekretarju KP(b) Litvy Aleksandru Trofimovu ot 8 marta 1950 g., tam zhe, l. 204-205.
- 17 Spravka V. Gushhina o Vil'njusskom Mariinskom zhenskom monastyre ot 11 ijulja 1952 g., CGAL, f. R 238, op. 3, d. 46, l. 3.
- 18 Informacionnyj doklad V. Gushhina o dejatel'nosti monastyrej v Litovskoj SSR za 1953 g., OD KPL OAL, f. 1771, op. 192, d. 22, l. 56.
- 19 Informacionnaja zapiska o položenii i dejatel'nosti muzhskogo Svjato-Duhova i zhenskogo Mariinskogo monastyrej v g. Vil'njus po sostojaniju na 1 janvarja 1960 g., CGAL, f. R 238, op. 1, d. 24, l. 49.
- 20 Piš'mo zamestitelja upolnomochennogo SDRK po Litovskoj SSR Andreja Murnikova predsedatelju SDRK pri SM SSSR V. Kurodovu ot 25 nojabrja 1966 g., tam zhe, f. R 181, op. 3, d. 73, l. 77.
- 21 Postanovlenie SM SSSR ot 16 oktjabrja 1958 g. # 1159, tam zhe, f. R 238, op. 3, d. 142, l. 3.
- 22 D. Pospelovskij, Russkaja pravoslavnaja cerkov' v XX veke, Moskva, 1995, s. 304.
- 23 Reshenie IK g. Vil'njusa «O zaključenii arendnyh dogovorov s pravoslavnyimi monastyryami» ot 24 aprelja 1959 g. # 217, CGAL, f. R 238, op. 3, d. 46, l. 113; Sekretnoe postanovlenie SM Litovskoj SSR «O sokrashhenii čisla pravoslavnyh monastyrej v gor. Vil'njus» ot 12 06 1959 g. # 314-s, tam zhe, f. R 181, op. 3, d. 54, l. 17.
- 24 Piš'mo A. Efreмова G. Karpovu ot 2 avgusta 1958 g., tam zhe, f. R 238, op. 1, d. 21, l. 20-21.
- 25 Sekretnoe postanovlenie SM Litovskoj SSR «O sokrashhenii čisla pravoslavnyh monastyrej v gor. Vil'njus» ot 12 ijunja 1959 g. # 314-s, tam zhe, f. R 181, op. 3, d. 54, l. 17.

- 26 Pis'ma nastojatel'nicy Niny: patriarhu Moskovskomu Aleksiju ot 17 ijunja 1959 g., arhiepiskopu Romanu (Tangu) ot 25 ijunja, tam zhe, f. R 238, op. 3, d. 46, l. 168, 171; Pros'ba posetitelej Novosvetskoj cerkvi predsedatelju SM SSSR (bez daty, do 19 10 1959 g.), tam zhe, l. 163; Zajavlenie zhitelej gor. Vil'njusa L. Brezhnevu i Ju. Paleckisu ot 6 avgusta 1960 g., tam zhe, l. 132.
- 27 Sm.: tam zhe, d. 144 (v dele nahodjatsja pis'ma A. Efremova i otvety nekotoryh adresatov i rodstvennikov).
- 28 Pis'mo arhiepiskopa Romana (Tanga) A. Efremovu ot 26 avgusta 1960 g., tam zhe, d. 46, l. 124.
- 29 Sekretnoe pis'mo A. Efremova V. Kuroedovu ot 29 ijulja 1960 g. tam zhe, op. 1, d. 28, l. 3.
- 30 Spisok uchastnikov soveshhanija, tam zhe, op. 3, d. 46, l. 182.
- 31 Telegramma arhiepiskopa Romana (Tanga) V. Kuroedovu ot 26 avgusta 1960 g., tam zhe, l. 125.
- 32 Blagodarnost' sester Vil'njusskoj zhenskoj obiteli Sovetu Ministrov Litovskoj SSR ot 7 ijulja 1989 g., tam zhe, f. R 181, op. 2, d. 177, l. 104.
- 33 Informacionnyj doklad A. Efremova o polozhenii i dejatel'nosti muzhskogo Sv. Duhova monastyrja i byvshego Mariinskogo monastyrja po sostojaniju na 1 janvarja 1961 g., OD KPL OAL, f. 1771, op. 208, d. 16, l. 132.
- 34 Pis'mo upravljajushhego delami Patriarhii arhiepiskopu Romanu (Tangu) ot 3 nojabrja 1960 g., CGAL, f. R 238, op. 3, d. 46, l. 152 (citata rezoljucii patriarha Aleksija ot 2 nojabrja).
- 35 Monahinja Varvara (Trofimova), Mariinskij obiteli 100 let. 1865–1965 gg., l. 36.
- 36 Pis'mo arhiepiskopa Romana (Tanga) igumen'i Nine ot 30 ijunja 1962 g., CGAL, f. R 238, op. 3, d. 46, l. 149.
- 37 Pis'ma arhiepiskopa Romana (Tanga): v Upravlenie gosdohodov Ministerstva finansov Litovskoj SSR ot 6 fevralja 1963 g., v Hozjajstvennoe upravlenie Moskovskoj patriarhii ot 20 marta, tam zhe, l. 155, 156; Informacionnyj doklad A. Efremova o polozhenii i dejatel'nosti Sv. Duhova monastyrja za 1963 g., tam zhe, op. 1, d. 37, l. 35 (bolee chem 20 tys. rublej dotacii Moskovskoj patriarhii na kapital'noe stroitel'stvo zdanij Mariinskogo monastyrja) i pr.
- 38 A. Gumin, Za monastyrskimi stenami, Sovetskaja Litva, 1959 10 10.
- 39 Sekretnyj doklad A. Efremova I. Brazhniku ot 29 maja 1962 g., CGAL, f. R 238, op. 1, d. 33, l. 14.
- 40 Sekretnoe pis'mo A. Efremova zamestitelju predsedatelja SM Litovskoj SSR Leokadii Dirzhinskajte i zamestitelju predsedatelja gorispolkoma Vil'njusa I. Smilgjavichjusu ot 29 aprelja 1963 g., tam zhe, d. 37, l. 1.
- 41 Informacionnyj doklad A. Efremova o polozhenii i dejatel'nosti Sv. Duhova monastyrja za 1963 g., tam zhe, l. 39.
- 42 Informacionnyj doklad Ju. Rugenisa za 1969 g., tam zhe, f. R 181, op. 3, d. 78, l. 51.
- 43 Pis'mo arhiepiskopa Aleksija patriarhu ot 24 aprelja 1958 g., tam zhe, f. R 238, op. 3, d. 141, l. 5.
- 44 Pis'mo A. Efremova G. Karpovu ot 2 avgusta 1958 g., tam zhe, op. 1, d. 21, l. 20.
- 45 Svedenija o Svjato-Duhovom monastyre na 1 janvarja 1968 g., CGAL, f. R 181, op. 1, d. 168, l. 17; Spisok vol'nonaemnyh Sv.-Duhova monastyrja na 1 janvarja 1980 g., tam zhe, op. 2, d. 177, l. 87; Svedenija po sostojaniju Svjato-Duhova monastyrja na 1 dekabrja 1988 g., tam zhe, s. 77.
- 46 Spisok monahin' Vil'njusskogo zhenskogo pravoslavnogo Marie-Magdalinskogo monastyrja po sostojaniju na 1 sentjabrja 1989 g., tam zhe, op. 2, d. 177, s. 102-103.
- 47 Informacionnyj doklad Ju. Rugenisa za 1968 g., tam zhe, d. 76, l. 56.
- 48 Informacionnyj doklad upolnomochennogo SDR pri SI SSSR po Litovskoj SSR Petrasa Anilenisa za 1979 g., tam zhe, d. 102, l. 41.
- 49 Informacionnyj doklad P. Anilenisa za 1984 g., tam zhe, d. 113, l. 16.
- 50 [Varvara Korecka] Zhizn' vo Hriste, Klajpeda, 1997, c. 26–27; komentar Iriny Aref'evoj v knige: Lietuva: praeitis, kultūra, dabartis, Vilnius, 1999, s. 85
- 51 Informacionnyj otchet V. Gushhina za IV kvartal 1947 g., OD KPL OAL, f. 1771, op. 11, d. 280, l. 8-9.
- 52 V. Aleksejev, Iljuzii i dogmy, Moskva, 1991, s. 53; A. Kashevarov. K voprosu o sud'be pravoslavnyh monastyrej v pervye gody Sovetskoj vlasti, Nestor, 2000, # 1, s. 334–337.
- 53 Dokladnaja zapiska st. inspektora SDRPC pri SM SSSR A. Pashkina G. Karpovu o proverke raboty V. Gushhina ot 10-15 dekabrja 1957 g., OD KPL OAL, f. 1771, op. 194, d. 9, l. 122.
- 54 Informacionnyj otchet V. Gushhina za IV kvartal 1947 g., tam zhe, op. 11, d. 280, l. 9-11.
- 55 Godovoj otchet arhiepiskopa Kornilija (Popova) po Vilensko-Litovskoj eparhii za 1947 g., CGAL, f. R 238, op. 3, d. 25, l. 28.
- 56 Otchetnye svedenija arhiepiskopa Kornilija (Popova) v Missionerskij sovet pri Sv. Sinode o missionerskoj dejatel'nosti po Vilensko-Litovskoj eparhii za 1947 g., tam zhe, d. 28, l. 23.
- 57 Pis'mo chlena Soveta po DRPC I. Ivanova V. Gushhinu ot 27 janvarja 1948 g., tam zhe, op. 2, d. 2, l. 83.

- 58 Pis'mo arhiepiskopa Kornilija (Popova) V. Gushinu ot 5 aprelja 1948 g., tam zhe, op. 3, d. 28, l. 29.
- 59 Otchetno-informacionnyj doklad A. Efremova za 1963 g., tam zhe, op. 1, d. 37, l. 10.
- 60 Otchetno-informacionnyj doklad A. Efremova za 1964 g., tam zhe, d. 40, l. 22.
- 61 Sekretnoe pis'mo upolnomochennogo SDR po Litovskoj SSR Kazimerasa Tumenasa predsedatelju Shalchininskogo rajispolkoma ot 22 oktjabrja 1973 g. i otvet zamestitelja predsedatelja Shalchininskogo rajispolkoma ot 13 dekabrja, tam zhe, f. R 181, op. 3, d. 89, l. 159, 175-176.
- 62 Sekretnoe pis'mo zamestitelja predsedatelja Shalchininskogo rajispolkoma K. Tumenasa ot 13 dekabrja 1973 g., tam zhe, l. 175.
- 63 A. Trushkevich, Dushi moej zabvennyj kraj, Chistyj mir, 1997, # 4, s. 4.
- 64 A. Anskaitis, Ošia liepos ramybės alėjoje, Lietuvos aidas, 1992 02 29.

Сергей Мянник (Эстония)
Sergey Mannik (Estonia)

Епископ Исидор (Богоявленский)

Bishop Isidor (Bogoyavlensky)

*Приложи сердце твое к учению
И уши твои – к умным словам*
(Прич. 23: 12)

В 2015 году исполнилось 70 лет со дня открытия Богословского-пастырских курсов, которые в 1946 году были преобразованы в Ленинградскую Духовную семинарию. Первым ректором возрожденных духовных школ стал протоиерей Иоанн Богоявленский, в 1947-1949 годах – епископ Таллиннский и Эстонский Исидор.

Епископ Исидор (в миру – Иван Яковлевич Богоявленский) родился 30 октября 1879 года в Курской губернии в семье псаломщика. Образование будущий иерарх получил в Курской Духовной семинарии и в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Молодой человек поступил в академию, когда ее ректором был епископ Борис (Плотников)*, отличавшийся широтой на-

учных интересов. Ученый, занимавшийся пастырским и нравственным богословием, церковной историей и философией, глубокий знаток слова Божия, умевший своим красноречием привлекать к себе слушателей, владыка-ректор обладал феноменальной памятью и даром слова убеждения. Завершил свое обучение Иван Богоявленский в 1904 году по первому разряду со степенью кандидата богословия и с правом соискания степени магистра без дополнительных испытаний, когда ректором был уже епископ Сергей (Страгородский)**.

Уместно вспомнить, что начало XX века было время расцвета Санкт-Петербургской Духовной Академии. В профессор-

химандрита. В 1892-1893 и в 1899-1901 гг. – ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. Хиротонисан во епископа 9.05.1899.

** Сергей (Страгородский Иван Николаевич, 1867-1944), Патриарх Московский и всея Руси. Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха в 1890 г. В 1901 году хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. 1905-1917 гг. архиепископ Финляндский. С марта 1924 г. митрополит Нижегородский. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в 1927-1936 гг., с 1 января 1937 г. – Патриарший Местоблюститель. 8 сентября 1943 г. избран Патриархом Московским и всея Руси.

* Борис (Плотников Владимир Владимирович, 1855-1901), епископ. В 1880 г. окончил Казанскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В 1886 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В октябре 1886 г. переведен на должность инспектора Московской Духовной Академии и возведен в сан ар-

ско-преподавательский состав ее входили ведущие российские ученые богословы. Некоторые из них занимались не только научно-богословской деятельностью, но и преподавали в светских высших учебных заведениях.

Выпускник Академии Иван Богоявленский был назначен надзирателем и учителем Александро-Невского Духовного училища.

В 1905 году молодой человек обвенчался с дочкой священника Марией Николаевной Изборской¹ и 19 ноября был рукоположен во диакона епископом Нарвским Антонином (Грановский)*. На следующий день 20 ноября хиротонию диакона Иоанна во пресвитера совершил епископ Гдовский Кирилл (Смирнов)** . Указом митрополита Санкт-Петербургского и

Ладожского Антония (Вадковский)*** молодой священник был назначен настоятелем Екатерининского собора Ямбурга, а также учителем Закона Божия в городском училище и начальных школах.

В 1908 году священник Иоанн Богоявленский был переведен в Кронштадт настоятелем кладбищенского храма во имя Живоначальной Троицы и преподавателем начального училища.

6 октября 1912 года о. Иоанн Богоявленский, согласно поданному прошению, был назначен на должность настоятеля Павловского собора, благочинным 2-го Царско-сельского округа, а также преподавателем Закона Божия в Гатчинских начальном училище и Учительской семинарии.

17 января 1913 года в храме во имя 12 Апостолов Санкт-Петербургской Духовной Академии священник Иоанн Богоявленский был возведен в сан протоиерея митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Владимиром (Богоявленским)****.

* Антонин (Грановский Александр Андреевич, 1865-1927). В 1890 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1903 г. хиротонисан во епископа Нарвского, в 1908-1913 гг. на покое. В 1913 г. назначен епископом Владикавказским и Моздокским. В 1917 г. уволен на покой по болезни. В 1921 г. за литургические новшества Патриархом Тихоном запрещен в священнослужении. С мая 1922 г. один из лидеров обновленческого движения. *Илляшевич В. Н., Мянник С. Г., сост.* «Архипастыри земли Эстонской. X-XXI столетия». Таллин. 2013. С.58

** Кирилл (Смирнов Константин Илларионович, 1863-1937), митрополит. В 1887 г. рукоположен во пресвитера. В 1902 г. пострижен в монашество. В 1904 г. хиротонисан во епископа Гдовского, в 1913 г. возведен в сан архиепископа. В 1918 г. был назначен митрополитом Тифлиским и Бакинским, Экзархом Кавказским. С апреля 1920 г. – митрополит Казанский и Свияжский. В завещательном распоряжении Патриарха Тихона от 25.12.1924 был назван первым, к кому временно переходят «Патриаршие права и обязанности» в случае кончины Патриарха. Расстрелян 19.11.1937 г. Прославлен в лике святых новомучеников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 г.

*** Антоний (Вадковский Александр Васильевич, 1846-1912), митрополит. В 1883 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. 1887 г. хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1892 г. назначен архиепископом Выборгским и Финляндским. В 1898 г. назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским.

**** Владимир (Богоявленский Василий Никифорович, 1848-1919), митрополит. В 1874 году окончил Киевскую Духовную Академию. 13 января 1882 года рукоположен во священника. 3 февраля 1886 года пострижен в монашество. 3 июня 1888 года хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. С 18.10.1892 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии, член Святейшего Синода. 21.02.1898 назначен митрополитом Московским и Коломенским, 23.11.1912 назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. С 23.11.1915 – митрополит Киевский и Галицкий. Убит 25.11.1918. Причислен к лику священномучеников Архиерейским Собором РПЦ в 1992 году.

Гатчинский период служения о. Иоанна был очень плодотворным и успешным. Он ежемесячно устраивал пастырские собрания для обсуждения вопросов, связанных с деятельностью приходов, которые очень благотворительно влияли на духовную жизнь, подготовил и опубликовал в журнале «Христианское чтение»* статью «Закон о месте еврейского богослужения в Ветхом завете». Отец Иоанн принимал активное участие в создании «Православной богословской энциклопедии»**, вышедшей в начале XX века в Петербурге сначала под редакцией магистра богословия, профессора Александра Павловича Лопухина, а после его кончины – доктора богословия, профессора Николая Никаноровича Глубоковского.

Сотрудники энциклопедии, а в подготовке статей принимали участие представители как духовных академий, так и некоторых университетов, стремились удовлетворить потребность духовенства и широкой публики в богословских знаниях, что определило научно-популярный стиль изложения. В 1915 году протоиерей Иоанн Богоявленский был удостоен степени магистра богословия за диссертацию «Значение Иерусалимского храма в ветхозаветной истории еврейского народа», в которой автор предложил собственную гипотезу, связанную с проблемой культового законодательства Пятикнижия. Диссертация была напечатана отдельной книгой

* Российский православный научно-богословский журнал Санкт-Петербургской православной Духовной Академии. Основан в 1821 г., последний дореволюционный журнал вышел в 1917 г., выпуск возобновлен в 1991 г.

** Первая в России настольная справочная книга по всем предметам богословского и философского знания в алфавитном порядке. Первый том вышел в 1900 г. Энциклопедия издавалась как приложение к журналу «Странник». Первые пять томов вышли под редакцией Лопухина, следующие семь – под редакцией Глубоковского.

в типографии М. Меркушева на Невском проспекте в Петербурге.

В 1915 году под руководством протоиерея Иоанна Богоявленского был осуществлен большой капитальный ремонт Гатчинского собора. Средства собирались благодаря энергичным усилиям священника Алексия Благовещенского***, однако наблюдение за ходом ремонтных работ, переговоры с подрядчиками и мастерами осуществлял настоятель. Торжественное освящение обновленного собора 27 сентября 1915 года совершил епископ Ковенский Елевферий**** – родной брат настоятеля.

Октябрьский переворот 1917 года нарушил нормальное, спокойное течение церковной жизни Гатчины, как и всей России. В мае 1919 года протоиерей Иоанн Богоявленский был арестован и заключён в одиночную камеру петроградской тюрьмы «Кресты». Новая власть пыталась получить доступ к капиталу Гатчинского благотворительного общества при Павловском соборе. Православное население Гатчины единодушно встало на защиту о. Иоанна. Делегации православной общественности удалось встретиться с председателем Петроградского ЧК М. С. Урицким и добиться освобождения Гатчинского благочинного.

13 мая 1919 года началось весеннее наступление Северо-Западной армии на Петроград. Белые войска прорвали линию фронта под Нарвой и, обойдя Ямбург, вынудили

*** Благовещенский Алексей Александрович, протоиерей. Клирик Пятогогорского Богородицкого монастыря, 29.12.1910 г. назначен в Павловский собор Гатчины. В 1933-1938 гг. настоятель собора.

**** Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич, 1868-1940), митрополит. Рукоположен во пресвитера в 1890 г., пострижен в монашество в 1904 г. Хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917 г. = епископ Виленский и Литовский, в 1921 г. возведен в сан архиепископа. В 1928 г. возведен в сан митрополита.

красноармейцев отступить. 15 мая армия Юденича овладела Гдовом, 17 мая взяла Ямбург, в начале июня 1919 года подошла к Луге и Гатчине, угрожая Петрограду.

Через некоторое время войска генерала Юденича отступили, но, перегруппировавшись, вновь пошли в наступление, захватив Гатчину и Красное Село. Северо-Западная армия, не имея резервов и не получив никакой поддержки, после десятидневных ожесточенных, неравных боёв, так и не смогла овладеть северной столицей и начала отступать. Вместе с войсками Северо-Западной армии генерала Юденича протоиерей Иоанн Богоявленский эмигрировал в Эстонию. Он вывез из Гатчинского собора Филермскую икону Божией Матери, десницу Иоанна Предтечи и часть Животворящего Креста Господня.

В 1799 году император Павел взял под свое покровительство Мальтийский орден святого Иоанна Иерусалимского, приняв титул великого магистра. В честь этого события в Гатчине ему были преподнесены мальтийские святыни: часть древа Креста Господня, икона Филермской Божией Матери, по преданию написанная евангелистом Лукою и десная рука Крестителя Господня Иоанна. И хотя на протяжении веков мальтийские святыни хранились у рыцарей-католиков, почитание их в России в XIX-XX веках приобрело глубокий народный характер. В период пребывания святынь в Павловском соборе Гатчины для поклонения им приходили многолюдные крестные ходы со всех окрестных сельских приходов. Для хранения святынь и размещения мальтийских рыцарей было начато строительство на окраине Гатчинского дворцового парка небольшого монастыря во имя священномученика Харлампия. Во время пребывания императора в Гатчине местом хранения святынь была дворцовая церковь во имя Святой Троицы. После убийства императора Павла строительство

монастыря было прекращено и святыни хранились в соборе Спаса Нерукотворного Зимнего дворца в Петербурге. После завершения в 1852 году строительства собора во имя апостола Павла – небесного покровителя императора Павла I, по личному распоряжению императора Николая Павловича святыни ежегодно на десять дней – с 12 по 22 октября (ст. стиль) переносились из Петербурга в Гатчину.

Во времени Октябрьского переворота мальтийские святыни находились в соборе Зимнего дворца, который, как и все дворцовые церкви, был разграблен, но святыни удалось спасти. В числе других предметов убранства «ликвидированных» придворных церквей они оказались в ризнице, принадлежавшей дворцовому ведомству Архангельского собора Московского Кремля.

По благословению Святейшего Патриарха Тихона протопресвитер придворного духовенства Александр Дернов* 6 января 1919 года в двух футлярах перевез святыни из Москвы в Гатчину, где они были помещены в Павловский собор на постоянное хранение. После богослужения, совершенного Петроградским митрополитом-новомучеником Вениамином (Казанский)**, святыни оставили для поклонения гатчинских жителей. Дальнейший ход событий восстанавливается по Акту, составленному про-

* Дернов Александр Александрович (1857-1923), протопресвитер. В 1882 г. рукоположен во священника. В 1899 г. возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем Петропавловского собора. В 1915 г. возведен в сан протопресвитера и назначен заведующим придворным духовенством.

** Вениамин (Казанский) Василий Павлович, (1873-1922), митрополит. В 1895 г. пострижен в монашество и в 1896 г. рукоположен во иеромонаха. В 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1917 г. – митрополит Петроградский и Гдовский. Расстрелян в 1922 г. В 1992 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых.

тоиереем Гатчинского Павловского собора Алексием Благовещенским 6(19) октября 1920 года: «В один из воскресных дней, а именно 13 октября, настоятелем собора был устроен в сопровождении этих святых крестный ход кругом города. Когда... народ разошелся по домам, явился в собор настоятель протоиерей Иоанн Богоявленский в сопровождении графа Игнатъева и еще какого-то военного человека и, уложив святые в футляры, в которых они были привезены в собор, взял их с собою и увез в Эстонию, не спросив на это разрешения ни у причта, ни у прихожан. О дальнейшей судьбе этих святых, где они и что с ними – ни причту, ни приходскому совету неизвестно»².

Дальнейшая история святых, вплоть до их появления в Копенгагене у матери последнего российского царя Марии Федоровны, долгое время оставалась тайной.

Так было бы и дальше, если бы не рассказ Павла Граббе* о его юношеском приключении в Ревеле (Таллинне), найденный переводчицей Натальей Карачаровой в старой рукописи, оставшейся после умершего русского эмигранта. В 1921 году Павел был послан отцом в столицу Эстонии со специальным заданием – тайно доставить в Данию посылку. В Ревеле к Павлу обратился неизвестный русский с предложением пе-

ривезти в Данию реликвии, принадлежащие царской семье.

Павлу Граббе удалось убедить датского консула помочь ему. Святые были упакованы и с дипломатической почтой отправлены в Копенгаген. Молодому человеку удалось пересечь все границы и доставить «гатчинские» реликвии в Копенгаген, где они сразу же были переданы вдовствующей Императрице Марии Федоровне, матери императора Николая II.

В Эстонии протоиерей Иоанн Богоявленский оказался в очень непростой ситуации. После гибели епископа Ревельского Платона** Православная Церковь в Эстонии осталась без главы. Вопрос о новом архипастыре был одним из самых актуальных для православных Эстонии. Все осложнялось противоречиями между эстонской и русской частями духовенства. 7 июня 1920 г. Эстонский Епархиальный Совет*** за подписью Пауля Сеппа**** направил офи-

* Павел Граббе (1902-1999), сын главы конвоя Николая II генерала Александра Граббе. Генерал Александр Николаевич Граббе (1864-1947, с 1901 г. ему было дозволено именоваться и графом Граббе-Никитиным) присутствовал при отречении Николая, был довольно близким ему человеком. В 1918-м году семья Граббе успела эмигрировать в Данию. Павел Граббе на английском языке написал мемуары. Первая часть его мемуаров была издана, а вторая застряла на стадии редактуры, т.к. переводчице Н. Карачаровой не показалась очень интересной. Однако одна глава из этой 2-ой части привлекла её внимание. Она называется «Рука Иоанна Крестителя».

** Платон (Кульбуш Павел Петрович, 1869-1919), епископ. Рукоположен во пресвитера в 1894 г. Инициатор строительства в Петербурге эстонской православной церкви во имя Исидора Юрьевского. Благочинный эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии. Хиротонисан во епископа Ревельского, викария Рижской епархии 31.12.1917. Временно управляющий Рижской епархией. Убит большевиками 14.01.1919 в Тарту. Причислен к лику святых на Архиерейском Соборе РПЦ в 2000 г.

*** Временный Епархиальный Совет (встречается название: Временный Епископский Совет) управлял Эстонской Православной Церковью после гибели епископа Платона. В состав Совета входили: священники: Иоанн Паавель, Антоний Лаар, Карп Тизик, Александр Бежаницкий и Николай Пятс. От мирян – Николай Канн, Пауль Сепп и Антон Мянтель.

**** Пауль Сепп (1874-1953) – художник. Образование получил в Петербурге, занимался под руководством И. Репина. В 1919-1920 гг. был в составе Временного Епархиального Совета от мирян. Весной 1920 г. вел переговоры в Москве с Патриархом Тихоном, приведшие к дарованию автономии Эстонской Православной Церкви.

Протоиерей Иоанн Богоявленский в храме свв. Симеона и Анны. Таллинн. 1944 г.

циальное письмо министру внутренних дел Эстонской республике Александру Хеллату* с требованием применения самых радикальных мер против русского православного духовенства.

В числе подлежащих аресту и высылке из страны были в письме названы архиепископ Евсевий (Гроздов)**, про-

* Хеллат Александр (1881-1943), эстонский государственный и политический деятель. В 1919-1920 гг. министр внутренних дел, в 1921-1933 гг. на дипломатической службе, в 1933-1943 гг. государственный судья.

** Евсевий (Евстафий Евсеевич Гроздов, 1866-1929), архиепископ. Рукоположен во священника в 1890 г., овдовел в 1895 г., пострижен в монашество в 1902 г. Хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии в 1906 г. С 1910 г. епископ Тобольский и Сибирский, с 1912 г. Псковский и Порховский. В 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 г. управлял Северо-Западными епархиями России, одновременно = епископ Северо-Западной армии. В 1920-1925 гг. на покое. С 1.12.1925 – архиепископ Нарвский и Изборский.

тоиереи Алексей Аристов***, Василий Чернозерский****, Иоанн Богоявленский и другие. Почти со всех лиц, указанных в списке, были взяты расписки, что они ознакомлены с решением властей и обязаны в 10-дневный срок покинуть страну. Впрочем, полиция не нашла протоиерея Иоанна Богоявленского, который продолжал летом 1920 года служить в храме Рождества Богородицы в Олешницах (Алайые) на побережье Чудского озера³. Благодаря усилиям русской общественности, особенно русского депутата парламента Эстонии А.П.Сорокина****, высылку удалось приостановить, а впоследствии и совсем отменить.

В 1924 – 1939 годах протоиерей Иоанн Богоявленский был членом Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви, в течение многих лет он был благочинным, членом Нарвского епархиального совета. В таллиннский период своей жизни о.Иоанн преподавал Закон Божий в ряде учебных заведений Таллинна, был лектором Русского народного университета в Тарту. Он активно участвовал в работе Русского Студенческого Христианского Движения в Прибалтике, был председателем

*** Аристов Алексей Петрович (1853-1931), протоиерей. В 1878 г. окончил Киевскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. С 1895 г. ректор Рижской Духовной семинарии. С 1909 г. настоятель Александро-Невского собора в Ревеле.

**** Чернозерский Василий Иванович (1868-1940), протоиерей. Окончил Псковскую Духовную семинарию, настоятель Псковского Свято-Троицкого кафедрального собора. В 1919 г. эмигрировал в Эстонию. С 1920 г. настоятель Никольского храма в Таллинне. Участвовал в создании и был председателем Нарвского Епархиального Совета.

***** Сорокин Алексей Павлович (1888-1933), общественный и политический деятель. Член Учредительного собрания, а также Рийгикогу (Парламента) Эстонии I и V созывов. Один из организаторов Русского национального союза.

его Таллиннского отделения, возглавляя делегации на ряде съездов РСХД, руководил работой семинаров.

В 1927 году протоиерей Иоанн Богоявленский выпустил Закон Божий для начальных школ. Учебник был в первую очередь предназначен для преподавания Закона Божия в первых шести классах школ Эстонии.

«Призываю Божие благословение на учебник по Закону Божию от протоиерея Иоанна Богоявленского и желаю ему широкого распространения на пользу подрастающих православных поколений»,⁴ – отметил в предисловии к изданию митрополит Александр (Паулус). С 1930 года о. Иоанн редактировал выходивший в Эстонии журнал «Православный собеседник».

В 1936 году русский приход Таллиннского Александро-Невского собора был переведен в храм свв. Симеона и Анны. Настоятелем собора был назначен протоиерей Николай Пятс*, брат президента Эстонской республики Константина Пятса**, а протоиерей Иоанн Богоявленский

* Николай Пятс (1871-1940), митрофорный протоиерей. Окончил Рижскую Духовную семинарию. В 1899 г. рукоположен во священника. Настоятель храмов Захария и Елизаветы в Яльпина (1904-1918), Симеона и Анны в Таллине (1919-1936) и Александро-Невского собора (1937-1940). Возведен в сан протоиерея в 1920 г.

** Константин Пятс (1874-1956), президент Эстонской республики. В 1898 г. окончил Юридический факультет Тартуского университета, помощник присяжного поверенного Яана (Ивана) Поска (1900-1901), издатель и редактор газеты «Театажа» (1901-1905). Первый премьер-министр и министр внутренних дел Эстонской Республики (февраль 1918), премьер-министр и военный министр (1918-1919), председатель парламента (Riigikogu) (1922-1923), старейшина государства (1921-1922, 1923-1924; 1931-1932; 1933-1934; 1934-1937), с 1938 – президент Эстонии. Арестован НКВД 30.07.1940 и сослан в Башкирию. С 1942 г. – в тюрьме НКВД в Кирове. Скончался в психоневрологической клинике в Калининградской области.

В гостях у схимонаха Николая на Валааме.

О. Иоанн Богоявленский (с наперсным крестом). Сидят: Алексей Ридигер со своим отцом Михаилом Александровичем. 1938 г.

был назначен настоятелем Симеоновского храма. Так был фактически завершен многолетний конфликт, возникший на почве национальной нетерпимости, и предотвращена очередная попытка сноса или перестройки православного храма.

В 1938 году протоиерей Иоанн Богоявленский основал трехгодичные вечерние богословско-пастырские курсы на русском языке, в числе выпускников которых был о. Михаил Ридигер***, отец ныне покойного Святейшего Патриарха Алексия II.

По воспоминаниям митрополита Таллиннского и всея Эстонии Корнилия****, «отличительной чертой характера

*** Ридигер Михаил Александрович (1902-1962). Рукоположен во священника в 1941 г., клирик храма Симеона и Анны, в 1945-1946 гг. ключарь Александро-Невского собора. С 1946 года настоятель храма Рождества Богородицы (Казанская церковь). В 1958 г. возведен в сан протоиерея. Отец Святейшего Патриарха Алексия II.

**** Корнилий (Якоб Вячеслав Васильевич), митрополит Таллиннский и всея Эстонии. Родился 19.06.1924, рукоположен во пресвитера в 1948 г., настоятель храма Марии Магдалины в Хаапсалу. В 1951-1957 гг. клирик Вологодской епархии. В 1957 г. арестован и осужден на 10 лет лагерей, в 1960 г. освобожден, в 1988 г. реабилитирован. В

Нарвский Епархиальный Совет. Слева направо: протоиереи Иоанн Богоявленский, Василий Каменев, Василий Чернозерский (председатель), священник Георгий Алексеев, секретарь Совета Иван Яковлевич Хреновской. 1934 г.

отца Иоанна была его молитвенная сосредоточенность.

Стоя перед престолом, он весь уходил в молитву, а после совершения литургии часто долго оставался в храме один, углубляясь в Иисусову молитву».⁵ Особенно часто это стало происходить после паломничества на Валаам в 1937-1938 годах, где подолгу он беседовал как с простыми монахами, так и с настоятелем обители игуменом Харитоном (Дунаевым)*, а настольной

1960-1990 гг. настоятель храма Иоанна Предтечи в Таллинне. В 1990 г. пострижен в монашество и рукоположен во епископа

* Харитон (Дунаев Хрисанф Николаевич, 1872-1947), игумен. Поступил в Валаамский монастырь в 1894 г., в 1905 г. пострижен в монашество. В 1908 г. хиротонисан во иеродиакона, в 1910 г. во иеромонаха. В 1927 г. избран наместником Валаамского монастыря. В 1933 г. возведен в сан игумена и назначен настоятелем обители. В 1940 г. на территории Финляндии образовал Ново-Валаамский монастырь.

книгой отца Иоанна стала «Умное делание о молитве Иисусовой», написанная настоятелем монастыря.

Отец Иоанн не любил ненужных споров и излишнего шума, но в то же время был очень внимательным к окружающим его людям, к тем, кто к нему обращался за советом. Во время Великого поста прихожане часто приходили исповедоваться к нему домой, где можно было спокойно поговорить, разрешить свои проблемы и получить ответы на вопросы.

В 1940 году Эстонская Апостольская Православная Церковь вошла в состав Русской Православной Церкви как Таллиннская и Эстонская епархия. В 1941 году, после оккупации Эстонии немецкими войсками митрополит Таллиннский и Эстонский Александр объявил о разрыве с Московской Патриархией и нежелании далее починяться митрополиту Сергию

(Васкресенскому)*, экзарху Прибалтики. С этим не согласился епископ Нарвский Павел (Дмитровский)**, как и большинство русского духовенства Нарвской епархии***. Протоиерей Иоанн Богоявленский, возглавляя в трудные военные годы Нарвский Епархиальный Совет, стал одним из ближайших помощников владыки Павла.

В 1943 году протоиерей Иоанн Богоявленский был арестован вместе с протоиереем Георгием Алексеевым**** и группой

прихожан немецкими оккупационными властями за организацию помощи русским военнопленным*****. Впоследствии батюшка вспоминал, что свою книгу «Православный Символ Веры»⁶ он обдумывал в тюремной камере. Это совпало со временем Великого Поста, и тема страданий Христа Спасителя продумывалась особенно глубоко.⁷

В 1946 году, после длительного перерыва, было принято решение вновь открыть Ленинградские духовные академию и семинарию. Начало воссоздания духовных школ было положено открытием 22 ноября 1945 года Богословско-Пастырских курсов.⁸ 1 сентября 1946 года Учебным комитетом при Священном Синоде была утверждена преподавательская коллегия во главе с ректором Академии и семинарии профессором-протоиереем Иоанном Богоявленским.

При назначении о. Иоанна учитывался его богословский и преподавательский опыт. По благословению Святейшего

* Сергей (Вознесенский Дмитрий Николаевич, 1897-1944), митрополит. Окончил Московское Духовное училище. В 1922 поступил в Московский Даниилов монастырь. В 1925 пострижен в монахи. 29.10.1933 хиротонисан во епископа Коломенского, с 10.05.1934 – епископ Бронницкий. С 8.10.1937 – архиепископ Дмитровский, управляющий делами Московской Патриархии. В марте 1941 назначен митрополитом Виленским и Литовским, Экзархом Латвии и Эстонии. Оказавшись на оккупированной немцами территории сохранил верность Московскому Патриархату. Убит в 1944 году.

** Павел (Дмитровский, 1872-1946), архиепископ. Рукоположен во пресвитера 6.05.1896. В 1915-1918 гг. судовой священник. С 1918 г. в Эстонии, священник Нарвского Преображенского собора. 3.10.1937 рукоположен во епископа Нарвского и Изборского. 21.12.1942 возведен в сан архиепископа. 10.04.1945 назначен архиепископом Таллиннским и Эстонским.

*** После вхождения Эстонской Православной Церкви в состав Константинопольского Патриархата в 1924 году Нарвское викариатство Санкт-Петербургской епархии было преобразовано в Нарвскую епархию. Первым правящим архиереем стал архиепископ Евсевий (Гроздов), бывший Псковский и Порховский. После его кончины в 1929-1937 гг. епархией управлял митрополит Александр (Паурус). В 1937-1944 гг. управляющим епархией был епископ Нарвский Павел (Дмитровский). Восстановлена решением Священного Синода РПЦ в 2011 г., управляющий епархией епископ Лазарь (Гуркин).

**** Иоанн (Алексеев Георгий Михайлович, 1892-1966), архиепископ. Окончил Петербургскую Духовную Академию в 1918 г. со степенью кандидата богословия. С 1919 г. в Эстонии. Рукоположен во пресвитера в 1931 г. В 1937 г. возведен в

сан протоиерея. В 1955 г. пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Таллиннского и Эстонского. В 1961 г. назначен архиепископом Горьковским и Арзамаским.

***** 30 марта 1943 года немецкими оккупационными властями были арестованы протоиереи Иоанн Богоявленский и Георгий Алексеев, а также Валентина Русанова, София Серко, Александра Часкина, Александра Рогозкина, Лидия Тоомсалу, Пелагея Прохорова, Евдокия Егорова, Зинаида и Татьяна Соловьевы. Все они были обвинены в том, что 18 и 19 января 1943 года в Ревеле (Таллинне) умышленно нарушали правила общения с военнопленными, утверждённые 11.03.1940. Протоиереи Иоанн Богоявленский и Георгий Алексеев были оправданы судом. Л. Тоомсалу, как организатор сбора помощи пленным, была приговорена к четырем месяцам тюремного заключения. К двум месяцам заключения была приговорена З. Соловьева, остальные прихожане были приговорены к денежному штрафу.

Патриарха Алексия (Симанского)* и под непосредственным руководством митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова)** была составлена учебная программа, в основу которой была положена система образования дореволюционных духовных школ.

Были полностью сохранены преподававшиеся там богословские, философские и церковно-исторические предметы и, кроме того, были введены новые: история религий, история русской религиозной мысли, логика, психология и др. Мыслилось возрождение богословской науки и русской богословской традиции. Удалось привлечь профессоров старых духовных школ: протоиерея Василия Верюжского, Василия Васильевича Четыркина и Александра Ивановича Сагарду, обеспечивших преемство академических традиций⁹. Однако в полном объеме задуманное не удалось осуществить: мешало противодействие властей и неподготовленность части студентов. К началу первого учебного года было закончено оборудование домового церкви Академии, освященной во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова 8 октября 1946 года¹⁰, где начались ежедневные богослужения.

Ректору приходилось решать множество бытовых вопросов, связанных с прожива-

* Алексей (Симанский Сергей Владимирович, 1877-1970), Патриарх Московский и всея Руси 1945-1970 гг. Рукоположен во епископа Тихвинского 28.04.1913. В 1933-1945 гг. – митрополит Ленинградский и Новгородский.

** Григорий (Николай Кириллович Чуков, 1870-1955), митрополит. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1895 г. со степенью кандидата богословия. В 1924-1935 гг. настоятель Николо-Богоявленского собора в Ленинграде. С 1927 г. магистр богословия. 14.10.1942 хиротонисан во епископа Саратовского, в 1944-1945 гг. архиепископ Псковский и Порховский. С 7.09.1945 митрополит Ленинградский и Новгородский. В 1946-1947 гг. и 1949-1950 гг. управлял Эстонской епархией.

нием студентов в трудное послевоенное время. Была организована столовая на 70 человек с трехразовым питанием; общежитие; библиотека, в которой к началу 1947 года насчитывалось более 10 тысяч томов. Для малоподготовленных студентов были организованы дополнительные занятия по пению, церковно-славянскому языку, уставу и многое другое.

Торжественное открытие Ленинградской Духовной Академии и семинарии состоялось 14 октября 1946 года в присутствии Святейшего Патриарха Алексия. На торжественном акте митрополит Григорий определил назначение возрождающихся школ: «Теперь, как никогда в прошлом, православному пастырю необходима сила богословских знаний, накопленная в неисчислимых трудах прежней духовной школы. Воспринять это богатое наследие с тем, чтобы пустить его в жизненное обращение».¹¹

Отец Иоанн был ректором академии и семинарии очень короткое время. В декабре 1946 года скончалась его супруга Мария Николаевна, и указом Святейшего Патриарха Алексия (Симанского) и Священного Синода он был назначен, учитывая большой опыт служения в Эстонии, архиереем на вакантную Таллиннскую кафедру. Одной из причин перевода о. Иоанна в Эстонию, видимо, было желание властей избавиться от человека, который долго жил за пределами Советского Союза. Перед назначением протоиерея Иоанна Богоявленского Ленинградскому уполномоченному А. И. Кушнареву поступило следующее донесение секретаря Богословско-пастырских курсов: «В эмиграции о. прот. Богоявленский был выразителем монархических убеждений, писал книги, составлял учебники, сотрудничал в Епархиальном Совете... был награжден двумя орденами Митрополита Платона, учрежденных в знак протеста Советской

власти, как религиозной угнетательницы, и хотя держался Московской ориентации, но воспринимал Россию в эмигрантском аспекте»¹². Вторая причина перевода была чисто формальной: на Пасху 1947 года в здании Академии, сильно поврежденном во время блокады, обрушилась лестница, на которой стояли пришедшие на богослужение люди. В результате, более тридцати человек получили травмы различной тяжести и были госпитализированы. Было проведено расследование, и ответственность за это была частично возложена на ректора.

12 июня 1947 года протоиерей Иоанн Богоявленский был пострижен в монашество с именем Исидор, в честь священномученика Исидора, пресвитера Юрьевского, единственного прославленного в те годы святого Эстонской земли.

Накануне рукоположения при наречении архимандрит Иоанн отметил трудности предстоящего служения в Эстонии: «Тяжелая для архипастырского делания та часть Российской Православной Церкви, которая ныне поручена мне Спасителем. Территория моей будущей епархии является местом встречи разных исповеданий православия и лютеранства, разных национальностей – русских и эстонцев, и представляет собой окраину нашего Государства; нелегко будет собирать плоды в этом винограднике, и не раз собирающая рука покроется колючками, терниями и ранами. Но моим вождем в предстоящей мне архипастырской деятельности является мой небесный покровитель священномученик Исидор».¹³

Хиротония архимандрита Исидора во епископа Таллиннского и Эстонского состоялась 22 июня 1947 года в Ленинградском Николо-Богоявленском кафедральном соборе. Ее совершили Святейший Патриарх Алексий (Симанский), митрополит Ленинградский и Новгородский

Епископ Исидор (Богоявленский). 1947 г.

Григорий (Чуков) и епископ Лужский Симеон (Бычков)*. «Добрый пастырь бдит над тем, чтобы никто не напал на его стадо, никто бы не обидел его овец. Стань и ты на защиту нищего, оскорбляемого, унывающего...»¹⁴, – сказал Св.Патриарх Алексий при вручении новопоставленному епископу Исидору архиерейского жезла. И владыка все делал для упорядочения пастырского окормления приходов своей епархии после потрясений военного времени.

* Симеон (Бычков Сергей Иванович, 1882-1952), епископ. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию в 1908 г. Рукоположен во пресвитера в 1912 г. Неоднократно арестовывался и находился в заключении. 30.03.1947 хиротонисан во епископа Лужского, викария Ленинградской епархии. С 1948 г. ректор Ленинградской Академии и семинарии.

Епископ Исидор в Александро-Невском кафедральном соборе в Таллинне. 1948 г.

Основной задачей было не допустить угасания церковной жизни в сельских приходах. Большинство храмов нуждалось в ремонте, а собственных средств не хватало. Епископ Исидор обратился с просьбой о помощи к Святейшему Патриарху Алексию. На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 10 июля 1947 года было принято решение о выделении Эстонской епархии до 1 января 1948 года ежемесячно по 30 тысяч рублей на ремонтно-восстановительные работы. Владыка добился освобождения епархии от установленных денежных взносов на общецерковные нужды, средства были направлены на помощь нуждающимся приходам. Епархиальное управление оплачивало страховку церковных зданий, земельный налог, покрывало священнослужителям дорожные расходы. Студенты из Эстонии, по ходатайству епископа Исидора, бесплатно обучались в духовных семинариях и академиях Русской Православной Церкви, а после принятия священного сана направлялись на различные приходы Эстонской епархии. Епископ Исидор добился выплаты пенсий престарелым и больным священнослужителям за счет средств центрального пенсионного фонда Церкви.

«Продолжателем лучших пастырских и духовно-просветительских традиций, сделавшим все возможное, дабы внести ощу-

тимый вклад в возрождение жизни Русской Православной Церкви», – так написал о епископе Исидоре Патриарх Алексей II в своей книге «Православие в Эстонии»¹⁵.

В послевоенный период взаимоотношения властей и Церкви были терпимыми, государство старалось демонстрировать доброжелательное отношение к Православной Церкви. Уполномоченный по делам Русской Православной Церкви Н. Б. Корсаков иногда даже поддерживал интересы епархии. С его помощью решались вопросы, связанные с ремонтом храмов. В то же время необходимо отметить, что была завершена национализация церковного имущества, однако Церкви фактически были оставлены храмы, утварь и в некоторых случаях приходские дома.

Несмотря на старания владыки Исидора не все православное духовенство Эстонии поддерживало епископа Таллиннского и Эстонского. Проблемы были отмечены Уполномоченным по делам Русской Православной Церкви по Эстонии Корсаковым: «Благочинные и священники сельских местностей еще не знают своего епископа и изъявляют желание видеть его у себя, но епископ не выезжает в уезды для изучения духовенства и ознакомления с жизнью приходов («тяжел на подъем»). Есть священники, которые ненавидят епископа и не являются даже по вызову».¹⁶

Скоропостижная смерть владыки наступила в результате кровоизлияния в мозг в середине дня 18 декабря 1949 года. Покойный владыка до 3 часов дня был в прекрасном настроении духа, читал бумаги, вечером собирался служить в Никольском храме на улице Вене. Но в 3 часа он почувствовал себя плохо и был уложен в постель. Вызванные два врача приняли все необходимые меры, но ничего не могли сделать. Когда прибыл третий врач, постоянно лечивший епископа Исидора, владыка был уже без сознания. В этом состоянии он и

скончался. Смерть последовала от кровоизлияния в мозг.

Председатель Эстонского Епархиального Совета протоиерей Георгий Алексеев направил срочную телеграмму о кончине архипастыря Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию. На следующий день Патриарх ответил: «Скорблю о неожиданной кончине Пресвященного Исидора. Выражаю глубокое соболезнование духовенству и пастве. Совершить погребение поручено Митрополиту Григорию, ему же – временное управление епархией. Патриарх Алексей»¹⁷. Святейший Патриарх очень интересовался обстоятельствами кончины владыки Исидора и

состоянием дел и будущим Православия в Эстонии.

Заупокойная литургия и отпевание епископа Исидора были совершены в Таллинском Александро-Невском соборе 22 декабря. Проводить архипастыря в последний путь собрались многие клирики епархии, духовные чада владыки Исидора, многочисленные прихожане. Отпевание почившего совершил митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков).

Погребен епископ Исидор был на Александро-Невском кладбище в Таллинне рядом со своим предшественником по кафедре архиепископом Павлом (Дмитровским).

Summary

The first head of Leningrad Theological Seminary and Academy after their re-establishment in the Soviet Union after World War II was archpriest Johann Bogoyavlensky, later Isidor, the Bishop of Tallinn and Estonia.

John Bogoyavlensky was born in 1879. He graduated from Saint Petersburg Theological Academy in 1904 with Theology Ph. D. degree. He was ordained a priest in 1905. Johann Bogoyavlensky served in Yamburg and Kronstadt. In 1912 priest became the dean of St. Paul's Cathedral in Gatchina. He prepared a number of articles for scientific journals, participated in establishing «Orthodox encyclopaedia».

In 1919, archpriest Johann Bogoyavlensky migrated to Estonia and brought some shrines relating to the Order of Malta. John Bogoyavlensky was a member of the Synod of Estonian Apostle Orthodox Church for many years and taught Theology at some educational institutions of Tallinn.

In 1946, it was decided to re-establish Leningrad Theological Academy and Seminary, Johann Bogoyavlensky was appointed as Rector of the Academy. On the 12th of June 1947, archpriest John Bogoyavlensky was tonsured a monk with the name of Isidor. On the 22nd of June 1947 he was ordained bishop of Tallinn and Estonia. Bishop Isidor died on the 18th of December 1949.

Reference list

- 1 Õigeusu hingekarjased Eestimaal. Tallinn. 2002. L.51.
- 2 Arhiv Sankt-Peterburgskoj eparhii, F. 2, Op. 3, D. 49.
- 3 Isakov S.G. «K istorii konflikta v Pravoslavnoj Cerkvi Jestonii». Baltijskij arhiv. Russkaja kul'tura v Pribaltike. IX. Vil'njus. 2005. S 144.
- 4 «Zakon Bozhij dlja nachal'nyh shkol s 61 risunkom i kartoj Palestiny. Sostavil protoierej Ioann Bogojavlenskij magistr bogoslovija». Tallinn (Revel'). 1927.
- 5 Mitropolit Tallinskij i vseja Jestonii Kornilij «O moem puti» Tallin, 2009. S.71-72.
- 6 Ioann Bogojavlenskij, prot. «Pravoslavnyj Simvol Very. Ch. I». Tallin, 1939.

- 7 Mitropolit Tallinskij i vseja Jestonii Kornilij «O moem puti» Tallin, 2009. S.72.
- 8 Sorokin Vladimir, prof.-prot. Ispovednik. Cerkovno-prosvetitel'skaja dejatel'nost' mitropolita Grigorija (Chukova). SPb. 2005. S. 428.
- 9 Bogoslovskie trudy. Sbornik, posvjashhennyj 175-letiju Leningradskoj Duhovnoj Akademii. M. 1986. S. 24.
- 10 Zhurnal Moskovskoj Patriarii (ZhMP) 1946, # 10. S. 6.
- 11 ZhMP 1946, # 10. S. 6.
- 12 Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb), F. 9324, Op. 2, d. 4, l. 11-11ob.
- 13 ZhMP 1947, # 6. S. 11.
- 14 ZhMP 1947, #7. S. 55-36.
- 15 Aleksij II Patriarh Moskovskij i vseja Rusi. «Pravoslavie v Jestonii». Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaja jenciklopedija». M., 1999. S. 437.
- 16 Otchet o sostojanii i dejatel'nosti RPC po JeSSR ot 2 ijulja 1948 goda. Eesti Riigiarhiiv ERA. R.-1961.2S.11.L40-41.
- 17 Arhiv Jestonskoj Pravoslavnoj Cerkvi Moskovskogo Patriarhata.

Наталья Большакова-Минченко (Латвия)
Natalia Bolshakova-Minchenko (Latvia)

Жизнь, сокрытая в Боге: Архимандрит Виктор (Мамонтов)

A life hidden in God: Archimandrite Victor (Mamontov)

Статья посвящена светлой памяти недавно почившего православного священника-монаха, отца Виктора Мамонтова (1938–2016), церковное служение которого проходило в маленьком городке Карсава (Латвия).

Но знали, любили и ценили о. Виктора не только православные, но и католики, и лютеране в Латвии и в других странах мира. В статье содержится биография, этапы формирования и служения о. Виктора; в ней прослеживается путь В. Мамонтова с детства, путь человека, родившегося и жившего в СССР, – от доцента-филолога, преподавателя Московского педагогического института, до призвания на церковное служение. Бросив успешно развивающуюся карьеру, он уходит в неизвестность ради осуществления монашеского и священнического призвания, преодолевая многие препятствия, чинимые безбожной властью. Помогает ему в этом митрополит Рижский и Латвийский Леонид (Поляков).

Отец Виктор как пастырь продолжил жертвенное служение отцов-старцев архим. Тавриона (Батозского), архим. Серафима (Тяпочкина) и других исповедников Русской Православной Церкви, создав и свидетельства-жизнеописания подвижников XX столетия.

8-го ноября 2016 года, после продолжительной тяжелой болезни, в больнице г. Резекне, на 79-м году жизни скончался бывший настоятель храма прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве (Латвия) архимандрит Виктор (Мамонтов). Перед кончиной отец Виктор причастился Святых Христовых Тайн.

12 ноября 2016 года в храме прп. Евфросинии, игумении Полоцкой, в г. Карсаве было совершено отпевание новопреставленного архимандрита Виктора.

Вечером 8-го ноября отца Виктора во гробе привезли в родной храм, где он прослужил почти 30 лет, и всё время – до дня отпевания – храм был открыт и кру-

Архимандрит
Виктор (Мамонтов), 2000 г.

гласуточно не прекращалась молитва, не-престанно читалось Четвероевангелие. На чтение Священного Писания приезжали священники с окрестных приходов, а также духовные чада архим. Виктора, желавшие принять участие в чтении и молитвах о своём духовном отце.

Перед началом отпевания соборным служением, которое возглавил благочинный Резекненского и Мадонского округов протоиерей Виктор Теплов, была совершена Божественная литургия, к началу которой маленький деревянный храм был наполнен верующими, съехавшимися не только из всех городов и уголков Латвии, но и из Москвы, С.-Петербурга, Нью-Йорка, Иерусалима и других городов.

По окончании литургии началось отпевание при стечении еще большего количества народа. Храм был полон священнослужителей и мирян – не только православных, но и католиков, и лютеран, – и не смог вместить всех желающих присутствовать на отпевании архимандрита Виктора и проститься с ним. При пении погребальных стихир происходило прощание с почившим батюшкой, которое длилось около двух часов.

Обойдя с гробом вокруг церкви, похоронная процессия направилась на Карсав-

ское городское кладбище, где отец Виктор и был похоронен после завершения чина отпевания.

Все, кто был на отпевании и погребении, были приглашены на поминальную трапезу, во время которой люди вспоминали отца Виктора словами, полными благодарности и любви.

* * *

Архимандрит Виктор (в миру Виктор Авраамович Мамонтов) родился 10 сентября 1938 года в селе Новый Ямполь, Зейского района Амурской области РСФСР. Его отец – Авраам Никитич Мамонтов, 1899 года рождения, был директором школы в Приморье. Он был репрессирован и умер в лагере в 1943 году. Его мать – Вера Дмитриевна Мамонтова, 1902 года рождения. Венчались родители в Благовещенске; в браке у них родились девять детей. В детстве Виктор крещен не был.

Вера Дмитриевна последние годы жизни провела в Южно-Сахалинске, где и скончалась в 1993 году.

После окончания школы в 1955 году Виктор поступил в Южно-Сахалинский педагогический институт на факультет русского языка и литературы, по окончании которого в 1960 году работал учителем, а позже директором деревенской школы Сорокопадского района.

С 1962 по 1965 год учился в аспирантуре Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина у профессоров Ивана Григорьевича Клабуковского, Алексея Васильевича Терновского, Бориса Ивановича Пуришева и в 1965 г. защитил диссертацию на тему «Драматургия А. Н. Арбузова», получив степень кандидата филологических наук; преподавал на кафедре литературы в Южно-Сахалинском педагогическом институте; был корреспондентом сахалинской газе-

ты «Молодая гвардия», затем переехал в Москву и в должности доцента работал в МГПИ, преподавая русскую литературу до 1978 года, когда В. Мамонтов решил оставить филологическое поприще и посвятить себя иноческому, пастырскому служению.

Призвание к монашеству Виктор Мамонтов впервые ощутил, побывав в 1975 году в Почаевской лавре, почувствовав себя, по его собственным словам, «не на земле, а на небе»¹. В 1979 году он стал послушником в Свято-Успенской лавре (г. Почаев, Украина), пел и читал на клиросе, проводил экскурсии в монастыре, выполнял обязанности помощника секретаря Духовного собора, желая принять в Лавре монашеский постриг и остаться здесь навсегда. Но 12 июля 1980 года, в день апостолов Петра и Павла, В. Мамонтов вынужден был покинуть Лавру, так как из-за ужесточения паспортного режима перед Олимпийскими играми, впервые проходившими в СССР, власти лишили его прописки в г. Почаеве. Поводом к этому послужили его высшее образование, кандидатская степень и оставленное им поприще преподавателя московского ВУЗа ради ухода в монастырь.

Оказавшись в столь трудной и даже опасной ситуации: изгнан из монастыря, ни работы, ни прописки, власти в любой момент могут обвинить в тунеядстве, что грозило тогда судом, высылкой, непредсказуемыми последствиями – Виктор Мамонтов поехал за советом к старцу архимандриту Серафиму (Тяпочкину, 1894-1982), настоятелю Свято-Николаевского храма в селе Ракитное Белгородской области, куда часто приезжал владыка Леонид (Поляков, 1913-1990), так как отец Серафим был его духовником. Хотя владыка Леонид и сам был духовником старца – отец Серафим всегда желал открыть душу любимому архипастырю. После беседы с Виктором отец Серафим направил его в Ригу с сопроводительным письмом к митрополиту Риж-

Виктор Мамонтов до пострига

скому и Латвийскому Леониду (Полякову), сказав, что владыка Леонид будет ему как отец². Так и случилось. Владыка принимает решение рукополагать В. Мамонтова во иерея, прекрасно понимая, как трудно будет добиться разрешения от Уполномоченного Совета по делам религии, и начинает продвигать столь «неподходящую» кандидатуру через все препятствия. Виктора он отправляет в Спасо-Преображенскую пустынь – подальше от внимания властей, а сам начинает готовить его рукоположение. В Пустыньке В. Мамонтов не только молился, но и трудился. Вокруг Спасо-Преображенского каменного храма нужно было положить бетонные плитки. Виктор быстро научился работать на бетономешалке, заливая раствором ячейки будущих плит, утрамбовывал их; впоследствии, приезжая в Пустыньку, о. Виктор с удовольствием вспоминал то время, ходил по этим плитам. На Преображение – престольный праздник Пустыни – приехал служить митр. Леонид. После причащения, у креста, владыка сказал Виктору, что ждет положительного решения. И уже накануне праздника Успения алтарница, старенькая монахиня Нектария, передала Виктору просьбу Владыки приехать к нему.

В Риге Виктор Мамонтов подал прошение на имя митрополита Леонида о рукоположении его в священник сан. Духовник Почаевской лавры архимандрит Алфей (Романюк) в своем письме Высокопреосвящен-

нейшему Леониду (Полякову), митрополиту Рижскому и Латвийскому, от 10 июля 1980 года охарактеризовал В. Мамонтова, как глубоко верующего христианина, который всегда был на молитве, исповедовался и причащался Святых Христовых Тайн.

И в воскресенье, 31 августа за Божественной литургией в Рижском кафедральном Свято-Троицком соборе Виктор Авраамович Мамонтов был рукоположен митрополитом Леонидом в сан диакона, а через неделю, 7-го сентября 1980 г., в сан иерея к храму святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, г. Тукумса. В 1981 г. отец Виктор поступил на заочное отделение Московской Духовной семинарии, которую закончил в 1986 г.

12 февраля 1982 года в своей домово́й церкви преподобного Серафима Саровского в Рижском женском монастыре митрополит Леонид постриг в мантию о. Виктора Мамонтова, оставив имя Виктор, но сменив святого: в честь младенца мученика Виктора (251 г.); память его совершается на следующий день, 13 февраля. Отец Серафим (Тяпочкин) хотел, чтобы имя о. Виктора в монастыре было Мелетий, – святой, мощи которого находятся в Харьковском кафедральном соборе, но Владыка оставил прежнее имя, только переменил святого.

1-го апреля 1982 г. (согласно указу митрополита Рижского и Латвийского Леонида) отец Виктор был освобожден от должности настоятеля храма в г. Тукумсе и назначен настоятелем церкви прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве, с обслуживанием приходов: Свято-Троицкого в деревне Гольшево, Покровского в деревне Пудиново и вмч. Димитрия Солунского в Квитайне (дер. Деглёво).

На Пасху 1984 г. иеромонах Виктор (Мамонтов) святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом (Извековым) был награжден правом ношения наперсного креста; 19 февраля 1985 г. был возведен в

сан игумена; на Рождество Христово 1987 г. святейшим Патриархом Пименом возведен в сан архимандрита. По благословению митр. Леонида (Полякова) отец Виктор был духовником Рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря.

С 11 декабря 2011 г., в связи с резким ухудшением состояния здоровья, отец Виктор не мог больше служить; ему предоставляется длительный отпуск, а окормление храма в Карсаве было возложено на священника Алексия Виноградова.

* * *

Такова фактическая биография, жизненная канва, внешне ничем, как будто, особенно не примечательная. Внутренняя сокровенная жизнь монаха с того момента, как он умер для мира, по слову апостола Павла, сокрыта со Христом в Боге.³

Отрочество и юность Виктора Мамонтова прошли в Южно-Сахалинске, где в те годы не было ни одного храма. Но, по свидетельству одной его знакомой, знавшей Виктора еще в период его преподавания в Южно-Сахалинском педагогическом институте, о. Виктор признался ей, – когда она приезжала навестить его в г. Карсаву, – что начало его тайного воцерковления (духовного пути) восходит к тем далеким южно-сахалинским временам.⁴

Занятия литературой, конкретно, наследием Максимилиана Волошина, чьим творчеством он собирался серьезно заниматься, писать о нем диссертацию, привели Виктора в Коктебель, в Дом Поэта (как называли его современники Волошина), где его вдова, Мария Степановна Волошина, бережно сохраняла архив мужа. Мария Степановна, проникнувшись симпатией к Виктору, видя его глубокий интерес к литературе, к Серебряному веку, обратилась к Анастасии Ивановне Цветаевой с просьбой помочь молодому филологу в Москве.

Но, наверно, не только о Волошине и поэтах Серебряного века говорили они. В 1971 году Виктор стал христианином, и крестной матерью его была Анастасия Ивановна, познакомившая Виктора с отцом Дмитрием Дудко, тайно крестившим 33-летнего Виктора Мамонтова у себя дома. Анастасия Ивановна сделала своему крестнику бесценный подарок: рукописный молитвослов. Купить молитвослов тогда было невозможно, и Анастасия Ивановна собственноручно переписала его для Виктора. Дружба их продолжалась до самой кончины Анастасии Ивановны (1993 г.), этой подлинной христианки, можно сказать, монахини в миру.⁵

Продолжая преподавать, ведя курс по русской и советской литературе, молодой педагог старался обратить внимание своих студентов – будущих учителей – на вечные ценности, раскрывая духовную составляющую литературных произведений, говоря о нравственности, добре, красоте. Его студенты были ему очень дороги, и многие, чутко воспринимая слово преподавателя, помнили его всю жизнь и считали, что именно его лекции открыли для них путь веры⁶. Хотя, разумеется, в пединституте им. Ленина в 70-е гг. XX века доцент-филолог не мог говорить о Боге. Но это была проникновенная проповедь будущего пастыря, когда он делился богатством своего внутреннего мира, меняя тем самым своих студентов. Это был тот исток, в котором из преподавательского поприща В. Мамонтова берет начало священническое служение отца Виктора, воплотившее полностью его призвание служить Богу и человеку.

Но вряд ли тогда кто-либо из его студентов мог представить себе, что после Москвы и столичного ВУЗа главным местом и жизни и служения для В. Мамонтова, до конца его дней, станет захолустный маленький городок (3 тыс. жителей) в бедной небогатой Латгалии – приграничной

с Россией области Латвии, и запущенный, нуждавшийся в срочной реставрации и капитальном ремонте, храм.

Краткая история возникновения православной общины в Карсаве такова: ее основали в 1911 г. латышский миссионер отец Пётр Лепиньш и местный адвокат Г. Тимьянс. Временный храм устроили в школе, и стали собирать по всей России средства для строительства домов священнослужителей. Собрали 25 тысяч рублей, 15 тысяч отпустила царская казна. Началась Первая мировая война, потом революция, но жизнь православной общины не прерывалась, и в 1917–1918 гг. настоятель карсавского прихода отец Александр Вицкоп передал свой дом, приспособив его под церковь, и освятил ее в честь прп. Евфросинии Полоцкой.

В 1932–1938 гг. при настоятеле отце Дмитрии Захарове храм обшили досками, были перестроены колокольня и купол.

Когда о. Виктор (Мамонтов) был назначен настоятелем церкви прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве, здесь не было даже колоколов (их еще во время Второй мировой войны реквизируют фашисты на военные нужды). Колокол заменял стальной рельс (било). Иконостас сплошь состоял из бумажных икон; алтарь был ветхий, с дырами и щелями; стены, потолок, пол были выкрашены масляной краской, в церкви было трудно дышать. Средств, конечно, не было никаких.

В 1985 г. отец Виктор начал обновление и реконструкцию храма. Переделали алтарь, псковские мастера потрудились над резной колокольней и покрыли купол серебристым лемехом из осины. Церковь очистили от краски, сняли со стен фанеру. Храм задышал.

После реконструкции в духе традиций храмовой деревянной архитектуры церковь в Карсаве стала одной из красивейших в Латгалии.

Церковь прп. Евфросинии
Полоцкой в г. Карсае

Интерьер церкви прп. Евфросинии
Полоцкой с иконостасом

Архитектура ее нетипична для Латвии, она, скорее, похожа на старинные деревянные храмы русского Севера XIV – XV веков.

Наружные стены храма – цвета старого меда, деревянная резная колоколенка, резной кокошник над входом. Интерьер храма тоже своеобразный, – в нем все деревянное: стены из тесаных бревен, пол – из некрашенных досок, дубовые скамьи вдоль стен. Над реконструкцией интерьера храма работали псковские, московские и рижские мастера. Свечной ящик с художественной резьбой, резные аналои сделал мастер из Риги Владимир Ткаченко; деревянные резные колонны – подарок московских архитекторов, иконостас тоже ставили москвичи – ученики иконописца архим. Зинова (Теодора) во главе с мастером Ильей Кручининым – иконописцем, резчиком по дереву. Он вырезал тябло, а ученики писали иконы. Все время работы жили тайно на хуторе у старосты Пудиновского храма, спали на сеновале. Иконы устанавливали по ночам, избегая излишнего любопытства. Две иконы Деисусного чина – Господь Вседержитель и Иоанн Предтеча – написаны иконописцем архимандритом Зиномом (Теодором), третья икона Деисусного чина «Богоматерь у креста» написана иконописцем отцом Андреем Давыдовым; иконы апостолов, архангелов, святых по обе стороны от Деисуса написаны учени-

ками архимандрита Зинова; образ Спаса Нерукотворного справа от Царских врат написан о. Зиномом, а остальные иконы местного ряда и Царские врата – его учениками. Храмовая икона прп. Евфросинии Полоцкой написана о. Зиномом.

В этой иконе находится частица мощей преподобной Евфросинии, подаренная настоятельницей Пюхтицкого монастыря (Эстония) схигуменьей Варварой (Трофимовой, 1930–2011) архимандриту Виктору, с которым у нее была многолетняя духовная дружба и молитвенная связь.

Очень важной для интерьера и всего облика храма явилась работа псковских кузнечных дел мастеров, благодаря которым появилась дверь с коваными навесами и такими же дверными ручками; красивая кованая дверная решетка у внутренней двери; кованые узорчатые решетки на окнах и подсвечники. Среди мастеров – известный Всеволод Петрович Смирнов, выковавший крест на могилу Анны Ахматовой на Комаровском кладбище под С.-Петербургом. В алтаре находятся необычные кружевные фарфоровые лампы работы дочери В. П. Смирнова – Лидии.

Так сформировался уникальный по красоте и стилю интерьер церкви прп. Евфросинии Полоцкой (а ведь изначально – это бывший дом священника, приспособленный под церковь), где нет ничего лишнего, случайного, искусственного.

И постепенно скромный, казалось бы, храм в г. Карсаве стал притягивать людей своей целостной проповедью Благой Вести, свидетельствовавшей об Истине, и красотой православного богослужения, совершаемого о. Виктором благоговейно и всегда полным чином, независимо от числа молящихся, и образной цельностью храма, сразу настраивающей входящего на тишину, созерцание красоты и помогающей «всякое ныне житейское отложить попечение». Ведь Церковь проповедует одновременно и словом, и образом, недаром Отцы Церкви ставили икону наравне с проповедью. Икона, как и весь облик храма, является составной частью богослужения, как и церковное пение, архитектура, обряд.

Среди паломников, приехавших в г. Карсаву, (которых с годами становилось все больше, а география их – все шире), были не только православные, не только христиане, а и люди, интересующиеся искусством живописи, иконописью, так как творчество иконописца архим. Зинова давно известно не только в России и в странах бывшего СССР, но и в Западной Европе и в Америке. В Латвии более ста православных приходов, среди них есть прекрасные большие соборы, есть почитаемые иконы, но ни в одном храме нет работ лауреата Государственной премии России «архимандрита Зинова, одного из лучших иконописцев нашего времени» (слова Патриарха Московского и все Руси Алексия II, произнесенные во время обнародования копии-реконструкции древнейшей иконы Божией Матери Владимирской, выполненной о. Зином по заказу Третьяковской галереи и благословению его Святейшества Алексия II летом 1995 года).

В 2004 г. отец Зинов написал и сам привез в Карсаву еще один свой подарок приходу – икону Воскресения Христова с пеленами.

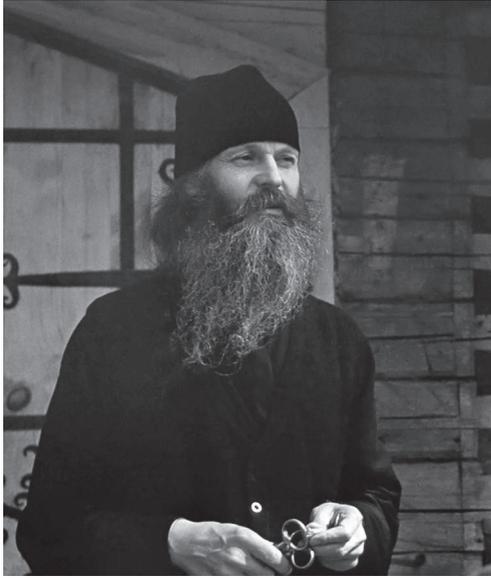

Архим. Виктор (Мамонтов) и архим. Зинов (Теодор) перед церковью прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве (2004 г.)

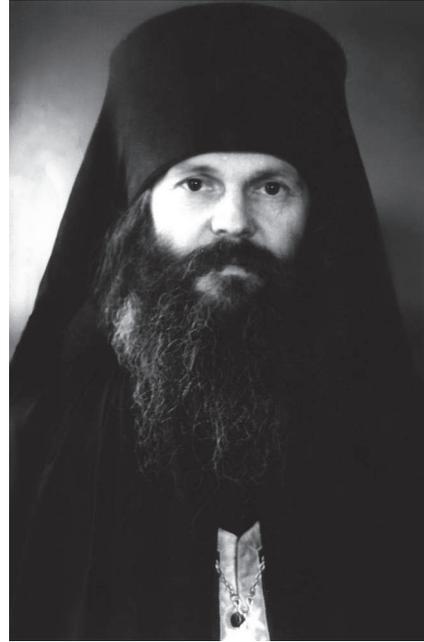

Архим. Виктор (Мамонтов) и архим. Зинов (Теодор) во время общения с прихожанами в церкви прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсаве (2004 г.)

Нельзя не сказать о том, что многие из христиан других конфессий (и католиков, и лютеран), привлеченных в Карсаву глубиной и полнотой молитвы и проповеди пастыря, неповторимым обликом и иконостасом храма прп. Евфросинии Полоцкой, переходили в православие (в том числе, много латышской молодежи и интеллигенции, даже дипломированные теологи), изучали литургию, Священное Писание, воцерковлялись, становились активными прихожанами, хотя отец Виктор, с любовью и открытостью сердца принимавший

Архимандрит Виктор (Мамонтов), 1988-1989 гг. Фотография из архива Дм. Трубецкого

Иеромонах Виктор (Мамонтов), 1982 г. Фотография из архива Дм. Трубецкого

всякого человека, приехавшего в общину, независимо от его взглядов, убеждений, национальной или конфессиональной принадлежности, никого «не переманивал», прозелитизмом не занимался. Но каждый человек чувствовал, что он здесь нужен, интересен, что к нему относятся с уважением, что о нем заботятся.

Отец Виктор считал, что в приходах, в которых есть латыши и русские, богослужение должно идти на двух языках, а там, где латыши преобладают, надо служить на латышском языке.⁷ То, что отец Виктор, не зная латышского языка, ввел в богослужение возгласы на латышском языке, прошения в ектеньях и т.д., говорит о его уважении к христианской традиции латышского народа, к людям, находящимся в храме, для которых родной язык – латышский. И, конечно, это помогало сближению русских и латышей, преодолению накопившихся исторически взаимных обид, а также способствовало повышению в Латвии авторитета Православной Церкви.

Немало и тех ценителей иконописи, приехавших, чтобы увидеть иконостас работы знаменитого мастера и его школы, в общине прп. Евфросинии Полоцкой, порой, незаметно для себя, становились верующими, принимали крещение и начинали жить новой – духовной жизнью. Опять же, их никто «не агитировал» словами, их убеждало что-то другое...

Таким образом, миссионерское служение архим. Виктора (Мамонтова) и созданной им церковной общины трудно переоценить, учитывая и особенности страны – Латвии, и все растущую секуляризацию общества в целом.

В то же время, благодаря любви и открытости отца Виктора, его пониманию вселенской природы Церкви, основанной Христом в Иерусалиме и рожденной в Пятидесятницу, православные в Латвии не оказались в полной изоляции. Отец Виктор, следуя за своими наставниками

В центре: архимандрит Зинон и архимандрит Виктор; стоят: Илья Спивак (чтец и псаломщик из Карсавы), Анатолий Николаевич Федотов (староста прихода прп. Евфросинии из Карсавы), (?). Псково-Печерский монастырь, 1991 г. Фотография из архива Дм. Трубецкого

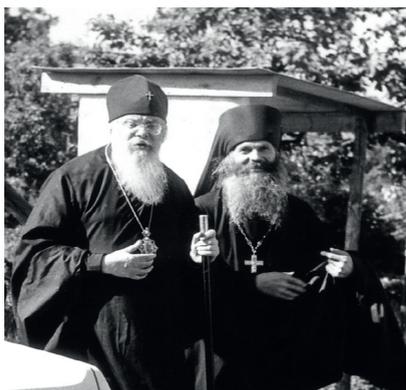
старцем Таврионом, митрополитом Леонидом, был в братском общении, молитве и диалоге с духовенством и мирянами разных христианских общин Латвии.

Если попытаться охватить 30-летнее священническое служение о. Виктора, то можно увидеть, что главным для него, как для пастыря, было соби́рание верующих в общину, в духовную семью, воцерковление христиан, их сознательное соучастие в таинствах Церкви, понимание мирянами смысла Евхаристии⁸. В храме прп. Евфросинии Полоцкой постепенно сложилась традиция народного пения, а не клиросного. Молящиеся пели всю литургию от начала до конца под руководством тех членов общины, которые знают Устав; все учились читать на церковно-славянском языке, – и не было ни платного псаломщика, ни платного хора. И когда вся церковь молитвенно поет *Старосимоновскую Херувимскую песнь*, или *Верую* и *Отче наш*, то даже впервые пришедший на службу в карсавский храм человек, попав в такую молитвенную атмосферу, не может остаться равнодушным,

не может безучастно стоять «сам по себе», как, к сожалению, часто бывает в наших церквях, потому что мирянам запрещают петь на богослужениях (тем самым запрещая молиться), – только *Верую* и *Отче наш* разрешают, а все остальные молитвы поет наемный хор, часто далекий от совершенства – и в музыкальном, и в молитвенном отношении.

Литургический опыт служения о. Виктора явился примером преодоления такого искажения церковного сознания. Батюшка был убежден, что в церкви не должно быть ставок на яркую личность, но что священнику, возглавляющему общину, необходимо иметь православное понимание природы Церкви, верное церковное сознание, не уклоняющееся от истины, и своей личной жизнью он должен свидетельствовать о Христе.⁹

Отец Виктор с болью говорил, что «совершая Евхаристию без причастников, – порою сам не допуская желающих участвовать в ней, как это нередко бывает у нас, например, на Пасху, – предсто-

Владыка Леонид и отец Виктор во дворе дома, где жил о. Виктор в г. Карсаве, 1985 г. Фото Владимира Моисеева

ятель занимается самопричащением, которое разрушает смысл таинства. Тайная Вечеря без апостолов немислима. [...]

Священнодействие совершается на Евхаристии не личной молитвой, а когда все вместе собираются в Церковь, все молятся, все сознательно и реально участвуют в священнодействии. Предстоятель должен молиться не вместо народа, а вместе с народом».¹⁰

Те, кто знали отца Виктора, могут сказать, что он отличался добротой, сердечностью, ласковостью, заботой о других, отсутствием тщеславия и эгоизма, чистотой, искренностью и простотой в общении. С бесконечным терпением и уважением относился он ко всем людям. Не был авторитарен, можно было свободно высказать свое мнение, вести диалог, не надо было подстраиваться под мнение батюшки. В этом во всем тоже была его проповедь – воспитание прихожан собственным обликом, культурой общения, образом жизни. С большим смирением всегда был готов к скорбям. С полным самоотречением о. Виктор отдавал себя без остатка и церковному служению, и людям, не ожидая наград земных, а часто встречая и насмешки, и осуждение, и оскорбления, и грубость. И только повторял, вслед за

отцом Таврионом, что с Богом потерь не бывает, продолжая служить, отдавать всего себя всем и каждому. Здесь мы соприкасаемся с тайной смирения и любви, которую являет нам Иисус Христос, Он пожелал быть тем «страдающим рабом», о котором возвестил пророк Исайя. Христос говорит в Евангелии, что пришел «послужить», и Он Сам дает пример священнического служения и того, что должно быть главным в предназначении священника. Перед Тайной Вечерей Христос в Сионской горнице умывает ноги ученикам. И пастырское служение не бывает истинным и плодотворным, если священник, подобно своему Учителю, не преклонит колен перед людьми в духе смирения и служения и не умоет их ног. Священник принадлежит каждому человеку, потому что принадлежит Христу. Таким священником был отец Виктор (Мамонтов). Пастырское служение было определяющим в его жизни.

«Вы гонимы, но не оставлены», – сказал владыка Леонид о. Виктору в день его иерейской хиротонии, то есть он предвидел все тернии его священнического служения в условиях гонения на Церковь безбожной властью, клеветы, зависти и предательства лжебратии, непонимания и равнодушия окружающих, полностью погруженных в суету и одичавших в безверии. Но отец Виктор говорил, что нередко реально ощущал молитвенную поддержку вл. Леонида в трудные моменты и Божью помощь, защищавшую его и по молитвам Владыки.

Устремления о. Виктора как христианина, как священника родились из опыта Церкви, воплощенного в служении выдающихся пастырей-исповедников, старцев схиархимандрита Космы (Смирнова) и архимандрита Тавриона (Батозского)¹¹ в Преображенской пустыни под Елгавой; архимандрита Серафима (Тяпочкина)¹² в селе Ракитном; архимандрита Павла (Груздева)¹³ в селе Верхне-Никкульском Ярослав-

ской области; митрополита Леонида (Полякова).

«Старец в Церкви не есть иерархическое лицо, он вне иерархии. Сам Бог избирает и призывает на служение старца, посылая ему дары Святого Духа. Народ в духовном общении узнает, открывает этого Божьего избранника и, когда откроет его, радуется, потому что через него в мир приходит Божественная Любовь. Она в его сердце, открытом каждому человеку. Он с большим дерзновением свидетельствует миру об этой Любви, свидетельствует своей жизнью».¹⁴

То, что отец Виктор, промыслительно попав в Латвию, своим пастырством продолжил служение отцов-старцев и оставил письменные свидетельства-жизнеописания святых подвижников XX века, по сути, наших современников, – это, несомненно,

Архим. Виктор в храме прп. Евфросинии Полоцкой в г. Карсава, 2009 г.

проявление милосердия Божия для нас и для следующих поколений христиан; и хочется надеяться, что многие в Латвии и за ее пределами смогут приобщиться к опыту жизни и веры этих свидетелей Царства Небесного.

Summary

The article is devoted to the blessed memory of the recently departed Orthodox priest-monk, Father Victor Mamontov (1938-2016), whose Church ministry took place in the small town of Karsava (Latvia). Father Victor was known, loved and appreciated not only by the Orthodox, but also by the Roman Catholics and the Lutherans, in Latvia as well as in many other countries of the world. The article contains the biography and the stages of education and the ministry of Fr. Victor. It follows his path beginning with childhood – the path of a man who was born and lived in the USSR – from professor of philology, teacher in Moscow Pedagogical Institute until

he was called to serve the Church. Abandoning a successfully developing career, he walked into the unknown, for the sake of realizing his monastic and sacerdotal calling – a path on which he had to overcome many obstacles set by the godless power. In this he was helped by the Metropolitan of Riga and Latvia Leonid (Poliakov). In his pastoral activity Father Victor continued the sacrificial ministry of the elders archimandrite Tavrion (Batozsky), archimandrite Seraphim (Tiapochkin), and other confessors of the Russian Orthodox Church, and also wrote the biographies witnessing to the lives of these holy men of the twentieth century.

Reference list

- 1 Beseda s arhim. Viktorom (Mamontovym) // Hristianos, vyp. XVII. Riga: FIAM, 2008. S. 257.
- 2 Sm. Takov nam podobaet arhieriej... Viktor (Mamontov), arhim. // Hristianos, vyp. XV. Riga: FIAM, 2006. S. 201.
- 3 Sm. Kol 3:3.
- 4 Iz lichnogo pis'ma A. Ja. Chadaevoj – avtoru (ot 13.01.2017).
- 5 Sm. Byt' chelovekom vazhnee...K 100-letiju so dnja rozhdenija A. I. Cvetaevoj. Viktor (Mamontov) arhim. // Hristianos, vyp. III. Riga: FIAM, 1994. S. 312-316.

- 6 Sm. Beseda s arhim. Viktorom (Mamontovym) // Hristianos, vyp. XVII. Riga: FIAM, 2008. S. 257.
- 7 Sm. «Hristianin ne mozhet byt' odinochkoy». Viktor (Mamontov), arhim. // Hristianos, vyp. VI. Riga: FIAM, 1997. S. 58.
- 8 Sm. O Evharisticheskom vozrozhdenii. Viktor (Mamontov), arhim. // Hristianos, vyp. III. Riga: FIAM, 1994. S. 69–75.
- 9 Sm. «Hristianin ne mozhet byt' odinochkoy». Viktor (Mamontov), arhim. // Hristianos, vyp. VI. Riga: FIAM, 1997. S. 55.
- 10 O Evharisticheskom vozrozhdenii. Viktor (Mamontov), arhim. // Hristianos, vyp. III. Riga: FIAM, 1994. S. 72, 73.
- 11 Viktor (Mamontov), arhim. Gospod' – Pastyr' moj. // Otec pustyni. M.: Svet Pravoslavija, 2008. S. 15–23.
- 12 Viktor (Mamontov), arhim. Gospod' – Pastyr' moj. // Serdce pustyni. M.: Svet Pravoslavija, 2008. S. 57–102.
- 13 Sm. Rodnik ljubvi (pamjati arhimandrita Pavla Gruzdeva). Viktor (Mamontov), arhim. // Hristianos, vyp. XVI. Riga: FIAM, 2007. S. 317–325.
- 14 Pustynnyj zhitel' (zhizneopisanie starca Kosmy). Viktor (Mamontov), arhim. // Hristianos, vyp. V. Riga: FIAM, 1996. S. 60.–325.

Мемуары

Memoirs

Воспоминания Анны Гарклавы

Memoirs of Anna Garklava

Я получила в подарок воспоминания удивительного человека, чья жизнь, я считаю, является подвигом – Анны Петровны Гарклавы. Она родилась в 1928 году в сторожке при церкви Александра Невского (теперь это церковь Преображения Господня) в Лимбажи и живет в ней вот уже 88 лет...

Воспоминания написаны искренне, сердцем.

Имея возможности изменить свою жизнь, она не воспользовалась ни одной из них и продолжала охранять, беречь и служить Божьему храму.

После перенесённой клинической смерти в 2016 году Анна поняла, что должна ещё что-то сделать, раз уход из этой жизни отсрочен... И она написала эти воспоминания...

Протоиерей Сергей Гарклавс, с которым Анна познакомилась, будучи 15-летней девочкой, посещал Лимбажи в каждый свой приезд в Латвию. Неизвестно, как бы сложились их судьбы, если бы не война... В июле 2015 года была их последняя встреча. 19 октября не ста-

ло человека, к которому Анна сохранила теплые чувства и пронесла их через всю жизнь.

Царства Небеснаго отцу Сергию и вечная светлая память!

Идут в Лимбажи полным ходом работы по восстановлению церковного дома, где будет и музей, посвященный епископу Рижскому (архиепископу Чикагскому и Миннеапольскому, США) Иоанну (Гарклавсу), протоиерею Американской Православной Церкви Сергию Гарклавсу и, я от всей души надеюсь, будет место и для отражения жизни-подвига Анны Гарклавы.

Дай Бог ей крепости телесной дождаться открытия этого музея и, может быть, возвращения праха её дяди (Владыки Иоанна) и бабушки Анны, в честь которой она была названа, из Америки в родные Лимбажи.

Помоги ей, Господи!

Духовная дочь о. Сергия Гарклавса
Татиана Питерс

Господи, Ты знаешь лучше меня, что старею со временем и в один прекрасный день совсем состарюсь... Не позволяй мне стать погремушкой, защити меня от (роковой) прелести, ибо в любое время и в любом месте я должна быть с открытыми помыслами.

Молитва старой женщины

Теперь, когда над моей жизнью начинает опускаться вечерний сумрак, ничего дороже воспоминаний у меня не остаётся. Это единственное, чего нельзя лишить человека и что сопровождает нас до конца жизни.

Создатель всего и мои родители выбрали день моего прихода в этот мир. Случилось это 88 лет тому назад, как раз в день Илии Пророка – 2 августа 1928 года.

В книге моей жизни записана программа, которую я, невзирая на разные жизненные ситуации и обстоятельства, выполняла, прожив всю свою сознательную жизнь в маленьком домике возле православной церкви в Лимбажи.

В жизни всё переменчиво: и события, и люди, с которыми я была связана всю свою долгую жизнь... Сегодня они со мной в воспоминаниях, «...в царствии, где всякий свят...» Цель моих воспоминаний – приподнять завесу прошлого, вспомнить, ощутить атмосферу, которая царил в моём детстве, юности, да и в зрелом возрасте, и дать возможность почувствовать её и другим.

Когда я была маленьким ребёнком, весь мой мир – это церковь, зеленеющий вокруг сад с цветами, за которыми ухаживала моя мама, субботние вечерни и воскресные утренние службы да звон церковных колоколов, призывающий на богослужение.

Не помню случая, чтобы родители во время служб меня с братьями Борисом и Александром оставляли бы дома. В храме была вся семья: отец* с братьями при-

служивали в алтаре, мама** пела в хоре на клиросе. Я, ребёнок, стояла рядом с ней, слушала дивные мелодии православных песнопений и запоминала их уже с детства. Зимой из-за отсутствия дров церковь не отапливали, было холодно – очень мёрзли ноги. Иногда я дёргала маму за рукав пальто, спрашивала, сколько ещё продлится служба, жаловалась, что замерзаю. Мама же просила подождать, говоря: «Уже на половине, после Херувимской!»

Хор был многоголосый: сопрано, альты и мужские басы. Как правило, в хоре пять-восемь певцов. Руководил хором мой дядя Янис (Иоанн) Гарклавс***, впоследствии епископ Рижский, а после войны архиепископ Чикагский и Миннеапольский в США.

Священник моего детства (1930–37 гг.) был Янис Бауманис****, молодой, симпатичный, очень любимый лимбажцами. Любили его и городские лютеране. Особо следует упомянуть его жену матушку Александру. Любого посетителя дома священника, пришедшего по вопросам крещения, венчания и т. д., не отпускали без чашки чая или кофе.

Матушка была и начальницей нашего приходского Дамского комитета. Надо сказать, почти при всех церквях были созданы Дамские комитеты. Эти добровольные организации приходских женщин служили значительной опорой и поддержкой священнику во всех направлениях приходской жизни.

** Гарклава Алвина (урожд. Спрингис, 1902-1975).

*** Иоанн (Jānis, Гарклавс, 1898-1982), с 1936 года священник, с 1943 года – епископ Рижский, с 1949 года – епископ Детройтский и Кливлендский (Православная Церковь в Америке), с 1955 года – архиепископ Чикагский и Миннеапольский, с 1978 года на покое.

**** Бауманис Иоанн (Jānis, 1908-1985), протопресвитер, клирик ЛПЦ, Латвийской епархии МП, РПЦЗ.

* Гарклавс Петерис (1901-1941).

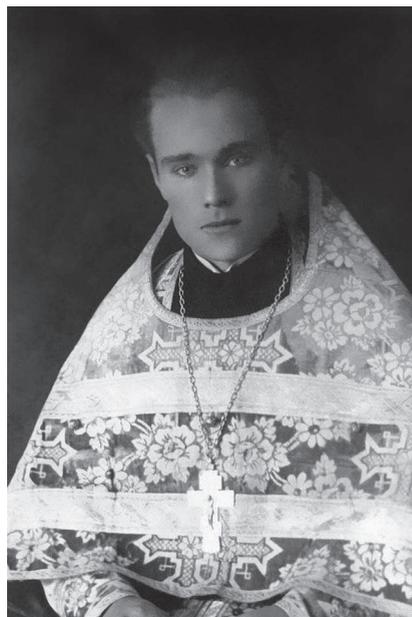
Самым большим праздником, который приход готовил и достойно отмечал каждый год, был престольный праздник церкви. До 1937 года отмечали (по старому стилю 30 августа) день памяти великого князя Александра Невского. За неделю до этого праздника храм тщательно убирали и украшали. Привозили зелень и цветы, плели венки и украшали главные иконы храма. Люди приходили с возвышенным чувством, что всё, что они делают в честь Св. Александра Невского, приносит в их семьи радость и праздничное настроение.

В городе у каждой семьи был свой садик, в котором росли великолепные цветы. Не дай Бог, если семья не украшала этими цветами церковь! Все трудились дружно, гармонично, как одна семья. И мы, дети, были вовлечены в эту деятельность. Отец научил меня, как чистить паникадила, и я продолжала это делать всю свою жизнь.

План праздника обсуждали все вместе и разделяли обязанности так, чтобы всё происходило наилучшим образом. Церковный совет вместе со священником обсуждал, кого из гостей приглашать. Обычно это были или уважаемые священники из Риги, или священники соседних православных приходов.

Задачей Дамского комитета было приготовление праздничного стола. Женщины договаривались о меню, о продуктах, какие каждая могла предложить, выбирали шеф-повара, ответственного за всё. Значительную роль в этом играла матушка Александра.

Так как нас, православных детей, было довольно много – десять-пятнадцать, то в 1939–41 гг. регент хора Димитрий Околович* организовал для украшения праздника детский православный хор. Надо сказать, что почти у всех детей были друзья из

Священник Иоанн (Янис) Бауманис. 1933 г. Лимбажи

лютеранских семей. Регент предложил нам пригласить в хор и их. В комнате, где мы пели, на столе всегда стояла тарелка с печеньем, а иногда и с конфетами, которыми нас угощали в перерывах.

Регент Околович умел пробудить у детей интерес к пению. Раз в неделю в квартире священника проходила спевка. Репертуар у нас был разнообразный: ектении, тропари и песни Давида (Псалмы).

Была традиция в престольный праздник навещать соседей, например, Поциемский православный приход. В Поциемской церкви совершалась служба в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа по новому стилю.

В праздничное утро мы, участники детского хора, собирались на железнодорожной станции Лимбажи, чтобы ехать поездом Рига – Руиена (его больше не существует) до станции Нейкен, а оттуда шли пешком около двух километров, чтобы добраться до Поциемской церкви. Поциемскую церковь окормлял благочинный

* Околович Димитрий Леонтьевич (1915-1985), в 1937-1939 гг. – псаломщик, в 1939-1940 гг. – священник Лимбажской церкви.

Анне 2 годика

Валмиерской епархии, пожилой священник отец Барбан*.

В праздник после богослужения обычно была трапеза в церковном саду. Для нас, детского хора, накрывали отдельный стол как для настоящих гостей праздника. Всё это представлялось нам особенно торжественным. Но сюрпризом для нас было, что в блестящих коричневых пирожках вместо ожидаемого шпека оказывалась капуста...

В весенние и летние месяцы в приходском доме в квартире священника проходила так называемая учёба – катехизация для 17–18-летних прихожан. Молодые люди изучали основы православия примерно неделю. Это были в основном жители сельской местности, которые часто принимать участие в богослужениях не могли. Священник всё объяснял, в день конфирмации они пели вместе с хором какой-то Псалом. Потом было причащение. Молодые люди охотно принимали участие в этой учёбе ещё и потому, что родители покупали им новую праздничную одежду: девушки, как правило, были в белых платьях, юноши – в

* Барбан Петр, протоиерей (1875-?)

белых рубашках с галстуками. После богослужения дома был праздник с поздравлением. Всё это в определённой мере привлекало приходскую молодёжь к церкви и богослужениям.

Во время так называемой первой независимой Латвии (1920–40 гг.) почти во всех религиозных общинах был послевоенный кризис. Каждая община боролась за существование и придумывала всевозможные способы привлечения средств. Какой-то мудрец придумал, наверное, по образцу иностранной модели, сбор средств на церковных благотворительных базарах. Принцип был очень простой, им пользовались почти все приходы: объявлялся сбор пожертвований для благих целей, для благотворительного базара какого-то прихода. В приходах выбирали уполномоченных, которым доверяли, и они призывали людей жертвовать как наличными средствами, так и любым другим способом. Каждый собиратель пожертвований составлял список, в котором отмечал имя жертвователя, адрес, вид пожертвования – сумму или название предмета.

В сельской местности жертвовали натуральные продукты: выращенные в хозяйстве плоды и даже животных (кур, гусей, уток, индюков и т. д.).

Следует отметить, что скряг в то время было мало. Все понимали, что пожертвование предназначено церкви, независимо от конфессии, и Бог вознаградит каждого жертвователя. Всё пожертвованное доставляли в приходский дом, где происходила регистрация и учёт. Потом решали, как всё будет реализовано. Большие вещи, которые невозможно было использовать для лотереи, оставляли для аукциона.

В день базара в городе арендовали дом общественных собраний (сегодня бы сказали – дом культуры). Там и происходила реализация вещей. Вход на базар был по билетам, стоившим сущий пустяк – 20

сантимов с человека. Вечером, когда торговля подходила к концу, начинались торжества – театральное представление или концерт. Участие в них принимали актёры из Риги или местные любители. Всё оплачивалось организаторами. Для удобства посетителей, ведь люди проводили там целый день, был организован чайный стол с разнообразной выпечкой: тортами, печеньем и т. д. Алкоголь исключался. В заключение был бал.

Мои родители в этом мероприятии принимали участие в качестве рабочей силы. Отец заботился о доставке необходимого имущества для аукциона, а мама всегда была занята подогревом капусты для жаркого и варкой сосисок для чайного стола. А я со своими сверстникам путалась под ногами. Мы, дети, этот день ощущали как праздник и всегда его ждали с нетерпением.

Подводился итог благотворительного базара: доходы и расходы – и оказывалось, что доход – это приличная сумма. Приходской совет вместе с Ревизионной комиссией решали, как использовать эти деньги. Обычно тратили на ремонт церкви или приходского дома, для улучшения жизни священника. Всё фиксировалось в книгах учёта. На очередном общем приходском собрании об этом сообщали прихожанам. Всегда принимались во внимание и дебаты, и замечания о недостатках в работе для их устранения.

Течение спокойной жизни в приходе продолжалось до 1940 года, когда началась коммунистическая оккупация свободной Латвии. Менялась политика в отношении религии и Церкви. Вера в Бога была запрещена и осмеяна, священники уничтожались. Приходские регистрационные книги о рождении, браке, крещении и смерти (даже с 1890 г.) были изъяты и якобы доставлены в государственные архивы, чтобы люди не посещали священника за так называемыми метрическими документами.

В первом ряду слева брат Борис держит за руку брата Александра, рядом Анна. Во втором ряду родители – Петерис и Альвина. 1930-е гг.

В то время начал служить священником наш руководитель-регент детского хора отец Димитрий Околович. Он окончил Духовную семинарию в Риге и был рукоположен в священники. И ему пришлось пройти через многие унижения со стороны слуг красного режима.

В школах больше не преподавали Закон Божий – новый режим объявил религию опиумом для народа. В семьях, конечно, всё зависело от родителей. Были и такие, кто поддались пропаганде новых властей. Но в 1941-м началась война и вторая оккупация Латвии гитлеровской армией. В Лимбажи опять менялась власть. Люди немного вздохнули после года красной оккупации, которая уничтожила многих невинных людей, церкви снова могли возобновить свою деятельность. Священники менялись. Вместо отца Димитрия приехал из Риги пожилой священник Павел Бормейстер* с семьёй. Церковный хор поредел, не было и настоящего регента. Собирались старые певцы, в основном женщины с моей мамой во главе, и продолжали служение.

Во время войны и немецкой оккупации 1941–44 гг. из Псковской области переселили беженцев. Их распределили жить в окрестных хозяйствах. По воскресеньям

* Бормейстер Павел (1888-?), в 1939 г. рукоположен во священника, в 1943-1945 гг. – настоятель Лимбажской церкви.

Первый ряд – Петерис Гарклавс с женой Альвиной; второй ряд – брат Альвины Август Сприндис со своей знакомой

это было значительное пополнение в нашей церкви. Среди беженцев оказывались люди, раньше служившие в храмах своих родных мест, – они читали Апостольские деяния и пели на клиросе. У них были хорошие голоса. Одна немолодая женщина, Татьяна Золотарёва, организовала обучение девочек, и в церкви стало звучать пение на русском языке. До этого мы пели на латышском языке, но старых певцов осталось мало, и это был выход из сложившегося положения.

В 1944 году в ходе войны гитлеровцы ощущали неизбежность поражения, и был приказ снять церковные колокола для использования металла в военных нуждах. Получили приказ и лимбажские храмы. Лютеранская церковь свой колокол сняла, но не успела отвезти к железнодорожной станции – ночью колокол исчез... Он был

значительно меньше наших колоколов и по объёму, и по весу.

Состав населения в городе изменился – взрослые мужчины были мобилизованы в немецкую армию или так называемый «легион» в качестве рабочей силы.

Снять наши церковные колокола без соответствующей техники было невозможно, а с приближением линии фронта было уже не до колоколов. Поэтому мы благодарим Бога, что они уцелели.

Лето 1944 года было очень жарким. В церковном саду под большими деревьями немцы прятали свой транспорт, грузовые автомобили, чтобы листва прикрывала их при воздушных налётах. Церковные ворота весь день были открыты, транспорт курсировал постоянно. Поздно вечером все опять стояли под деревьями. В саду вместо зелёной травы была чёрная маслянистая грязь. Ну, а мы и здесь не могли возражать – мы были лишь жителями завоеванной земли, с которой завоеватели могли поступать, как хотели.

Разница между двумя властителями – Сталиным и Гитлером – была в том, что первый действовал варварски, безбожно, уничтожая безвинных людей, а второй всё это делал, призывая божью помощь: «Gott mit uns!» («Бог с нами!») Ну а страдали мы, небольшой народ маленькой Латвии.

Водители, немецкие солдаты, возвращаясь каждый вечер к своим машинам, совершали вечерний туалет – мылись, брились, душились. После этих процедур надевали взятые с собой из дома махровые халаты и гуляли в них по саду. Нас, местных жителей, они не трогали. Иногда пытались общаться с моей бабушкой, приходили просить «eier» (яйца), а за них предлагали масло и колбасу. Снабжение у них было великолепное: после всех военных операций кусты церковного сада были забросаны маслом, так как летом без холодильника оно плавилось, сохранить его было невозможно.

Бабушка из этих масляных комов варила мыло. У многих немцев были маленькие диванные подушечки с вышивкой. Насколько можно было понять, то были их талисманы, связь и память с оставшейся дома семьёй.

Однажды ночью была тревога, и нас разбудил гул машин. Мы тихо сидели в своей «пещере» и ждали рассвета. Утром церковный сад был полон мусора и пуст: валялись пищевые отходы, подушечки-талисманы и даже музыкальные инструменты – в кустах оказался контрабас. Похоже, в спешке и страхе всё стало лишним. В общем, между «нашими» и «ихними» в культурном отношении не было большой разницы.

Вечером окна домов были затемнены, занавешены одеялами, чтобы нигде не пробивался свет. Началась мобилизация населения для различных работ по обороне – надо было копать траншеи. Меня от этого спасла церковь, выдав освобождение от оборонных работ, подписанное священником Павлом Бормейстером.

В конце лета 1944 года началась эвакуация. В больнице демонтировали аппаратуру, чтобы увезти. Исход войны был очевиден, надо было опять ждать «красный ботинок» Сталина.

В солнечный августовский полдень над городом вдруг послышался шум двигателей самолётов. Я была во дворе и увидела в небе советские бомбардировщики с красными звёздами на крыльях. Они летели низко, почти касаясь наших церковных куполов, и началась бомбардировка. Оглушительные звуки взрывов чередовались с пулёмётным огнём, ломались ветви деревьев в церковном саду. Единственное место, где можно было укрыться, – наш маленький церковный домик. В нём мы и сидели, спрятавшись под стол: моя мама, два брата и я. Отец умер ещё в 1941 году.

После этой атаки в городе начались пожары, горело всё вокруг. Посмотрели

Мое любимое Богом выбранное место моего рождения и на всю жизнь – церковный домик (сторожка), вместе с моей семьёй. 1958 г.

на нашу церковь и увидели, что с южной стороны крыша дымится, значит, бомба не пролетела мимо. Открыли церковную дверь и почувствовали запах палёного. Трещал деревянный потолок, горящий уже полным пламенем. Моя мама, зная, что единственным помощником у нас остался Бог, читая молитву, заставляла нас тащить из колодца воду вёдрами и быстро нести в церковь. Младшему брату было только восемь лет, основными работниками были мы со старшим братом. Моя мама слышала, что зажигательные бомбы невозможно потушить водой, нужно накрывать горящее место мокрыми одеялами. Так наш «пожарный отряд» во главе с «брандмайором», моей мамой, и поступил – таким образом мы и спасли нашу церковь.

Часть домов вокруг нашей церкви и Старый город выгорели. Большинство жителей покинули город и поселились в деревнях у знакомых и родственников. Мы такой возможности не имели, и единственным спасительным местом для нас был небольшой церковный домик и сама церковь – Бог нас хранил.

На алтарной стороне церкви была прострелена наружная стена, разбито окно в алтаре. Мы обнаружили, что пуля через дубовую стену иконостаса, что отделяет алтарь от общего пространства церкви,

пролетела через всю церковь и застряла во входной двери. Даже сегодня там есть углубление.

Осенью 1944 года в Латвии снова была советская власть. События 1940–41 гг., когда из города исчезли в неизвестном направлении многие образованные интеллигентные люди, а ещё многие были арестованы новой властью как нелояльные, вселяли неуверенность и страх. Численность прихожан уменьшилась. Никакие организаторские мероприятия для улучшения ситуации не проводились.

В 1949 году в церкви начал служить молодой, недавно рукоположенный, окончивший богословские курсы священник – отец Владимир Меркульев*. У него была семья – жена и маленький ребёнок. Жил он в квартире священника в приходском доме на улице Цесу. В это время в Лимбажи были трудности с жильём, потому что в 1947–48 гг. в Латвии организовали новую административную единицу – Лимбажский район. До этого мы были жителями Валмиерского района.

В городе новые здания не строились, строили только частные дома. Для благоустройства районного центра нужны были помещения для вновь организованных учреждений. Вопрос решался просто – национализировали или просто отнимали у хозяев самые большие и лучшие дома. Одиноких пожилых людей объединяли в одной квартире. Это создавало в городе такую неблагоприятную атмосферу, что были случаи, когда «объединённые» старики кончали жизнь самоубийством. Акции протеста не проводились, люди были напуганы.

После двух лет службы молодой священник переехал в другое место, и его квартира опустела. Мы остались без священника. Горисполком решил вопрос, как обычно, национализовав дом. Туда поселили го-

рожан, которые никак не были связаны с нашим приходом. У прихода национализировали и участок земли на старой улице Сармес и отдали его ремонтно-строительному управлению.

При таких обстоятельствах, когда мы были, как говорится, до последней рубашки ограблены, невозможно было ожидать нового священника. Ему просто негде было жить. Новый социалистический порядок требовал уплаты церковного налога за церковь и использование её территории. Налог был довольно велик, а наши доходы в церкви («на тарелке») были очень малы. Оставшаяся часть прихожан, старые борцы, жертвовали свои так называемые «деньги на гроб», таким образом оплачивая налог. Ещё для существования прихода необходимо было найти двадцать уполномоченных лиц, так называемую двадцатку. Эти люди должны были заключить договор с райисполкомом о сохранении здания и инвентаря, икон и прочей церковной утвари. Приходу из этих вещей уже ничего не принадлежало. Найти людей, которые бы согласились на вышеупомянутые условия, тоже было нелегко. Те, кто работал в государственных учреждениях, не могли этого сделать, так как их могли уволить с работы из-за принадлежности к церкви. Моя мать посещала тех пожилых православных, что жили в сельской местности. Они согласились подписаться за церковь, так сказать, «что будет, то будет».

К тому времени я уже окончила среднюю школу и твёрдо придерживалась миссии, записанной в книге моей жизни, – спасти родную Лимбажскую православную церковь.

Приходу были адресованы различные запросы от ведущих организаций, но отвечать на них было некому, т. к. священника в Лимбажи не было.

В течение этого периода Епархиальное управление Православной Церкви на-

* Меркульев Владимир (1923-1995), протоиерей.

правляло в Лимбажи одного из рижских священников, по составленному графику, примерно один раз в месяц. Приезжавшим было нелегко, так как единственным тёплым местом, где зимой можно было согреться, был домик возле церкви, в котором жили мы с мамой. Братья были призваны на службу в советскую армию. Из сострадания мы варили какую-то тёплую еду, чай или кофе и угощали «сосланных» к нам священников-рижан.

Я познакомилась в то время со многими священниками, которые до тех пор Лимбажи не посещали, – это отец Серафим Шенрок, отец Кирилл Начис, отец Николай Харитонов и другие. В специальной тетради я вела учёт доходов и расходов: платежи за электроэнергию, приобретение свечей, масло для лампад и т. д. – больше это делать было некому.

Работала я тогда в довольно престижном для тех времён учреждении – районной прокуратуре, зарабатывала на жизнь. Лимбажи, однако, небольшой город, и все люди знали друг о друге почти всё до мелочей. Знали все и то, что я всегда была связана с церковью и ухаживала за ней вместе с мамой. Нашёлся какой-то доносчик, дабы показать свою преданность местной власти. Прокурора вызвали на ковёр в партком по поводу плохого воспитания подданных. Слава Богу, мой прокурор умел отстаивать свою правоту, говоря: «У моей работницы нет своей квартиры, я не могу запретить ей жить у своей матери, хоть и на церковной территории».

Во время правления Хрущёва, после визита в Латвию министра культуры СССР Фурцевой, актуальным стал вопрос о закрытии церквей в Риге (Кафедральный собор) и в районных городах. В Лимбажи власти райисполкома пытались немедленно выполнить предписание – приняли решение о закрытии Лимбажской православной церкви. Мотивацией стала необ-

Анне 52 года. 1980 г.

ходимость помещения для краеведческого музея. Было приказано немедленно прекратить богослужения. Приход и так уже изнемогал из-за разных репрессий, многие не хотели воевать с ветряными мельницами. Мы с мамой восприняли эту весть очень болезненно, но сдаваться не собирались. Я обратилась к интеллигентной, в почтенном возрасте, госпоже Вейдемане, которая и раньше принимала активное участие в церковной жизни. С ней мы и наметили план действий: решили, что напишем письмо протеста с подписями членов прихода в Совет Министров АССР с просьбой отменить решение наших районных депутатов. В Совет Министров обязалась ехать сама г-жа Вейдемане, так как она была русская и могла объясниться на русском языке, что в то время было немаловажно. Мы, оставшиеся дома, от всего сердца молились, чтобы Богородица и все святые помогли нам победить. Наверное, наша сердечная молитва помогла, и решение районных властей было отменено.

Наступил период, когда стали высоко цениться старинные иконы, они были востребованы иностранцами, которые платили за них значительные суммы. От кражи икон, паникадил и других предметов церковной утвари не была застрахована и наша Лимбажская церковь. Хотя уже при строительстве церкви в окна были встро-

Анна и протоиерей Сергей Гарклавс у любимого дерева Анны. Июль 2013 г.

ны решётки, но и они оказались слабой защитой. Обходя утром церковную территорию, я с ужасом заметила, что на северной стороне вырезана алтарная решётка. Сразу же сообщила в милицию. Войдя в церковь вместе со следователями, обнаружили, что воры воспользовались лестницей, находящейся в подсобном помещении. Были сняты все три паникадила, один в алтаре и два в общем помещении церкви. Через вырезанную оконную решётку всё можно было вынести. Милиция никакого особого расследования не проводила, так как считала: раз это церковь – пусть крадут, можно будет поскорее ликвидировать...

Позже, однако, воры попались – это были люди из Эстонии, владельцы частных

домов, занимавшиеся церковными кражами и в своей, и в соседней республике. Украденные люстры были очень красивые, подаренные в 1930 году рижским купцом. Несмотря на то, что преступников нашли, нас не признали пострадавшими, возмещение убытков мы тоже не получили, так как всё церковное имущество принадлежало советской республике.

Часто взламывали церковную дверь на северной стороне, через которую и вынесли очень чтимые иконы. Все обращения в милицию оставались без результатов. Виновных не находили, убытки возместить было невозможно.

Для защиты от грабителей надо было оборудовать сигнализацию. От людей, ра-

ботающих в этой сфере, я узнала, что для того, чтобы избежать больших платежей, можно провести сигнализацию со стороны собственного гаража (по документам), со звуковым пультом в мою комнату. Дверь со стороны церкви была заблокирована. Когда было ветрено, дверь от порывов ветра сотрясалась, и посреди ночи у меня звучал сигнал тревоги. Единственным моим оружием был топор. Преодолевая страх, с топором в руках я обходила вокруг церкви и убеждалась, что дверь не взломана. Значит, сигнал был ложным, но уснуть уже не удавалось.

Возникли большие проблемы и с церковной крышей. Последний ремонт крыши был в 30–40 гг., жёсть заржавела, вода заливалась внутрь. Особенно пострадала крыша на северной стороне здания и крыша пристройки (теперь котельная). Купола покосились. Во время дождя воду собирали во всевозможные сосуды, бочки, ванночки и т. д., лужи подступали к церковной двери.

Я знала, что из-за нехватки средств помощи ждать неоткуда, и вспомнила, что от предыдущих ремонтов осталась масляная краска. В ней можно было вымочить ненужные шерстяные тряпки и накрыть ими повреждённые места. В тёплое солнечное летнее время краска бы высохла, прилипла бы к жести...

В это время к нам из Риги приезжал служить священник отец Андрей Эрглис, обязанности псаломщика исполнял Валерий Крастиныш. Обед я приготовила, но сказала: «Сначала залатайте крышу церкви, материалы я приготовила. Вот масляная краска и шерстяные тряпки. Поднимитесь на крышу и застелите дырки. После этого получите обед». Всё было сделано в лучшем виде, и с этими заплатами крыша продержалась до 1993 года, когда было решено подавать проекты для реновации церковных зданий.

Наш приход основан в 1822 году. Это один из старейших провинциальных православных приходов. Скоро сможем праздновать 200-летний юбилей.

Ещё наша церковь может гордиться тем, что из неё вышли два Высокопреосвященных православных архиерея (епископы): в 1943 году Рижский епископ Янис (Гарклавс), в 2016 году Елгавский епископ Иоанн (Сычевский). Бог благословил их трудиться во благо православия!

Благодаря проектам, которые помог создать прислуживающий в приходе молодой Владимир Сычевский (ныне Елгавский епископ Иоанн), наш приход получил деньги, которые мы использовали на новую жестяную крышу, заменили старую жёсть куполов на новую медную и частично покрасили внутреннюю часть церкви. Жаль только, что старые, 1903 года, орнаменты на стенах и потолке были покрашены. Всё старое иногда возвращается, но Бог знает, не будет ли тогда уже исчерпан лимит моей жизни...

Не могу не упомянуть в этих воспоминаниях любимое с детства дерево в церковном саду – старый привитый ильм. Его посадили в 1903 году, когда была построена церковь. Вырос он большой, с густой кроной, напоминающей зонтик. В детстве, на Пасху, на одной из ветвей этого дерева отец повесил качели. Качаясь на них, я переживала радость праздника Воскресения Христова. Листва этого дерева давала мне возможность скрыться от солнечных лучей в жаркие дни, а иногда и от нежелательных гостей.

В моей жизни были моменты, когда я могла поменять место жительства, уехать из Лимбажи. Как бы не было смешно, именно это дерево удержало меня от отъезда. Это моё дерево, и нигде в мире у меня больше такого не будет. Хотя с 1903 года дерево и лишилось нескольких больших ветвей, но наперекор всему каждую весну листва

распускается и дерево живёт. Как оно без меня, а я без него? Думаю, мы обречены стареть вместе!

Прощаюсь со своими «Воспоминаниями» словами Св. Симеона: «...ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему, с миром» (Лк.2:29) (рус.: Владыко! Пусть уходит Твой слуга в мире.).

22 мая 2016 года, Лимбажи.

*Быстры, как волны, дни нашей жизни,
что час, то короче к могиле наш путь...*

Старая застольная песня

Как часто мы повторяем: «Ой, как годы летят!» И наступает момент, когда волны жизненной реки катятся в сторону вечных глубин, и они несут с собой песчинки воспоминаний. Годы уносят из нашей памяти то, что когда-то было знакомо до мельчайших деталей, – людей и события; людей, которых любили, события, в вихрь которых мы были вовлечены.

Эти мои воспоминания связаны с днями моей юности и замечательным человеком, протоиереем Американской Православной Церкви Сергием Гарклавсом (в то время Сергеем Кожевниковым)*.

Была осень 1943 года. Я окончила основную школу, и перспективы моей дальнейшей жизни были весьма туманны. В 1941 году ушёл из жизни отец (по болезни), и мы, трое детей, я и двое моих братьев, остались на попечение мамы. Настроение было очень мрачным, так как началась война со всеми её проблемами. После смерти моего отца единственным нашим помощником был брат моего отца Янис Гарклавс, в то

* Гарклавс (Кожевников) Сергей (1927-2015), приемный сын архиепископа Иоанна (Гарклавса), протоиерей, клирик Православной Церкви в Америке.

время священник Дундагской православной церкви. Вместе с ним жила его мать, моя бабушка Анна Гарклава.

Бог и Епархиальный совет Латвийской Православной Церкви 3 января 1943 года принял решение назначить моего дядю, Яниса Гарклавса, Рижским епископом. Озабоченный продолжением моего образования дядя пригласил меня поехать в Ригу, жить вместе с бабушкой в их семье и учиться в коммерческой школе Виллиса Олава. В сентябре 1943 года я начала учиться и была очень рада, что живу вместе со своими близкими – дядей и бабушкой. От дяди я узнала, что в нашей семье будет жить молодой парень, Сергей Кожевников из Вентспилса, который будет учиться в Рижской русской гимназии. Мне было 15 лет, Сергею – 16.

Обычно наша маленькая семья собиралась на вечерней молитве перед ужином, так как днём каждый был занят своим делом. По воскресеньям дядя, епископ Иоанн и Сергей были на богослужениях в Рижском соборе, а я с бабушкой – в латышской Вознесенской православной церкви.

Квартира епископа располагалась на улице Меркеля, 8, и состояла из четырех комнат и маленькой девичьей, в которой жил Сергей. Сергей был очень тихий, вежливый парень, по внешнему виду ему можно было дать больше шестнадцати лет. Дядя его очень любил и всегда называл его «сыночек».

В конце 1943 года линия фронта приближалась к Латвии и каждую ночь советские самолёты бомбили Ригу. Так как квартира епископа была расположена очень близко к Рижскому вокзалу, который являлся важным объектом, то дядя, епископ Иоанн, решил переехать с семьёй в бывшую летнюю резиденцию архиепископа Иоанна (Поммера) «Озолкалнс» около Киш-озера. Мы жили в старом домике, в котором когда-то жили монахини, заботившиеся об архие-

пископе Иоанне (Поммере). Мой дядя приготовил домик для жилья, и все продолжали свои повседневные дела. Трудность заключалась в отдалённости от центра города, куда можно было доехать только на трамвае, что курсировал нерегулярно – из-за перегрузок и отсутствия электричества.

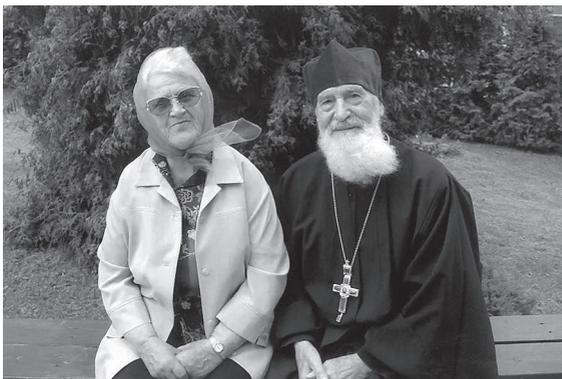
Чтобы не опаздывать в школу, надо было выходить на трамвай на час раньше. Учёба в школе была в две смены, так как в помещении школы располагался военный лазарет. Моя первая смена в школе начиналась в семь утра, чтобы не опаздывать, я вставала в пять утра.

Как и в Риге, здесь мы все вместе встречались только на вечерней молитве.

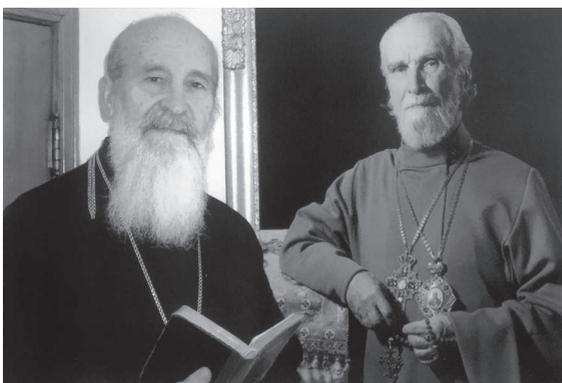
Понимая важность музыки в духовном служении, мой дядя организовал мне и Сергеем учёбу у свободной художницы Веры Сидарс. Мне – игру на фортепиано, Сергеем – постановку голоса и пение. Времени для занятий было мало, так как школа очень быстро закончилась, но элементарное представление о музыке осталось.

Мы были так молоды, и в мире было так много интересных непознанных вещей, которые нас привлекали... Надо признать, что моральные принципы молодых людей в то время были много выше, чем сегодня.

Помню один эпизод тех дней: Сергей купил билеты в кинотеатр Splendid Palace и пригласил меня пойти с ним. Дядя никогда не был против таких мероприятий, так как он нам полностью доверял. Сеанс был для зрителей с восемнадцати лет, и я сознавала, что мой внешний вид этому возрасту никак не соответствует. Я была стройной барышней, с двумя косами. Сергей же более отвечал этому требованию. Боясь, что в

Последняя встреча отца Сергия Гарклавса и Анны Гарклавны. 26.07.2015 г. Лимбажи.

Протоиерей Сергей Гарклавс у портрета своего приемного отца архиепископа Иоанна (Гарклавса). Чикаго 1998 г.

кино меня не пустят, у входа я пряталась за спиной Сергея. Но всё обошлось без происшествий...

Ах, молодость! Молодость! Ты ни о чём не беспокоись! Как будто тебе принадлежат все богатства мира, даже ужасы войны не могут повлиять на молодость...

Мой учебный год заканчивался в апреле 1944 года (в военной обстановке). Я окончила первый курс коммерческой школы, часто думала о моих Лимбажи, как там моя мама и оба брата? Договорилась с дядей, что уеду на летние каникулы, чтобы помочь матери ухаживать за Лимбажской церковью. Прощалась с дядей, епископом Иоанном, бабушкой и Сергеем на несколь-

ко летних месяцев, не зная, что прощание будет на всю жизнь.

Что мне ещё добавить к своим воспоминаниям? Бесспорно, Сергей мне нравился. За свою продолжительную жизнь я знакомилась ещё со многими молодыми людьми, но те чувства, которые пробудило во мне короткое время, проведённое вместе с Сергеем, такие страстные, нежные и глубокие, уже не повторялись.

На что я надеялась, чего ожидала? Какого будущего я ждала, когда только одним вздохом, одним чувством печали провожала на мгновение пришедший отблеск первой любви...

Творец всех вещей во Вселенной каждому из нас уготовил своё место и свои задачи в этой жизни: Сергеем вместе с моим дядей, архиепископом Иоанном (Гарклав-

сом) – спасти от уничтожения Тихвинскую чудотворную икону Божьей Матери и её возвращение в Тихвинскую обитель. Мне – хранить и поддерживать Лимбазскую православную церковь.

Так каждый из нас выполнял свою задачу в течение этой жизни.

В 1994 году – через пятьдесят долгих лет с момента нашей разлуки до нашей встречи – жизнь и воспоминания свели нас вместе...

Теперь мы уже старые, костёр юных дней ислел, остались только угольки, способные покрыться пеплом воспоминаний, разгореться и снова потухнуть... Такова жизнь!

06.11.2016 года, Лимбажи.
Анна Гарклава

Публикация, перевод, предисловие к публикации Татьяны Александровны Питерс.

Summary

The subject of this memoir is Anna Garklava, and how she spent her life devoted to the Transfiguration Orthodox church in Limbazhi, Latvia. Anna's father, Peteris Garklavs was the gatekeeper of the church and her mother, Alvina, sang at the Divine services. They both participated very actively in parish life.

After the death of her parents, Anna took over the duties of gatekeeper and continues

to live and be active in the very same humble gatehouse where she was born 88 years ago.

Thanks to Anna, during the years of the Communist regime, the church in Limbaži was not closed. Priests and parishioners have come and gone but one thing remains the same: the gatekeeper and warden of Limbaži's Transfiguration Church, Anna Garklava.

Translation, introduction and publication of an article has been made by Tatiana Piters.

Публикация документов

Document publications

Наследство Платона, епископа Ревельского (К столетию принятия им кафедры Рижской епархии)

Heritage of Platon, the bishop of Tallinn (Dedicated to the 100-th anniversary since his ordination)

Первая Мировая война 1914—1918 гг. стала переломным моментом в устройстве православия в Прибалтике. Военные действия в окрестностях Риги летом 1915 года принудили приступить к эвакуации центральных духовных учреждений из столицы Лифляндской губернии. Так канцелярия Духовной консистории Рижской епархии во главе с архиепископом Рижским и Митавским Иоанном (Смирновым) оказалась в Тарту. В сентябре 1917 он был смещен с Рижской кафедры, а временно управляющим епархией был назначен епископ Иосиф (Петровых). В последнем номере «Рижских Епархиальных Ведомостей», издававшихся в Нижнем Новгороде, говорилось: «Принимая в свое ведение, под свое руководство и покровительство Рижскую епархию, Преосвященный Иосиф должен найти лишь жалкие обломки ее. Буря войны разнесла наш церковный корабль; пучина длительной революции готова окончательно поглотить его. Временному Архипастырю нашему придется постранствовать, чтобы обозреть разрозненные части епархиального управления и рассеянные епархиальные учреждения. Бедствующая епархия ждет от него духов-

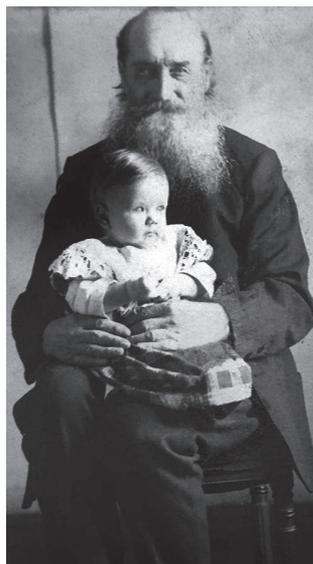
но-нравственной поддержки и энергичного печалования об вопиющих нуждах»¹.

Епископ Угличский, викарий Ярославский никак себя на этом временном поприще не проявил, зато стараниями эстонского крыла Рижской епархии воплотилась идея самостоятельности эстонских приходов, прокламированная резолюцией майского чрезвычайного съезда духовенства о необходимости трех отдельных епископов для эстонских, латышских и русских приходов². На августовском собрании эстонцы выдвинули в кандидаты в епископы со своей стороны о. Павла Кульбуша. Его поддержали большинство приходов и духовное начальство в Петрограде, знавшее его как заметного деятеля православия в столице. В декабре 1917 года Священный Синод постановил: «настоятельно эстонской Исидоровской в Петербурге церкви прот. Павлу Кульбушу, по пострижении его в монашество, с возведением в сан архимандрита, быть епископом Ревельским, викарием Рижской епархии, с тем, чтобы наречение и хиротония его в епископа были произведены в г. Ревеле»³.

Несмотря на военное время, 31 декабря 1917 года в Ревельском Александро-Невском

Наталья Матвеевна Кульбуш,
урожд. Иванова (1845–1926).
(ЕАА.5355.1.156)

Петр Георгиевич Кульбуш (1842–1925) с
внуком Георгием. 1894. (ЕАА.5355.1.156)

соборе архимандрит с именем Платон был рукоположен в епископа митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским) и епископом Лужским Артемием (Ильинским). Вскоре он предстал перед Патриархом Тихоном в Москве, но в Поместном соборе участия не принял, так как спешил начать работу в своей неустроенной епархии. Первую архиерейскую службу он провел в Ревельском Преображенском соборе в облачении цветов эстонского триколора, подаренном прихожанами, но вскоре перенес свое местопребывание из эстляндской столицы в тогдашний центр административной и общественной жизни Прибалтийского края, в просвещенный Дерпт/Юрьев/Тарту, где находилась канцелярия Рижской епархии.

С января 1918 и до своей гибели 14 января 1919 года епископ Платон посетил 71 приход, письменно общался с духовными учреждениями епархии, эвакуированными во внутренние губернии России, а в мае 1918 года он в течение 11 дней совершал богослужения во всех церквях Риги. В планах Владыки было

посетить ее и в ноябре, но грипп-испанка и осложнение в виде крупозного воспаления легких не позволили ему осуществить намеченное.

Между тем, в Нарве, очищенной от немецких войск, 29 ноября 1918 года была объявлена самостоятельная Эстляндская Трудовая коммуна, во главе с председателем совета Я. Анвельтом. Вооруженные отряды большевиков двинулись вглубь Эстонии через Йыхви, Кохтла, Кунду и Раквере, оставляя за собой кровавый след красного террора. 22 декабря 49-й полк 5-й дивизии обосновался в Тарту и 2 января 1919 года епископ Платон был задержан красногвардейским патрулем недалеко от своего дома. Вместе с ним были арестованы протоиереи Успенского и Юрьевского православных приходов Михаил Блейве и Николай Бежаницкий⁴, а также еще 15 человек духовной и общественной элиты города. Они были помещены в цокольном этаже Дворянского кредитного банка (Компани, 5) в качестве заложников. Во время допросов епископ Платон вел себя независимо, за что

Настоятель эстонского Исидоровского прихода в Петербурге протоиерей о. Павел Петрович Кульбуш (13 (25).07.1869–14.01.1919). (ЕАА.5355.1.156)

Епископ Ревельский Платон 1918. (ЕАА.5355.1.156)

был подвергнут различным унижениям: его заставили голыми руками чистить отхожие места арестантов.

В борьбе против Трудовой коммуны и остатков германских оккупационных войск на территории Прибалтики созданная национальная Эстонская освободительная армия воспользовалась помощью войск Антанты, высадившихся в таллинском порту, а также силами первого финского батальона. 13 января 1919 года бронепоезд Эстонской освободительной армии прибыл под Тарту, заставив красноармейцев отступить в спешном порядке, предварительно расправившись с заложниками. В ночь на 14 января епископа Платона снова вызвали на допрос и потребовали прекратить читать Евангелие для арестованных. Утром следующего дня он был жестоко казнен вместе с о. М. Блейве и о. Н. Бежаницким. Тела их были обезображены,

епископа удалось опознать лишь по сохранившейся чудом пангии. При осмотре его тела обнаружилось 7 штыковых ран в груди и четыре пулевых ранения – два в грудь и по одному в плечо и разрывной пулей под правым глазом. Свидетельством истязаний служили глубокая ссадина на правом виске, а также пролом черепа от удара прикладом винтовки. 18 января в тартуском Успенском соборе отпевали новых священномучеников Эстонской Православной Церкви: епископа Платона и его сподвижников, о. Николая Бежаницкого и о. Михаила Блейве. Сначала прах Платона покоился в ограде Успенского храма, но затем его перевезли в эстонскую столицу и 9 февраля 1919 года похоронили у левого клироса Спасо-Преображенского собора. В январе 1931 года осуществилось освящение мраморного саркофага над могилой первого эстонского епископа на средства,

Жертвы красного террора в Тарту
14 января 1919. (ЕАА.5355.1.156).

Похороны епископа Платона в Таллинне 9
февр. 1919. На переднем плане родители
Петр Георгиевич и Наталья Матвеевна
Кульбуш. (Фотоархив Эстонского
национального архива, EFA.114.A-312-53)

Отец и мать епископа Платона
на похоронах в Таллинне 9
февр. 1919. (ЕАА.5355.1.156)

выделенные правительством Эстонской Республики и добровольные пожертвования, организованные Синодом Эстонской Апостольской Православной Церкви*. В 2000 году епископ Ревельский Платон вошел в сонм святых новомучеников и исповедников Московского и Константинопольского Патриархатов.

Со смертью Платона центром эстонского православия стал Таллинн. В апреле 1919 года Совет Эстонской православной епархии (епископства) преобразовался в Синод ЭАПЦ и стал получать из бюджета Министерства внутренних дел Эстонской Республики ежемесячно по 1000 марок на содержание. С ноября сумма возросла и в целом до 1 января 1920 года от правительства было получено 12500 марок⁵. Понятно, что для полного устройства надо было изыскивать и другие средства. С этой целью была составлена опись всего имущества, оставшегося после трагической гибели первого эстонского епископа Платона (Кульбуша), часть из которого продали с аукциона, часть оставлена в квартире, предназначенной новому владыке, часть была передана родным, кое-что осталось в руках устроителей аукциона.

В Национальном архиве Эстонии в фонде «Синод ЭАПЦ» сохранился перечень в виде таблицы оставшихся после смерти епископа Платона личных вещей, составленный 3 февраля 1919 года. В таблице нашли отражение принадлежащие епископу иконы, картины, альбомы, мебель, одежда и облачение, предметы быта. В примечаниях даются пояснения, куда каждая из названных вещей направлена или продана, кем получена. Оригинал на эстонском языке⁶.

* Исчерпывающую библиографию трудов епископа Платона и литературы о нем см.: Vadim Rebase. Piiskopmärter Platon. Historiograafilis-bibliograafiline uurimus. Bakalaurusetöö. Juhend. Prof. Riho Altnurme, Piiskop Eelija. Tartu, 2016. Lk. 12—32.

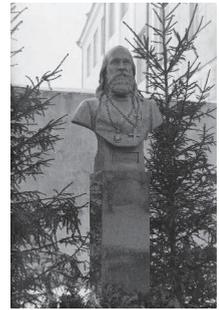
	Наименование вещей	Количество	Получено денег с продажи		Примечания
<i>Святые образа</i>					
1	Икона Тихвинской Божьей Матери	1	-	-	Помещена у могилы при церкви
2	Образ Благословляющего Христа в белом окладе	1	-	-	Подарен Иоганнесу Юргенсону
3	Образ Спаса нерукотворного	1			Помещена у могилы при церкви
4	Апостол Павел	1			Там же
5	Икона Спаса Благое молчание	1			Подарена А. Мянгелю.
6	Св. Ольга	1			Подарена Е. Фридолину
7	Различные маленькие образа	17			Розданы бедным и нищим
8	Крест перламутровый	1			Отдан мужу сестры епископа
9	Настольная икона св. Петра и Павла в серебряных одеяниях	1			Назначена матери епископа
10	Деревянный крест	1			Помещен у могилы при церкви
<i>Картины</i>					
1	Христос Спаситель в Гефсиманском саду	1			Марии Ив.
2	Дева Мария с младенцем (Мадонна)	1			Матери
3	Божья Матерь с младенцем	1			Положена в гроб.
4	Волнующееся море	1			Родителям
5	Христос в терновом венце	1			Матери
6	Святая Дева Мария	1			Матери
7	Тайная св. вечера	1			Осталась в Синоде
8	Алтарь церкви Преображенья				А. Мянгель
9	Различные групповые фотографии	21			Частично оставлены отцу
10	Благовещение архангела Гавриила Деве Марии	2			Помещена у могилы при церкви
11	Благословение детей	1			Забрали родные
12	Самаритянка	1			Отдана родителям

Мраморный саркофаг епископа
Таллиннского Платона в
Таллиннском Преображенском
соборе. (ЕАА.5355.1.156)

Памятный барельеф
новомученику Эстонской
православной церкви
Платону, установленный на
стене Центральной городской
библиотеки в Тарту, близ
Успенского собора.

Мраморный
бюст епископа
Платона в
Таллинне 1935.
(ЕФА.114.3-4070)

<i>Альбомы</i>					
1	Альбомы с карточками и фотографиями	14			6 шт. изъято, остальные отданы родным
2	Фотоальбомы	3			Разделены (рассортированы)
<i>Мебель</i>					
1	Большой письменный стол	1			Здесь сыну.
2	Шкаф от письменного стола	1			Здесь сыну
3	Письменные принадлежности к столу:				Здесь сыну
	Мраморные подсвечники	2			
	Мраморные подставки для письма	3			
	Пепельница из металла	1			
	Мраморный пресс для бумаги	1			
	Стеклянный стакан для почтовых марок	1			
	Рулон клеящего средства	1			
	Почтовая бумага в сосновом деревянном ящике	1			

7	Диванный столик побольше	1		
8	Диванный столик поменьше	1		Забрали родители епископа
9	Четырехугольный столик	2	10 руб.	Один остался в квартире, а один продали
10	Большой ковер на полу	1		Остался в квартире епископа
11	Плюшевая скатерть	1		Забрали [родственники?]
12	Сменная суконная скатерть	1		Забрали [родственники?]
13	Подушки к софе	3		Забрали [родственники?]
14	Стул к письменному столу	1		Остался в квартире епископа
15	Банка из-под молотого кофе	1		Забрали [родственники?]
16	Плетеный мусорный ящик для бумаг	1		Здесь
17	Портьеры	6 пар		Забрали [родственники?]
18	Турецкая тахта	1	250 руб.	Здесь
19	Маленький сервировочный столик	1	100руб.	Здесь
20	Настенные часы	1		Унесли
21	Коричневые венские стулья	6	48 руб., по 8 руб. за шт.	Здесь
22	Маленький письменный стол	1	80 руб.	Здесь
23	Аналой	1		Отдан о. Бежаницкому
24	Черная полка	1		Унесли
25	Кровати с матрацами	2	100 руб	Одну унесли, другая осталась здесь.
26	Перовые подушки	4		Унесли
27	Маленький зеленый коврик	1		Унесли
28	Ватные одеяла	2		
29	Шерстяное одеяло	1		
30	Плед	1		
31	Шифоньер	1	300 руб.	Здесь
32	Комод для белья	1		Здесь, отдан Зееберг
33	Умывальный столик с ведром	1	50 руб.	Здесь
34	Буфет	1	400 руб.	Здесь
35	Обеденный стол большой	1	120 руб.	Здесь

36	Стулья к обеденному столу (один сломан)	12	240 руб.		Здесь
37	Кухонный стол	2	15 руб., 20 руб.		1 меньший, другой побольше, здесь
38	Столик для прихожей	1			Унесли
39	Одежная вешалка	2	1 руб. 1, 5 руб.		1 меньше, другая побольше, здесь
40	Карнизы	12	10 руб.		7 шт. осталось, за них уплатили 10 руб., остальные унесли
41	Стул с отделкой бронзой	1			Унесли
42	Лампа из столовой комнаты	1	50 руб.		Здесь
42	Канцелярская лампа	1	30 руб.		Здесь
<i>Белье</i>					
1	Рубашки	6			
2	Кальсоны	8			
3	Полотенца	6			
4	Наволочки	12			
5	Простыни	6			
6	Скатерти белые	4			
7	Скатерти цветные	2			
8	Столовые салфетки	6			
9	Носовые платки	3			
10	Носки	8			
11	Воротнички	6			
12	Манжеты	6 пар			
13	Манишка	2			
14	Белые оконные занавески	8			
15	Гардины	9 шт.			
<i>Одежда</i>					
1	Большая шуба	1			
2	Пальто	1			
3	Подрясник	5			
4	Летняя ряса	1			
5	Ряса серая	1			
6	Ряса коричневая	1			
7	Фелонь (риза) белая	1			
8	Шляпа серая для осени	1			
9	Шляпа фетровая	1			
10	Пальто штатское	1			
11	Брюки	2			
12	Жилет	1			
13	Цилиндр	1			
14	Летний пиджак				

<i>Столовая посуда</i>				
1	Винные бутылки	42		
2	Лимонадные бутылки	9		
3	Сахарницы	2		
4	Чайник	1		
5	Подносы	4		
6	Салатницы	2		
7	Стеклянная солонка	3		
8	Серебряная солонка	2		
9	Серебряные бокалы	2		
10	Фруктовые вазы	2		
11	Банки с вареньем	2		
12	Десертные тарелки	12		
13	Серебряные подстаканники	1		
14	Чайные стаканы	5		
15	Стаканчики для яиц	6		
16	Блюда	8		
17	Чайные чашки	5		
18	Соусник	1		
19	Посуда для рыбы	1		
20	Масленка	1		
21	Медная хлебница	1		
22	Деревянная тарелка для хлеба	1		Здесь
23	Настольный столик для обеденного стола	1		
24	Десертные ножи с подставками	22		
25	Глубокие тарелки	16		
26	Супница	1		
27	Молочник	1		
28	Суповые ложки серебряные	9		
29	Чайные ложки серебряные	3		
30	Ложки и вилки с белыми ручками	12 пар		
31	Ложки и вилки с черными ручками	4 пар		Здесь
32	Суповая поварешка	1		
33	Самовар, поднос, чашка	3		
34	Кухонный нож	1		
35	Деревянная солонка	1		Здесь
36	Деревянные подставки	2		
37	Подставка из фарфора	1		
<i>Кухонная утварь</i>				
1	Кастрюля для варки варенья	1		Здесь
2	Скалка	1		Здесь

3	Медный котел = Müüser wask = Uhter	1		
4	Мясорубка	1		
5	Жестяные формы для выпечки	2		Здесь
6	Эмалированная сковорода			Здесь
7	Дуршлаг	1		
8	Сковорода	1		
9	Жестяная кастрюля	1		
10	Медная кастрюля	1		Здесь
11	Медный котел	1		Здесь
12	Таз с кружкой для белья	2		
13	Эмалированные ванночки	2		Здесь
14	Медный чайник	1		
<i>Вещи из шкафа письменного стола</i>				
1	Аптечка	1		
2	Адреса	5		Здесь
3	Портрет Патриарха Тихона			Здесь
4	Счеты			
<i>Для книг отдельная опись</i>				
	Епископское облачение и украшения			
1	Белые облачения в эстонских цветах	1		
2	Саккос с серебряной каймой	1		
3	Саккос желтый с золотой каймой	1		
4	Епитрахиль	1		
5	Митра	1		
6	Епископский посох-жезл	1		
7	Клобук	1		
8	Панагия (нагрудное украшение)	1		
9	Четки из камней	1		
10	Трикирий и дикирий (выносные подсвечники)	2		
11	Орлец (круглый коврик, украшение для пола)	5		
12	Епископский посох черный	1		

Денежный ящик и в нем было:

- 1) Расчетная книжка текущего счета посторонних лиц Благочинного Русско-эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии прот. Павла Кульбуша II С.-Петербургского общества взаимного кредита № 48 1914 г.
- 2) Расчетная книжка Государственной сберегательной кассы по 40 бумаг № 3300, на сумму 2500 руб.
- 3) Деловые расписки на сумму (100 р., 550 р., 35 р.) = 685 руб.

В расходах Синода с 15 февр. по 31 марта 1919 на счет канцелярских расходов отнесена пересылка фотографии убитого Платона в Англию – 22.50 марки (л. 7).
На содержание епископского дома были потрачены в 1919 г. 4951 марка 86 пенсов.

На украшение могилы Платона – 102 марки.

На имя Петра Кульбуша было получено Синодом 300 марок, выдано получателю 250⁷.

Публикация, предисловие и комментарии Татьяны Шор

Summary

On December 31, 2017 one hundred years has passed since the date of Pavel Kulbush's accession in the bishop's dignity. Published document is the list of bishop Platon (the first Orthodox bishop of Estonia bishops) belongings at his residency after bishop tragic death on January 14, 1919.

Inventory has been made by the attendant of the Synod of the Estonian Apostolic orthodox church on February 3, 1919.

Inventory document is available at the National Archive of Estonia in «Sinod EAPC» fund in Tartu. Original documents is in estonian language. Introduction, translation, publication and references of the article has been made by Tatiana Shor (PhD, National Archive Of Estonia archivist (Tartu)).

Reference list

- 1 Rizhskie Eparhial'nye Vedomosti=REV. 1917. Poslednij vypusk. Sentjabr'-dekabr', s. 6–7.
- 2 Ibidem, 1917. # 5–6, s. 154
- 3 Cerkovnye vedomosti=CV. 1917. # 1. S. 6.
- 4 O nih sm.: Kумыш, Vladislav. Svjashhennomucheniki Jestonskoj cerkvi, v Jur'evе postradavshie. Sakt-Peterburg: Zhurnal «Neva», 2000. S. 3–140.
- 5 EAA.1655.3.664, l. 9 ob.
- 6 Ibidem.1655.3.664, l. 1–5.
- 7 Ibidem.1655.3.664, l. 9 ob.–10 ob.

Письма игуменьи Сергии (Мансуровой) епископу Ревельскому, викарию Рижскому Платону летом 1918 г.

(Материалы к истории эвакуации Рижского Св.Троице-Сергиева женского монастыря в годы Первой мировой войны)

The Letters of Mother Superior Sergyia (Mansurova) to the Bishop of Tallinn and Vicar of Riga Platon in summer 1918

(History materials of Riga St. Troitse-Sergiy nunnery monastery evacuation during the First World War)

В Эстонском национальном архиве в Тарту в фонде «Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви» (шифр ЕАА.1655) сохранились уникальные письма игуменьи Рижского Св.Троице-Сергиева женского монастыря Сергии (Мансуровой)* епископу

Ревельскому, викарию Рижскому Платону**, написанные из Савво-Вишерского монастыря Новгородской епархии летом 1918 года¹.

18 июля 1915 года в Ригу пришло известие, что рано утром следующего дня Троице-Сергиев монастырь и Спасо-Преображенская пустынь вместе с насельницами эвакуируются на специальном поезде вместе с духовным ведомством и некоторыми гражданскими учреждениями². Еще ранее в общину «Уте-

* Схиигуменья Сергия (в миру Екатерина Борисовна Мансурова, 1861–1926), дочь статс-секретаря Б. П. Мансурова и фрейлины императорского двора княгини М. Н. Мансуровой, урожд. Долгорукой) приняла постриг в Риге 19 сентября 1901 года и 12 января следующего года вступила в управление организованной усилиями семьи Мансуровых Рижской Свято-Троицкой общины. В 1908 году она стала почетным членом Прибалтийского братства Христа Спасителя и Покрова Божией Матери, что можно расценивать как признание ее трудов на ниве распространения православия в Балтийском крае. В 1915 году выехала из Риги вместе с на-

сельницами и обосновалась в Савво-Вишерском монастыре. Умерла в Царском Селе, в 1989 году ее останки перезахоронены в Пустыньке.

** Кульбуш Павел Петрович (1869—14.01.1919), первый эстонский православный епископ Ревельский Платон с 31.12.1917. О нем см.: Кумыш, Владислав. Жизнеописание священномученика Платона, епископа Ревельского (1869—1919). Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 1999. С. 3—40.

Рижский Свято-Сергиев женский монастырь

Собор Пресвятой Троицы в Риге

шение и отрада»* под Москвой были отправлены святыни, наиболее ценное церковное имущество, а также 30 человек слабых и немощных монахинь.

После последней литургии в монастырских церквах причт разобрал все три престола. Их сожгли в просфорной печи, а походные престолы, церковная утварь упакована. Всю ночь военный грузовик возил на вокзал монастырское достояние. В 5 часов утра 19 июля 67 насельниц монастыря разместились, кто как мог, в товарных вагонах и отправились в путь через Изборск, Печоры и Псков. Монахиням, у которых были родные в этих местах, разрешили остаться. 21 июля оставшиеся 25 обительниц Троице-Сергиева монастыря

* Женская община «Отрада и утешение» в поселке Добрыниха под Москвой была основана в 1898 году графинями М. В. и О. И. Орловыми-Давыдовыми на территории их имения. Мария Владимировна Орлова-Давыдова в 1902 году вслед за сестрами Мансуровыми приняла постриг с именем Магдалина и заведовала монастырским комплексом, включавшим к 1917 году два храма, три больницы, школу для девочек, приют для немощных и престарелых. Монастырь был закрыт в начале 1930-х гг., в нем располагалась Московская городская психиатрическая больница. Восстановлен в 1991 году.

и Спасо-Преображенской пустыни прибыли в Плюссу, где настоятельница Воскресенско-Покровской общины монахиня Мария (Арсеньева) устроила часовню-церковь. Монахиням-беженкам предоставили две классные комнаты в земской школе. В двух верстах от станции был нанят хутор с небольшим хозяйством, где устроили монастырскую кухню. Оттуда в школу два раза в день привозили пищу монахиням, которые на первых порах питались грибами да ягодами. Священник отец Н. Протопопов** жил в деревне Плюсса в трех верстах от церкви. Игуменья Евгения и мать Иоанна*** с разрешения архиепископа Рижского Иоанна****, пребывавшего в тот момент в Псково-Печерском монастыре, выехали в Ригу, чтобы принять участие в крестном ходе 1 августа, а также позаботиться о

** Отец Николай Протопопов окончил Рижскую духовную семинарию в 1890 году, посвящен во священника 28.10.1891 в Рижском соборе Пресвященным Арсением.

*** Младшая сестра игуменьи Сергии Наталия Борисовна Мансурова (1868–1934) посвятила себя Богу с именем Иоанна и заведовала Спасо-Преображенской пустынью под Елгавой.

**** Архиепископ Рижский и Митавский Иоанн (Смирнов, 1844–1919) управлял епархией с 1910 по 1917 годы. В 1915 году вместе с канцелярией Синода и семинарией находился в Тарту. Отбыл из Тарту в августе 1917 года для участия в Поместном Соборе, где поддержал эстонских и латышских делегатов, ходатайствующих о выборе национальных епископов.

Насельницы Рижского Свято-Сергиева монастыря в Плюссе

Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий)

монастырском доме призрения и принять меры к охране монастыря. Из Риги, забрав с собой иконы соборного иконостаса, сестры заехали в Псково-Печерский монастырь к архиепископу Иоанну за благословением, а затем отправились в Петроград хлопотать о дальнейшей судьбе монастыря и двухсот его насельниц.

Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений* предложил им сначала приют в Мало-Кирилловском мужском монастыре, но он оказался слишком мал. Тогда Владыка Новгородский предоставил в их пользование старинный Савво-Вишерский мужской монастырь в 10 верстах от Новгорода, на берегу реки Вишеры близ Московского шоссе. Основателем его был преподобный Савва, живший и почивший здесь в XV веке. Монастырских иноков расселили по разным монастырям, и 24 августа десять монахинь во главе с матушкой Иоанной стали готовить помещения и кельи к приему насельниц-беженок. На следующий день прибыл причт

рижского Троице-Сергиева монастыря и Спасо-Преображенской пустыни, к 1 сентября приехали 60 монахинь из Плюссии около 80 человек из приюта для малолетних и старух. Их разместили в церковно-приходской школе в Троицкой слободе. Монастырь посещали архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений, а также архиепископ Рижский и Митавский Иоанн. Владыка приезжал 30 августа, затем в день храмового праздника Рижской обители 25 сентября 1915 года вместе с архиепископом Иоанном. Торжественные богослужения в присутствии иерарха в Савво-Вишерском монастыре проходили 16 ноября 1915 года, а также 11 и 29 января 1916 года.

Все эти сведения публиковались в мае-июне 1916 года в «Рижских Епархиальных Ведомостях», печатавшихся в Нижнем Новгороде и прекратившихся в преддверии государственного переворота в сентябре 1917 года. На страницах этого издания описывалась повседневная жизнь рижан в военных условиях летом 1916 года: «Налеты вражеских аэропланов совершаются регулярно утром и вечером в ясные дни с чисто немецкой аккуратностью – это очередное развлечение рижан. Никто при них не прячется... Религиозная жизнь продолжает идти в сложившейся норме военного времени. В воскресные и праздничные дни в соборе, в монастырских, приходских и госпитальных церквях совер-

* Архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий, 1862–1936), епископ Псковский и Порховский 1903–1910, правящий архиепископ Новгородский 1910–1917, митрополит Новгородский 1917. Член Государственного Совета. Позже митрополит Ташкентский и Туркестанский. Русской православной церковью за границей причислен к собору новомучеников и исповедников Российских (1981).

шаются богослужения и предлагаются назидания... Число треб дошло до минимума. Не оскудевают лишь погребения...»³

О дальнейшей судьбе эвакуированных вглубь России Троице-Сергиева монастыря и насельниц Спасо-Преображенской пустыни

пусть расскажут чудом сохранившиеся письма, написанные сто лет назад настоятельницей Сергией недавно избранному епископу Ревельскому, викарию Рижскому Платону в июле 1918 года, незадолго до его трагической гибели 14 января 1919 года.

Письмо бывшей Настоятельницы Рижского Св.Троице-Сергиева женского монастыря

11/24 июля 1918

Ваше Преосвященство
Преосвященнейший Владыко,

Получив уважаемое письмо Вашего Преосвященства и узнав к великому моему утешению, что Вы находите, что препятствий к возобновлению жизни нашей Св. Троице-Сергиевой обители в Риге уже нет, я сейчас же снеслась к Матушкой Игуменьей Евгенией^{*} Иллуктского монастыря, которая еще в 1916 году Его Высокопреосвященством Высокопреосвященнейшим Иоанном переведена была на монастырь, и она потом же заявила свое согласие поехать в Ригу, о чем хотела донести Вашему Преосвященству, и ожидать Ваших распоряжений.

Матушка Игуменья Евгения со мною начала Рижскую Обитель, была постоянной моей сотрудницей в течение четырнадца-

* Схиигуменья Евгения (в миру Евгения Захаровна Постовская, 1864–1948), пострижена в рясофор в 1894 году в Свято-Троицкой Лавре, сподвижница сестер Мансуровых, игуменья (1905). Настоятельница Иллуктского Рождество-Богородицкого монастыря, заведовала Иллуктским духовным училищем для девочек. По рекомендации игуменни Сергии вернулась в Ригу для заведования Свято-Троице-Сергиевым женским монастырем, утверждена настоятельницей Синодом ЛПЦ (1921), в 1947 году в сане схиигуменьи ушла на покой.

ти лет, всею душою предана нашему делу, знает его до основания и потому с полным доверием, если последует благословение Вашего Преосвященства, передаю ей свое любимое детище, над которым не менее меня она потрудились. К тому же она хорошо знает Прибалтийский край, так как еще у нас в обители заведовала свечным заводом и потом как начальница Иллуктского духовного училища имела постоянное сношение с разными слоями населения епархии.

Не решаюсь сама продолжить свое дело, потому что не могу оставить сестер нашей обители в количестве 176, которых не мыслим теперь прокормить и содержать в Риге. У матушки игуменьи Евгении только 30 сестер, и ей легко будет постепенно перевести их обратно и там найти средства для их содержания. Может быть, часовня у Двинского вокзала будет действовать, также и свечной завод и этого достаточно будет на 30 человек, а по настоящим ценам на содержание 176 сестер нужно 32 000 руб.: без расходов на ремонт и содержание церквей.

– Здесь имеются угодыя и своими трудами мы кое-как питаемся. При том состоянии моего здоровья такое, что я сейчас не могу рискнуть трудным путем до Риги, матушка игуменья Евгения моложе и крепче меня.

– О ликвидации принадлежащего монастырю имущества, мне кажется, и мыс-

Екатерина Борисовна Мансурова, 1861–1926

Сёстры Мансуровы

ли быть не может, это было бы слишком обидно и больно и принесло бы большой ущерб церкви Прибалтийского края; наша обитель служила ей всем, чем могла, и я надеюсь, еще послужит хотя бы в качестве Миссии, как все заграничные церковные учреждения. Если о переходе Иллуkstского монастыря в Ригу нет официальных данных, это вследствие того, что предпоследний епархиальный съезд не дал движения этому вопросу, так как в то время судьба Риги была очень неопределенна, и они нашли его еще не своевременным и отложили до более определенных времен, а потом революция все остановила.

– Люб[овь] Ник[олаевна] Берг* действительно была очень близка к нашей семье, но она фанатичка, и в руках своих руководителей епископа фон Рооп** и аббата Лотэ

* Любовь Николаевна Берг, дочь служащего Рижского полицейского управления Николая Берга (1827–1879).

** Эдуард (Эдвард) фон дер Ропп (Рооп, 1851–1939), епископ Виленский, депутат 1-й Государственной думы, противник русификации Прибалтики, выслан во внутренние губернии в 1907 году.

способна на все; пишу ей, чтобы она и не думала о захвате нашего монастыря.

– Простите меня, Преосвященнейший Владыко, за это, может быть, слишком пространное письмо, но вопрос о судьбе нашей обители слишком большой, что невольно хотелось высказаться перед Вами, чрез которого теперь будут исходить все решения о дальнейшей судьбе ея.

– Прошу св. молитв Преосвященства и благословения, поручая дорогое детище мое доброму вниманию Вашему.

Вашего Преосвященства
Преосвященнейшего Владыки
Покорная послушница Савво-
Вишерского Новгородского монастыря
Игуменя Сергия⁴

В 1917 году вернулся в Ригу, но вскоре выехал в Петроград. В 1919 году был арестован и выслан в Польшу. О нем см.: ЕАА.4918.1.1584, л. 9, 22; Государственная дума Российской империи, 1906—1917: Энциклопедия. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 531—532.

Его Преосвященству
Преосвященнейшему Платону
Епископу Ревельскому
временно управляющему
Рижской епархией
Бывшей настоятельницы Рижского
Св. Троице-Сергиева монастыря,
эвакуированного в Новгородский
Савво-Вишерский монастырь
Игуменьи Сергии

Д о н е с е н и е

Честь имею донести Вашему Преосвященству, что 1918 г. 9/22 июля во исполнение указа Рижской Духовной консистории от 17/4 мая 1918 г. за № 646, согласно указу Новгородской Духовной Консистории от июня 8 дня 1918 за № 5961 о разрешении указом Св. Синода от 10/23 мая с. г. за № 1210 принять на службу в Новгородскую епархию весь состав Рижского Св. Троице-Сергиева монастыря, мною сданы монахини Серафиме, временно заведующей Рижским монастырем с принадлежащими ему учреждениями, все наличное монастырское имущество и капиталы, о чем составлен акт для представления в Епархиальное управление.

Вследствие нового порядка землепользования, который ограничивает количество

земли количеством едоков, мы находимся в опасности лишиться монастырских угодий Савво-Вишерского монастыря, на который из состава Рижского монастыря было выделено только 18 человек; так как оставаясь на положении беженки, мы не могли оставить за собою необходимое количество земли на пропитание 176 сестер, то это и побудило нас ускорить перечисление всего состава сестер Рижского монастыря в Новгородскую епархию; потеряв все угодья Рижского монастыря, немыслимо было потерять и здешние.

По выяснении положения Рижского Св. Троице-Сергиева монастыря и назначении новой Настоятельницы, мать Серафима немедленно сдаст все имущество и капиталы*.

Вашего Преосвященства
Преосвященнейшего Владыки
Покорная послушница
Игуменья Сергия
№ 64
Новгород, 11/июля 1918.⁵

* К письму прилагалась рукописная копия Протокола крепостного акта от 18.08.1894 о дарственной на участок № 170 (3 дес. 1600 кв. саж.) в имении замок Смитен, Валкского уезда владельцев князя Павла Павловича Ливена и его опекунши Натальи Федоровны Ливен. (ЕАА.1655.3.242. Л. 4-5).

Публикация, предисловие и комментарии Татьяны Шор

Summary

Recently unique correspondence of the Mother Sergiya (Mansurova) (Superior of Svjato-Trinity-Sergiys nunnery monastery of Riga) and the bishop Platon (the bishop of Tallinn and the vicar of Riga) has been found in fund EAA.1655 of Estonian National Archives in Tartu. «Synod of the Estonian Ap-

ostolic Orthodox Church» documents are stored in that fund.

Letters has been written in the Savvo-Vishersky monastery of the Novgorod diocese in July 1918. Mother Superior described life of nuns-refugees from the Baltics in the internal provinces of Russia during World War I, and

the process of return and revival of the monastery under new conditions in Riga. Introduction, publication and references on the article

been made by Tatiana Shor (PhD, National Archive Of Estonia archivist (Tartu)).

Reference list

- 1 EAA.1655.3.242. L. 1–3ob. Kirjavahetus Läti Apostliku Õigeusu Kiriku Sinodi, Narva Piiskopkonna nõukogu, Petseri kloostri ja teistega vaimulike Läti apostliku-õigeusu koguduse teenistusse siirdumise, Petseri kirikuteenistujatele Läti apostliku-õigeusu kogudustes vaimulike talituse pidamise keelamise ja muudes küsimustes. 1918–1928. [Perepiska s Sinodom Latvijskoj pravoslavnoj cerkvi, s Sovetom Narvskoj eparhii, s Pecherskim monastyrem i dr. o peremeshhenii svjashhennosluzhitelej LPC, o zaprete pecherskim svjashhennikam sluzhit' v prihodah LPC i po drugim voprosam.]
- 2 Jevakuacija zhenskogo monastyrja // Rizhskie eparhial'nye vedomosti (=REV). 1916. # 5–6. S. 165.
- 3 Shhukin V. Obshhee rizhskoe nastroenie //REV. 1916. # 7–8. S. 215.
- 4 EAA.1655.3.242. L. 1–2, rukopis', original
- 5 EAA.1655.3.242. L. 3–3ob., mashinopis'

Письмо митрополита Елевферия (Богоявленского)
бывшему главному секретарю Карловацкого
Синода Е. И. Махароблидзе от 05.10.1932 года

Letter of Metropolitan Elevfery (Bogoyavlensky) to
the former head secretary of the Synod of Karlovci,
E. I. Makharoblidze from October 5, 1932

На фоне церковной полемики конца 1920-х-нач.1930-х годов, в период трагического разделения Московской Патриархии и Русской Православной Церкви Заграницей, публикуемое письмо митрополита Елевферия (Богоявленского) является редким образцом прямого диалога между представителями этих Церквей. Вступивший 30.04.1931 года в должность Управляющего Западноевропейскими русскими приходами митрополит Елевферий ставил перед собой задачу: «если не восстановления канонического духовного строя в русском церковном зарубежье <...> то пробуждения в какой-либо мере канонического сознания» (Церковь и время. 1999, № 3 (12), с.288). Публикуемый документ представляет интерес прежде всего в контексте этой деятельности митрополита Елевферия.

Подписанием 17.05.2007 года патриархом Московским Алексием II* и Первоиерархом

* Алексий II (Ридигер, 1929-2008), Святейший Патриарх Московский и всея Руси в 1990-2008 годах.

РПЦЗ митрополитом Лавром** акта о каноническом общении завершилась эпоха разделения между Московской Патриархией и Русской Православной Церковью Заграницей. С момента вступления в силу акта о каноническом общении, все документы двух частей единой Поместной Церкви, в которых содержались взаимные прещения, заявления о неканоничности, обвинения в безблагодатности, утратили свою силу. Воссоединению двух частей Церкви способствовало снятие идеологических и политических препятствий в истории их взаимоотношений, так как по преимуществу политические мотивы привели МП и РПЦЗ в 1920-е годы к разделению. Политические мотивы в Русской Зарубежной Церкви ярко проявились уже на Соборе в Сремских Карловцах в 1921 году. Соборное воззвание «Чадам Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим», содержавшее призыв к восстановлению в России монархии

** Лавр (Шкурла, 1928-2008), митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Первоиерарх РПЦЗ в 2001-2008 годах.

Митрополит Елевферий (Богоявленский).
Фотография из архива ЦАК МДА

и конкретно династии Романовых, а также обращение Собора к Генуэзской конференции с призывом к борьбе с большевиками печально отразились на отношениях Церкви в России с Церковью За рубежом. В среде русской эмиграции эти документы тоже вызвали споры и разделение. «Карловацкий Собор, вместо того, чтобы встать выше политических распрей, вместо того, чтобы объединить всех русских эмигрантов, независимо от их политических воззрений, встал на сторону одной из партий – на сторону приверженцев царской власти».¹

Позднее проводимый Заместителем Местоблюстителя Московского Патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским)* курс церковной политики, кото-

* Сергей (Страгородский, 1867-1944), митрополит. В 1925-1936 годах Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола РПЦ. В 1936-1943 годах Патриарший Местоблюститель. Патриарх Московский и всяя Руси в 1943-1944 годах.

рый был навязан ему советской властью, не был принят значительной частью Русской Церкви в отечестве и за границей. В первом проекте своей декларации (10.06.1926) митрополит Сергей, выражая готовность к лояльности по отношению к советской власти, пытался отмежеваться от зарубежного русского духовенства, от ответственности за их деятельность. Предполагалось установить правило, согласно которому всякое духовное лицо, не желавшее признавать гражданских обязанностей перед Советским Союзом, исключалось бы из клира Московской Патриархии и поступало бы в ведение тех Поместных Церквей, на территории которых это духовенство находилось. Это относилось и к русским церковно-правительственным учреждениям за границей. В этом же проекте митрополит Сергей пишет: «Отмежевавшись таким образом от эмигрантов, мы будем строить свою церковную жизнь в пределах СССР совершенно вне политики...»**.

Митрополиту Сергию не удалось остаться аполитичным в своей деятельности, но он требовал этого, в частности, от зарубежного духовенства. 14.07.1927 года митрополит Сергей направил Управляющему Западно-Европейскими приходами митрополиту Евлогию (Георгиевскому)*** указ, в котором

** Проект обращения к православным архипастырям и пастырям митрополита Сергия (Страгородского) от 10.06.1926 года (первоначальный вариант «Декларации» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943». Составитель М. Е. Губонин. ПСТБИ. М, 1994, с. 475.

*** Евлогий (Георгиевский, 1868-1946), митрополит. 26.03.1931 года назначен Патриархом Тихоном (Беллавиным) временно управляющим православными русскими приходами в Западной Европе. 10.06.1930 года митрополитом Сергием (Страгородским) запрещен в священнослужении и уволен от занимаемой должности. В 1931 году перешел в юрисдикцию КП и назначен Экзархом Константинопольского Патриарха в

ему, а также всем заграничным архипастырям и духовенству предлагалось дать подписку о лояльности советскому правительству. Митрополит Евлогий дипломатично ушел от прямого исполнения указа митрополита Сергия, найдя компромиссное решение, заменив слово «лояльность» на аполитичность Зарубежной Церкви.

Вскоре была издана известная «Декларация» митрополита Сергия, ставившая вопрос о пребывании зарубежного духовенства в Русской Церкви в зависимости от отношения к советской власти: «наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и Родиной»*.

Реакцией со стороны РПЦЗ на Декларацию митрополита Сергия от 29.07.1927 года стало формальное прекращение общения с Московской церковной властью. Архиерейский Синод РПЦЗ в Окружном послании от 09.09.1927 года так охарактеризовал гибкий курс митрополита Сергия, предельно выраженный в декларации: «Послание преследует недостижимую цель – установить неслыханный и неестественный союз между безбожной властью и Святой Православной Церковью».² В этом же послании отмечалось, что РПЦЗ не отделяет себя от своей Матери Церкви и по-прежнему считает своим главой Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского)**. Декларация осложни-

Западной Европе. В 1945 году воссоединился с Русской Православной Церковью МП.

* Послание (Декларация) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и Временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы... . с.512.

** Пётр (Полянский, 1862-1937), митрополит Крутицкий. Местоблюститель Патриаршего престо-

Митрополит Сергий (Страгородский)

ла и взаимоотношения в церковной среде Русского зарубежья, усугубив конфликт между митрополитом Евлогием и Архиерейским Синодом РПЦЗ. 08.09.1927 года, Собор архиереев РПЦЗ поставил точку в конфликте с митрополитом Евлогием (Георгиевским), запретив его в священнослужении. Суть конфликта заключалась в претензиях «сторон на полноту власти в заграничных епархиях».³ 09.05.1928 года митрополит Сергий и Временный Синод выпустил постановление об упразднении возникшего в Сремских Карловцах Высшего Церковного Управления заграничными православными епархиями. К 1930 году у митрополита Евлогия накалились отношения с митрополитом Сергием (Страгородским), который пытался поставить под контроль, по сути, советских властей, действия зарубежных иерархов. «Осуществляя нелегкий труд по управлению западноевропейскими церквями, митрополит Евлогий был вынужден постоянно согласовывать претензии из Москвы с требованиями своей паствы, что было почти невозможно. При этом он постоянно подвергался жесткой критике Карловацкого Синода».⁴

ла МП в 1925-1936 годах. В результате ложного сообщения о кончине митр.Петра в 1936 году, обязанности Местоблюстителя принял на себя митр.Сергий (Страгородский).

1-й съезд Православных немцев. В центре архиепископ Берлинский и Германский Александр (Ловчий), третий слева в первом ряду-настоятель обители архим.Иов (Леонтьев). Во втором ряду по правую руку от архим. Иова-Е.И.Махароблидзе. Во втором ряду по левую руку от архиеп.Александра-протопресвитер Василий Виноградов. Мюнхен, монастырь преп.Иова Почаевского. 1952 год. Фото из архива Германской епархии

10.06. 1930 года, указом митрополита Сергия, митрополит Евлогий был отстранен от управления русскими церквами в Западной Европе. Указ вступил в силу 24.12.1930 года. В письме митрополиту Сергию от 09.12.1930 года митрополит Евлогий заявил об отделении от Московской Патриархии, а 17.02.1931 года перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Так оформилось разделение Московской Патриархии с двумя граничными русскими церковными центрами.

Временное управление Западно-Европейскими приходами было поручено митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию (Богоявленскому)*, который исполнял это

* Елевферий (Богоявленский, 1868-1940), митрополит. 21.08.1911 года хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917

«временное» послушание вплоть до своей кончины в 1940-м году. Митрополит Елевферий-автор публикуемого письма, являлся активным сторонником и апологетом церковной политики Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Его публицистические работы, наряду с трудами профессоров И. А.Стратонова и С.В.Троицкого, «содержат все основные положения антикарловацкой критики, и последующие писатели только повторяли сказанное ими»⁵. И если позиция проф.Троицкого менялась в зависимости от ситуации, то митрополит Елевферий и проф.Стратонов были весьма последовательны в своих взглядах. Будучи с 1917 года управляющим, а с 1921 года правящим епископом Литовско-Виленской епархии, митрополит Елевферий оставался в числе немногих зарубежных иерархов, сохранивших за

пределами советской России верность Московской Патриархии (МП).

Адресатом письма владыки Елевферия был известный церковный деятель Русского Зарубежья, к тому времени уже бывший секретарь Высшего Церковного Управления, а затем Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, главный редактор официального издания зарубежной Церкви-«Церковных Ведомостей»-Е. И. Махароблидзе**. При его активном участии было

года управляющий Литовской епархией. С 1921 года архиепископ Виленский и Литовский. Митрополит (1928).

** Махароблидзе (Махараблидзе) Е. И.. (02.07.1886-10.08.1960). Родился на Кавказе в семье военного священника. Окончил Санкт-Петербургскую ДС и Санкт-Петербургский университет. После окончания семинарии работал по военно-духов-

образовано Временное Высшее Церковное Управление Юго-Востока России в 1919 г. и организован Всеаглицкий Русский Церковный Собор в Сремских Карловцах в 1921 году. Архиепископ Берлинский и Германский Александр (Ловчий)* к 50-летию юбилею церковно-общественного служения Е.И.Махароблидзе в 1956 году писал, что юбиляр: «в своих писаниях и деятельности неуклонно доказывал необходимость существования Зарубежного Церковного Центра и был его ревностным защитником». В связи с этим стоит упомянуть, что именно Махароблидзе на заседании Высшего Церковного Управления 01.09.1922 года, которое было посвящено указу Патриарха Тихона (Беллавина)⁶ № 348 от 05.05.1922 года об упразднении Зарубежного ВЦУ, активнее всех выступал за сохранение ВЦУ и за отказ выполнять патриарший указ. Доклад Махароблидзе «оказал наиболее значительное влияние на собравшихся и сыграл на заседании едва ли не ключевую роль».⁷ Причиной появления Патриаршего указа № 348 были уже упомянутые воззвания Карловацкого Собора 1921 года.

Вероятно, знакомство митр.Елевферия с Махароблидзе состоялось в начале 1920-х годов, когда литовский иерарх признавал и поддерживал ВЦУ за рубежом. Митр.Елевферий был в числе приглашенных на Архиерейский Собор РПЦЗ 1923 года, но не смог

ному ведомству и ведомству Православного исповедания. В 1920-е и до 1931 года секретарь ВЦУ, управляющий канцелярией Синода РПЦЗ. Редактор журнала «Церковные ведомости» и «Церковное обозрение». В 1950-е г. секретарь Епархиального управления Германской епархии, член Епископского совета, член-секретарь Епархиального суда и многолетний староста церкви в Ландсхуте.

* Александр (Ловчий, 1891-1973), архиепископ. 29.07.1945 года хиротонисан во епископа Бад-Киссингенского, викария Германской епархии РПЦЗ. С 11.04.1952 года архиепископ Берлинский и Германский. С 15.03.1971 года на покое.

принять в нем участия, отправив на Собор своего представителя. Для Собора передал свое мнение относительно церковной жизни за границей. В редактируемом Махароблидзе официальном журнале РПЦЗ «Церковные Ведомости» мнение митр.Елевферия, в числе прочих отзывов, было названо «благоприятным для целей и задач Собора»^{**}. Важно отметить, что это происходило уже после издания Патриархом Тихоном указа об упразднении зарубежного ВЦУ. Признание и поддержку РПЦЗ митр.Елевферием можно объяснить, с одной стороны, тем, что он прекрасно понимал необходимость существования церковного центра за рубежом.

А с другой стороны, церковная власть в России в это время была дезорганизована: патриарх Тихон с мая 1922 по июнь 1923 года находился под арестом в Донском монастыре. Не был допущен в Москву и заместитель Патриарха митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский)^{***}. Власть захватило обновленческое ВЦУ, созданное большевиками для раскола Церкви. Временно примкнул к обновленцам в те годы и митр.Сергий (Страгородский).

К середине 1920-х годов, в процессе относительной нормализации церковной власти в России, митр.Елевферий встал на сторону Московской Патриархии, что не могло не

** Прибавления к официальной части журнала «Церковные Ведомости». 1923 г., №11 и 12, с.9-10. Письмо митр.Елевферия с отзывом предстоящему Собору хранится в ГА РФ, Ф.6343, Оп.1, Д.3, Л.214-215, Письмо архиепископа Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского) от 17.04.1923 во Временный Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей с изложением мнения относительно устройства церковной жизни за границей.

*** Агафангел (Преображенский, 1854-1928) священноисповедник. С 04.10.1897 по 13.08.1910 год - епископ Рижский и Митавский (с 1904 года архиепископ). С 13.08.1910 по 22.12.1913 год архиепископ Литовский и Виленский. С 22.12.1913 года архиепископ (с 1917 митрополит) Ярославский и Ростовский.

Митрополит Евлогий
(Георгиевский)

отразиться на его отношении к РПЦЗ. Но, к чести митрополита, нужно заметить, что он не прервал контакты на личном уровне с представителями РПЦЗ, «не стал врагом Зарубежной церкви и стремился к устранению разделения»⁸. Его переписка с Е. И. Махароблидзе является подтверждением этого факта. А публикуемое письмо в полной мере характеризует степень изменения позиции митр. Елевферия по отношению к РПЦЗ со времени Архиерейского Собора 1923 года. Безусловно, митр. Елевферий понимал, что общение, обмен информацией с РПЦЗ необходимы. Он хорошо помнил годы информационной блокады между Церквами. В своей книге «Неделя в Патриархии» он вспоминал об этом: «Казалось, что между Патриархией и Зарубежной Церковью лежит такая непроходимая пропасть, что о каком-либо личном общении нельзя и думать. Нам, зарубежным, оставалось довольствоваться только случайными разнообразными вестями, цену которым, быть может, немногие давали применительно к своим убеждениям, чаще всего доверяли им»⁹.

В ряду зарубежных апологетов церковной политики митр. Сергия наибольшей осведомленностью отличался именно митр.Елевферий. Непосредственное общение с митр.Евлогием, представителями РПЦЗ, переписка с митр. Сергием и посещение Московской Патриархии в 1928 году давали ему возможность более реально оценить современную церковную ситуацию. Но в научной литературе митр. Елевферий характеризуется как человек наивный, доверчивый, некритично воспринимавший информацию¹⁰. Упрекали в этом литовского владыку уже его современники, критикуя, в частности, его книгу «Неделя в Патриархии». Протопресвитер Василий Виноградов писал: «Книга эта поражает той наивной, почти детской доверчивостью, с какой заграничный иерарх, незнакомый с условиями советской жизни и психологией подсоветских церковных деятелей, и к тому же человек чистой и открытой души, взирал на искусственно для показа ему созданные фикции *свободной* церковной жизни и *свободного* церковного управления. Ему и на мысль не приходит, чтобы так гостеприимно принимающие его члены Синода, русские иерархи, могли почему-либо на его вопросы об условиях и обстоятельствах церковной и их личной жизни давать ответы не те, которые они хотели бы ему дать, а те, которые угодны ГПУ...»¹¹.

Действительно, лично с условиями советской действительности митр.Елевферий знаком не был, но в Литву к этому времени вернулось из советской России значительное чисто оптантов, которые были хорошо осведомлены о ситуации. В их числе было и духовенство. Доходили к нему известия из России и через зарубежных иерархов. Но митр.Елевферий воспринимал церковные события в России через призму церковного курса митр.Сергия. Самому митр.Сергию приходилось трудиться в условиях жесткой несвободы, давления со стороны ГПУ. Информацию о реальном положении дел в МП

можно было доносить только завуалированно. Митрополит Елевферий передавал эту информацию, адресат которой должен был прочесть нужное «между строк». Очевидно, что любое опрометчивое высказывание митр. Елевферия могло подставить под удар митр.Сергия.

Публикуемое письмо написано митр.Елевферием вскоре после его назначения митр. Сергием временно Управляющим Западно-европейскими русскими приходами.

На этом посту он поставил перед собой задачу, «если не восстановления канонического духовного строя в русском церковном зарубежье <...>, то пробуждения в какой-либо мере канонического сознания в русской массе»¹². Публикуемый документ представ-

Митрополит Антоний
(Храповицкий).
Председатель АС РПЦЗ
в 1922-1936 годах

ляет интерес прежде всего в контексте этой деятельности митр. Елевферия.

Орфография и пунктуация оригинала письма при публикации сохранены. Комментарии Е.И. Махароблидзе на полях письма приводятся в круглых скобках. Восстановленные по смыслу произвольные сокращения восстановлены в квадратных скобках.

Многоуважаемый
Эксакустодиан Иванович.

Письмо Ваше от 22 Сентября я получил. Скажу кое что по содержанию его.

Едва ли кто либо смог бы когда либо возразить против полезности объединяющей соответствующего ранга заграничной церковной власти. Но она должна быть дана Высшею Церковною Властью. Всякое устроения ея без санкции последней без всякого спора и сомнения-власть неканоническая, самочинная (*А разве указ П[атриарха] от 20.ХІ.1920 г. не санкция? Комментарий Е. И.Махароблидзе на полях*)*.

* Имеется в виду Постановление № 362 патриарха Тихона и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 07(20).11.1920 года о мероприятиях на случай прекращения Патриархом и Высшим Церковным Управлением своих церковно-административных функций, в пункте 2 которого указано: «... В случае, если епархия, вследствие передви-

Таковую и явились Карловацкий Собор и Синод, тем более что они явились после специального акта закрытия Патриархом и Свящ[енным] Синодом В. Ц. У. и, следов[ательно] вопреки воле последних. Посему я очень сомневаюсь, чтобы в Карловацком Синоде или у м[итрополита] Евлогия были письменные акты Патр[иарха] Тихона, м[итрополита] Петра, разрешавшие существование высшего административного судебного церковного заграничного центра; это не соответствовало бы характеру церковной деятельности ни Патриарха Тихо-

жения фронта, изменения государственной границы и т.п. окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление во главе со Святейшим Патриархом почему-либо прекратит свою церковно-административную деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношения с архиереями соседних епархий на предмет организации Высшей Церковной Власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях...». Цит.по: Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Изд-во ПСТГУ, М. 2007, с.237-239.

Патриарх Московский и всея России Тихон (Беллавин) и митрополит Крутицкий Петр (Полянский).

на, ни м[итрополита] Петра (*Имели, были и есть. А закрытие было под давлением большевиков и результатом неосведомленности. Комментарий Е. И. Махароблидзе на полях*)*. При том, если бы они писали о

* Указ патриарха Тихона № 348 от 05.05.1922 года упразднял Карловацкое Всезаграничное ВЦУ. Формально этот указ ВЦУ выполнило, но вся власть и полномочия упраздненное ВЦУ передано Временному Заграничному Архиерейскому Синоду, то есть тем же лицам. Действительно, после указа № 348 неизвестно о письменных актах патриарха и митр. Петра (Полянского), разрешавших существование высшего административного судебного церковного заграничного центра. Но тем же указом временное управление русскими заграничными приходами временно поручалось митр. Евлогию. Так что вопреки заявлению митр. Елевферия, у митр. Евлогия был патриарший указ. В комментариях к этой части письма Махароблидзе пишет, что письменные акты «имелись, были и есть». В первую очередь речь могла идти об указе патриарха Тихона № 362 от 20.11.1920 года. Именно этот указ явился основанием для создания Архиерейского Синода за границей, вместо упраздненного в 1922 году ВЦУ. Прав Махароблидзе и в том, что указ об упразднении заграничного ВЦУ патриарх Тихон издал под давлением большевиков. Если зарубежные деятели могли об этом тогда дога-

том неоднократно, то созданные Карловцами ц[ерковные] учреждения они утвердили бы, зная, что без этого те учреждения не имели бы никакой канонической силы, просто были бы беспочвенны, висели бы в воздухе (*Боялись большевиков. Комментарий Е. И. Махароблидзе на полях*). Правда, м[итрополит] Сергей в одном частном письме к А[рхиепископу] Феофану, за опубликование которого Карловцами он сидел в тюрьме, писал, что он не может быть судьей заграничной распри и советовал создать за границей «авторитетное» церковного устройства, а если невозможно, то, согласно свв. канонам, т.е. воли Божией, временно подчиниться местным автокефальным церковным учреждениям.

Карловацкий Синод слишком раздул значение этого частного письма, придав ему чуть ли ни цену официального акта и на него, как на каноническую, опирался, если не в создании своих учреждений, то в оправдании их (*А почему не официальный акт, что нет исходящего № и печати? Комментарий Е. И. Махароблидзе на полях*)**.

дываться (в частности, Махароблидзе приложил немало усилий на заседании Заграничного ВЦУ 01.09.1922 года, чтобы доказать, что на патриарха было оказано давление в деле закрытия ВЦУ), то сегодня архивные документы дают все основания к утверждению о том, что указ был вынужденный. См. «Следственное дело Патриарха Тихона. <http://pstgu.ru/download/1306766562.Delo.pdf> (дата обращения-05.07.2016).

** Вероятно, митр. Елевферий имеет в виду письмо митр. Сергея от 25.09.1926 года на запрос АС РПЦЗ с просьбой уладить несогласия между Синодом и митр. Евлогием. Письмо было направлено доверительно в Карловцы и в Париж, но стало достоянием печати. Митр. Сергей писал зарубежным архиереям: «Дорогие мои святители, вы просите меня быть судьей в деле, которого я совершенно не знаю. Не знаю, из кого состоит ваш Синод и Собор и какие их полномочия, не знаю я и предмета разногласия между Синодом и митрополитом Евлогием. Ясно, что судьей между вами я быть не могу. Ваше письмо дает мне повод поставить общий вопрос, может ли вообще Мо-

Там, в Карловцах не хотели понять того, что если м[итрополит] Сергей в частном письме и говорил, что он не может быть их судьей, то лишь потому, что в то время всякое взаимное сношение за границы с церковным Московским центром было невозможно, ибо Православная Церковь там не имела законного регистрационного существования. Эта невозможность была совсем облегчена легализацией Церкви, что доказывалось сношением м[итрополита] Евлогия с м[итрополитом] Сергием и продолжает действовать в сношениях

сковская Патриархия быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между ними фактически нет отношений. Мне думается, польза самого церковного дела требует, чтобы вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия и имеющий силу пресекать всякое недоразумение и всякое непослушание, не прибегая к нашей поддержке (всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений или объяснять их недостаточной осведомленностью, одни будут их признавать, другие — нет, например, митрополит Евлогий, как вы пишете, ссылается на указ Святейшего Патриарха от 22 г., а вы — на указ 20 г. и т. п.), или же, если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уж лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская Церковь устроить себе не может, и потому всем вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например в Сербии Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной Православной Церкви, которая Вас приютила. В неправославных странах можно организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и нерусские. Такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старание всех удерживать власть и подчинить искусственно созданному центру». Цит. по: Маковецкий Аркадий, прот., Бела Церковь вдали от атеистического террора. СПб. 2009, с. 49.

последнего со мною*. При всем том, м[итрополит] Сергей говорил о создании «авторитетного» церковного органа, т.е. на моральных основаниях, на братском доверии, как я писал в своем мнении о содержании того письма, а не о канонических основаниях, каких не было и не могло быть, ибо в таком случае не было бы нужды говорить ему о подчинении местной автокефальной власти, на случай невозможности создать «авторитетный» орган.

Сверх всего, если бы были от Патриарха какие либо благовоительные разрешения на устройство за границей церковного центра, то разве Карловацкий Синод, в своем бессилии защитить и обосновать свое каноническое бытие в распре с м[итрополитом] Евлогием, не оперся бы на них, тем более если подобные указания Москвы были сделаны в известных и Карловцам письмах Предстоятелей Патриаршей Церкви к м[итрополиту] Евлогию? Ведь нужно вспомнить, с какою силою разбивал м[итрополит] Антоний** все положения м[итрополита] Евлогия в защиту последним своего отрыва от Карловцев. А когда тот же м[итрополит] Антоний или Синод вынуж-

* Из письма митр.Сергия от 12.09.1926 года отнюдь не следует, что МП только из-за отсутствия сношения с заграничными русскими церковными центрами или нелегализованностью Церкви в советской России не может быть судьей и руководительницей церковной жизни православных эмигрантов. Вполне оправданно видеть в этом письме митр.Сергия «предупреждение, за которым скрывается фактический отказ от руководства зарубежной Церковью и благословение устраивать церковную жизнь самостоятельно» Косик О.В. Очерки истории сбора и передачи за границу информации о положении Церкви в СССР (1920-е – начало 1930-х годов). Изд-во: ПСТГУ, М. 2011, с. 107.

** Антоний (Храповицкий, 1863-1936), митрополит Киевский и Галицкий с 1918 года. В мае 1919 года возглавил ВЦУ Юга России. В 1920 году эмигрировал. Первоиерарх РПЦЗ (ранее Зарубежного ВЦУ) в 1920-1936 годах.

дались ходом дела защищать якобы каноническое бытие Карловацких учреждений, то, не имея никакого для того основания, они по необходимости опирались на какие-то ничего не говорящие в пользу искомого права фактики, так что пришлось невольно говорить себе: зачем это писать? В такой по вопросу быть или не быть полемике едва ли можно говорить о соблюдении деликатности в замалчивании в печати об имевшихся из Москвы актах. И какой мог быть страх чрез опубликование этих актов вызвать «страшный террор» против Церкви в России, когда п[атриарх] Тихон уже умер, м[итрополит] Петр в ссылке, а м[итрополит] Сергей за частное письмо уже отсидел в тюрьме? Нет, книга Проф. Стратонова не «детский лепет и стремление заработать», а труд почтеннейший, вызванный любовью к Матери Церкви и вскрывший все недуги заграничного раскола*.

Не могу согласиться с тем, что Вы своими статьями в Церковных Ведомостях по церковным вопросам стояли на почве беспристрастия, объективности (*Конечно, ибо чувствовал правду. Комментарий Е. И.*

* Неизвестно, какую именно работу проф. И. А. Стратонова (1881-1942) подразумевает здесь митр. Елевферий. К 1932 году Стратоновым на тему истории взаимоотношений МП и русского зарубежья были изданы следующие труды: Документы Всероссийской патриаршей Церкви. Берлин, 1927; Очерки по истории русской церковной смуты, 1927; Развитие церковной смуты. Вюрцельсдорф, 1928; Русская церковная смута: 1921-1931 гг. Берлин, 1932. Возможно, речь идет о последней книге, как самой близкой к моменту написания митр. Елевферием письма. В этой книге профессор писал: «все раскольничьи образования имеют одно общее между собою, будет ли то живоцерковство или григорьевщина или карловацкое согласие: все они порвали общение с Русской церковью и, через это, с церковью вообще». Русская церковная смута: 1921-1931 гг. // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии: Мат-лы по истории Церкви. Кн. 5. М., 1995, с. 142.

Махароблидзе на полях). Нет, Вы вели определенную линию против Патриархии в защиту Карловцев, дойдя до того, что случайное собрание уволенных от кафедр Высшею Церковною Властью иерархов, действующее с самовольно присвоенными себе правами Высшей Власти, считали выше прав и полномочий Самого Патриарха**. Это и понятно, раз Вы действовали в Карловацком Синоде.

В последних двух №№ сгладилась острота уклона в направлении журнала против нашей Патриархии, но все же и теперь нет-нет да и пахнет тем же чувством. Не сразу, разумеется, изменится настроение. Не могу сочувствовать Вашему стремлению содержанием своего журнала только дать «всем вся». Это еще-еще сходило бы в мирное время. А когда идет борьба страстей около Истины, стремящихся завалить ее пеплом своих измышлений, то долг всякого христианина, владеющего пером и любящего Истину, каковым я хотел бы видеть Вас, не давать не могущей разбираться публике в том, что в области церковной правда и что ложь, сведения без определенной оценки их критерием Истины, ибо это значило бы питать греховныя страсти заблуждения, а всячески хотя бы и осторожно пока, вы-

** Митр. Елевферий вполне справедливо указывает на крайность позиции Махароблидзе в первой пол. 1920-х годов. Махароблидзе допускал полный разрыв общения с патриархом Тихоном и усвоения АС РПЦЗ прав Всероссийской Церковной власти. Но интересна характеристика, данная митр. Елевферием заграничным иерархам-«случайное собрание уволенных от кафедр Высшею Церковною Властью иерархов, действующее с самовольно присвоенными себе правами Высшей Власти». Это выражение контрастирует с тем, что митр. Елевферий об этих иерархах писал в уже упомянутом письме от 17.04.1923 года к предполагаемому Архиерейскому Собору. На вопрос о желаемом составе Синода, митр. Елевферий ответил: «Лично я приветствовал бы и теперешний, как состоящий из достойнейших иерархов». ГА РФ, Ф.6343, Оп.1, Д.3, Л.214-215.

являть Истину, служить воссозданию церковного единства, без чего вся подобная работа будет оправдываться целью одного заработка. Вам бы время поработать именно в этом направлении, чтобы загладить ту работу, которую Вы, извините за откровенность, содействовали углублению церковного заграничного раскола (?! *Заметка Е. И. Махароблидзе на полях*).

И когда Вы пишете, что «соборяне и их противники», приветствуя Ваш журнал, пишут Вам: «давно пора такому органу», то я бы спросил: понимают ли они, что теперь есть «единое на потребу»?

Идея Истины, конечно, единой, ибо таково онтологическое Ея свойство, им еще чужда; а это отдаляет умиротворение нашей страдальницы Церкви и спасение родины; а ведь последнее, несомненно, есть «край желаний» и соборян и их противников, как и вообще всех русских, а пути к тому еще не хотят уразуметь: ведь только Истина спасает, только на ней создается все здоровое, жизненное; ради выявления Ея подверглись величайшему потрясению наша Церковь и родина.

«Ищите прежде Царства Божия и правды Его, а все остальное приложится». Не знаю, какой там в России «достоинейший» епископ писал об отношении Церкви к гражданской власти*, если он восстает

* Возможно, речь здесь идет о Послании «одного епископа» от 12.1927 года по вопросу о законности причин, допускающих молитвенно-канонический разрыв с высшей церковной властью (Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917-1943». ПСТБИ. М, 1994, с.554-555). Может здесь подразумеваться и письмо от 04.11.1927 года, приписываемое архиеп. Илариону (Троицкому) по поводу Декларации митр.Сергия (там-же, с.524-529), но принадлежащее, вероятнее всего, мч.Михаилу Новосёлову (Горбачев А. Об авторстве одного письма, приписываемого священномученику Илариону. 2014, <http://www.pravoslavie.ru/71868.html> (дата обращения-12.09.2016).

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) и митрополит Арсений (Стадницкий). Ташкент. 1928 год

против определенного Божественного благовестия Христа: «Дана Мне всякая власть на небеси и на земли» и, следовательно непреложно не только «несть власть, аще не от Бога» по существу, но и то, что «сущии власти от Бога учинены суть».

Идти против этой ясно засвидетельствованной Истины, зачитываться писаниями этого «достоинейшего» епископа и вообще подобного рода не значит ли доказывать, что таковые еще не вошли подвигом в познание этой Истины и действуют против Христа (? *Заметка Е. И. Махароблидзе на полях*).

Иное дело, для чего дана Христом русскому народу такая безбожная, жестокая власть?-для спасения, ибо Христос определенно сказал, что «Отец послал /Его/ не судить, но спасти мир» (Ин.3:17) и первое всего тот народ, который призван Им держать в себе Истину, спасительную для всего мира. Все это, к сожалению, только замедляет восстановление в Истине Церкви и умиротворение Родины.

Вопрос об отношении Церкви к гражданской власти я не могу считать академическим, требующим какого-либо научного изыскания, а совершенно ясно и определенно раскрытым в Новозаветном Откровении, не говоря уже о Ветхозаветном, который, к сожалению, как и Вы пишете, запутали иерархи, готовые признавать Богом данную власть-«Езекию», а «Наву-

ходоносора», разрушившего Иерусалим, храм, забравшего свв. Сосуды, людей, из коих многих избившего, -властью сатанинской, хотя о нем чрез пророков предсказывал Сам Бог, называя его «Своим слугою». Преткнулись о камень земного благополучия и не желают вставать в высоте духовной. А нужно, нужно.

Я подтверждаю, что м[итрополит] Арсений не был в ссылке*. Дело было так, как мне передал м[итрополит] Сергей. Он им помещен в список членов первого состава Свящ[енного] Синода. Но его местные новгородские власти не пустили в Москву.

* Речь идет о митрополите Новгородском и Старорусском Арсении (Стадницком, 1862-1936). Интерес представителей РПЦЗ к судьбе митр. Арсения не случаен, так как он был одним из виднейших иерархов того времени, одним из трех кандидатов на Патриарший престол в 1917 году и третий кандидат на должность Местоблюстителя по завещательному распоряжению митр. Петра (Полянского) от 05.12.1925 года. Приведенные митр.Елевферием со слов митр.Сергия факты не соответствуют действительности. Находясь в Москве по вызову ГПУ с июля 1922 года, митр. Арсений был арестован 22.03.1923 года по делу Патриарха Тихона о сопротивлении изъятию церковных ценностей. 28.03.1924 года осужден на 3 года высылки в Среднюю Азию. Проживал в Полторацке (совр.Ашхабад). В 1926 году переведен в Ташкент, где и находился безвыездно до своей кончины. В 1933 году назначен на Ташкентскую и Туркестанскую кафедру. В 1927 году митр. Арсения включили в состав Синода при митр. Сергии (Страгородском). Но, находясь в ссылке, он не мог принимать участия в работе Синода. Митр.Арсений никогда не ставил под сомнение полномочия митр.Сергия. (Православная энциклопедия. Изд.: ЦНЦ РПЦ «Православная энциклопедия», М., 2001, т. 3, с.409-416). Митр. Сергей рассказал эту историю митр.Елевферию явно с подтекстом. Во первых, говорится в ней о том, что местные власти препятствуют архиереям в их служении. Во вторых, трудно поверить, что митр.Арсения-одного из старейших и уважаемых архиереев, возглавлявшего древнюю Новгородскую кафедру, направили в Среднюю Азию в помощь митр.Никандру.

В это время м[итрополит] Сергей узнал, что Ташкентскому м[итрополиту] Никандру** местные власти не разрешили объезда епархии.

М[итрополит] Сергей запросил властей, не будет ли препятствий к командировке в помощь м[итрополиту] Никандру м[итрополита] Арсения и получил на то разрешение. М[итрополит] Арсений и уехал. Отсюда легко могло получиться заключение, что раз он уехал в далекий Ташкент, то значит, в ссылке. В Патриархии об этом все знали, а враги Патриаршей Церкви могли довольствоваться своим ошибочным выводом и Вам сообщить свои неправильные сведения. Но это ведь не столь уже важно. Безмерно важнее церковное дело в общем его положении.

Из последнего «Журнала Московской Патриархии» я вижу, что действительно, что м[итрополит] Сергей сам награждает, а раньше было не так, а совместно с Синодом. По крайней мере меня наградили саном митрополита совместно по предложению м.Сергия и тут же все пропели «аксиос». При мне же в Синоде обсуждались и другие представления о награждениях из епархии. Да и Свят[ейший] Патриарх Тихон сам награждал: в своей личной резолюции он награждал меня крестом на клобук. Да это и естественно, раз по воле Московского Собора в виду предвидимых им тяжелых условий политических, вся церковная власть сосредоточена в лице возглавителя Церкви, который сам и организует Синод

** Никандр (Феноменов, 1872-1933), епископ РПЦ. Митрополит Ташкентский и Туркестанский в 1927-1933 годах. В 1922 году, будучи архиепископом Крутицким, был арестован по делу об изъятии церковных ценностей. 20.03.1923 года арестован и привлечен к суду вместе с патриархом Тихоном и митрополитом Арсением (Стадницким). Сослан в Среднюю Азию. С 30.09.1931 года постоянный член Временного Синода при заместителе Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском).

при себе из приглашенных им правящих иерархов.

Последнего № Вашего журнала я не получил. Буду очень благодарен Вам за высылку №№ вообще, и с своей стороны не отказываюсь написать что-либо для него.

Теперь о бракоразводных делах.

Вы не совсем правильно представляете себе мое церковное положение. Я не представитель Русской Патриаршей Церкви за границей, а только лишь правящий Литовско-Виленской епархией, ведению которого после увольнения от управления м[итрополита] Евлогия, временно вверены Зап[адно]-Европ[ейские] приходы и только в отношении поместных церквей мне в отдельных случаях особыми указами поручается представительство Москов[скую] Патриархию. De jure я – управляющий этими приходами, de facto нет, ибо они почти все остались в расколе с м[итрополитом] Евлогием. Отсюда, я могу принимать бракоразводные дела только от приходов, находящихся в моем ведении. Принятие таких дел из других мест, было бы превышением моей власти, вторжением в область мне не подведомую.

Посему при всем моем желании помочь в трудных бракоразводных делах русским моим соотечественникам я не могу. А что принимает к производству такие дела Констант[инопольская] Патриархия, то это, несомненно, церковное безчиние, какое вообще для нея, кажется, стало делом обычным, а для нас не новость. Константинополю подражать нам не приходится, и ожидать оттуда церковного порядка теперь пока едва ли возможно. Бог им Судья.

Сообщая об очередном Карловацком Соборе, Вы говорите, что он мир не принес. Да и не может, пока сами иерархи не войдут в мир с Матерью Церковью. Без того церковная жизнь будет разрушаться; а как бы хотелось воссоздания ея. Буду очень благодарен Вам, Эксакустодиан Иванович,

если Вы напишете мне что либо о делах последнего Карловацкого Собора*. Я очень интересуюсь церковной информацией Вашего журнала. Думаю, что Вы с течением времени выровняете нужное для восстановления церковной жизни направление его, дав ему желательную определенность и этим послужите Матери-Церкви.

Призывая на Вас Божие благословение, с чувством глубокого к Вам уважения остаюсь М[итрополит] Елевферий.

1932 года, 22 Сентября- 5 Октября. Ковно

Эксакустодиану Ивановичу Махораблидзе, бывшему главному Секретарю Карловацкого Синода. В Сербию, Белград.

АГЕ, Ф.4, Оп.1, Папка «Указы Архиерейского Синода РПЦЗ. Распоряжения Патриархии. 1923-1951 гг.».

Машинопись, подлинник.

* Последний, ко времени написания настоящего письма митр.Елевферия, АС РПЦЗ состоялся 28.08-10.09.1932 года. Собором было принято окружное послание ко всем верным чадам в рассеянии сущим с осуждением масонства. Но, сообщая митр.Елевферию о том, что последний АС мир не принес, Махораблидзе, возможно, имел в виду Определение Собора об отпевании иноверцев. Поводом послужили панихиды, совершавшиеся в церквях Западно-Европейского Экзархата (митр.Евлогий) по убитому русским эмигрантом Горгуловым президенту Франции Полю Думеру (1857-1932). В Определении по этому поводу говорилось: «Не ясно ли, что это была просто манифестация русских чувств в отношении почтенного Президента, погибшего от русской преступной руки? Но разве для выражения сочувствия Франции и для осуждения злодеяния Горгулова не было других средств, кроме заупокойной и церковной службы? Делать Церковь орудием чисто политических целей не значит ли унижать её достоинство в глазах самих иноверцев». https://sinod.ruschurchabroad.org/ArhSoborOpred_otpevanie_inovertsev.htm. (дата обращения-12.09.2016).

Summary

In the face of church polemics from the late 1920's and early 1930's, during the tragic period of separation of the Moscow Patriarchate and the Russian Orthodox Church Abroad, the publication of the letter of Metropolitan Eleafery (Bogoyavlensky) proves to be a rare example of direct dialogue between the representatives of those churches. With his appointment on April 30, 1931, as administrator of Russian parishes in Western Europe, Metropolitan Eleafery set a goal for

himself: «if not to restore the canonical and spiritual formation of the Russian Orthodox Church Abroad ..., then to instill at least some measure of canonical understanding» [The Church and Time, 1999, No. 3(12), p. 288]. The published document is primarily interesting in the context of the related activities undertaken by Metropolitan Eleafery. Introduction, comments and publication has been written by Anatoly Kinstler.

Reference list

- 1 Kostrjukov A. A. Russkaja Zarubezhnaja Cerkov' v pervoj polovine 1920-h godov. Organizacija Cerkovnogo Upravlenija v jemigracii. Izd-vo PSTGU, M. 2007, s.69.
- 2 Cerkovnye vedomosti. 1927, # 17-18. S. 1-3.
- 3 Bakonina S. N. Deklaracija mitropolita Sergija 1927 goda i jurisdikcionnye konflikty za granicej v svete sobytij na Dal'nem Vostoke. Vestnik PSTGU. Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2008. Vyp. II:2(27), s.65.
- 4 Kosik O. V. Golosa iz Rossii: Oчерki istorii sbora i peredachi za granicu informacii o položenii Cerkvi v SSSR (1920-e – nachalo 1930-h godov). Izd-vo: PSTGU, M. 2011, s.119.
- 5 Kostrjukov A. A.. Ukaz soch., s.18.
- 6 Pis'mo arhiepiskopa Aleksandra (Lovchego) mitr. Anastasiju (Gribanovskomu) ot 30.08.1956 goda. AGE, F. 7, Papka «Eparhial'naja perepiska, 1956 god».
- 7 Kostrjukov A. A.. Ukaz.soch., s.91.
- 8 Kostrjukov A. A., Russkaja zarubezhnaja cerkov' i ukaz Patriarha Tihona ob uprazhnenii zagranichnogo vysshego cerkovnogo upravlenija. Otechestvennaja istorija. 2007 g. # 5, s. 72.
- 9 Eleaferij (Bogojavlenskij), mitr. Nedelja v Patriarhii // Iz istorii Hristianskoj Cerkvi na rodine i za rubezhom v XX stoletii: Mat-ly po istorii Cerkvi. Kn. 5. M., 1995, s. 185.
- 10 Naprimer: Kostrjukov A. A. Russkaja Zarubezhnaja Cerkov' v pervoj polovine 1920-h godov. Organizacija Cerkovnogo Upravlenija v jemigracii. Izd-vo PSTGU, M. 2007; Mazyrin Aleksandr, ierej. Vysshie ierarhi o preemstve vlasti v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1920-h-1930-h godah. Izd.: PSTGU, M. 2006.
- 11 Vinogradov V. P., protopresviter. O nekotoryh vazhnejshih momentah poslednego perioda zhizni i dejatel'nosti Svjatejshego Patriarha Tihona (1923-1925) //C.-istoricheskij vestnik. 1998. #1. s.32.
- 12 Cerkov' i vremja. # 3 (12), 1999, s.288.

Православие в Балтии
№ 6 (15)
Научно-аналитический журнал

Pareizticība Baltijā
Nr. 6 (15)
Zinātniski analītisks žurnāls

The Orthodoxy in the Baltics
№ 6 (15)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU Filozofijas un socioloģijas institūts

Kalpaka bulvārī 4, Rīga, LV-1050
tālr. – 67034520 e-pasts – fsi@lza.lv www.fsi.lu.lv

Iespiests SIA „Drukātava”, Mārupē, Spilvas ielā 9

С 1993 по 2011 г. было издано девять номеров сборника статей (журнала) «Православие в Латвии. Исторические очерки», которые уже стали библиографической редкостью. Учитывая то, что данное издание является единственным в своей области академическим изданием в балтийском регионе, публикующим новейшие научные исследования по истории Православной Церкви, с десятого номера журнал выходит под другим названием – «Православие в Балтии».

№ 6 (15)

Православие в Балтии

Научно-аналитический журнал

Научные статьи

Шкаровский Михаил
Последний год существования
Прибалтийского экзархата в
период Второй мировой войны

Константин Обозный
Претерпевший до конца...
О жизни и служении пресвитера
Гордия Ольшевского

Александр Гаврилин
Епископ Константин (Ессенский)

Антони Миронович
Православная Церковь в Польше
в 1945–1948 гг.

Регина Лаукайтите
Православные монастыри в Литве:
советский период истории

Сергей Мянник
Епископ Исидор (Богоявленский)

Наталья Большакова-Минченко
Жизнь, сокрытая в Боге:
Архимандрит Виктор (Мамонтов)

Мемуары

Воспоминания Анны Гарклавы

Публикация документов

Наследство Платона, епископа
Ревельского (К столетию принятия
им кафедры Рижской епархии)

Письма игуменьи Сергии
(Мансуровой) епископу
Ревельскому, vicарию Рижскому
Платону летом 1918 г. (Материалы
к истории эвакуации Рижского
Св.Троице-Сергиева женского
монастыря в годы Первой
мировой войны)

Письмо митрополита Елевферия
(Богоявленского) бывшему
главному секретарю Карловацкого
Синода Е. И. Махароблидзе от
05.10.1932 года

ISSN 2255-9035

